ISSN 2542-2197

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

12
выпуск (867)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2022

1930

ISSN 2542-2197

MSLU
MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK
OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY
HUMANITIES

12
Issue (867)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2022

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 12 (867)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК

доктор филологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK
OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 12 (867)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-chief
G. G. BONDARCHUK **Doctor of Philology, Professor**

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A.P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V.V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K.V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O.V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IMLI)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU “Higher School of Economics” in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osminina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Institute of the Russian Language)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M.V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Взгляд Пазолини на несобственно-прямую речь в итальянском нарративе
БОРИСОВА Е. С. 9

Прецедентное имя как способ создания медийного образа во франкоязычных и англоязычных СМИ (корпусный подход)
ГОЛУБКОВА Е. Е. 16

Механизмы взаимодействия вербального и нотного текста псалмов в мультимодальном литургическом дискурсе
ДМИТРИЕВА М. Н. 20

От sweatshirt к свитшоту: о фонологических изменениях единиц, заимствованных из английского языка
КИРСАНОВА Е. М., ПОЛЬСКАЯ С. С. 26

Эвфемизмы и способы эвфемизации в нидерландском языке
КОЛОМИЕЦ Н. А. 32

Языковая неоднозначность в текстах юридических документов
КОРАБЛЕВА Н. Ю. 38

Midsommar, medelsvensson и роль фоновых знаний в работе переводчика
МАТЫЦИНА И. В. 44

Грамматикализация в системе служебных имен (на примере современного корейского языка)
МОЗОЛЬ Т. С. 51

Работа переводчика португальского языка с медиатекстами, содержащими средства речевой манипуляции
ЛЕШИН А. Г., НЕЧАЕВА К. К., ЛЮБЯНИЦКАЯ А. А. 58

Особенности датской лингвопрагматики как отражение датского менталитета
НИКУЛИЧЕВА Д. Б. 67

Фоносемантика и возможности ее современной интерпретации
ПОТАПОВА Р. К., ПОТАПОВ В. В., ПОМЕРАНЦЕВ Н. Д. 74

Подходы к сентимент-анализу
СЕМЕНОВА М. О. 83

Культурологические и лингвистические особенности подготовки синхронного переводчика на примере редкого языка (датского)
СКАЧКОВА А. А., ЛИПАЧЕВА А. А. 88

СОДЕРЖАНИЕ

Из истории специального перевода с русского языка на английский в XVIII веке
ТАУНЗЕНД К. И., ПОЛУБОЯРОВА М. В. 95

Шведская модальная частица ju как средство формальной и смысловой связности в диалогическом тексте
ФИЛИНОВА Ю. В. 106

О современных тенденциях развития диалектов Немецкой Швейцарии
ЮКЛЯЕВА Е. А. 113

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Конструируя колониальную историю. Гренландия и ее жители в датскоязычной художественной литературе XX–XXI веков
ЛОМАГИНА А. В. 120

Особенности рецепции древнескандинавской мифологии в современной исландской поэзии: «Кровавокопытный» Герд Кристни Гвюдйоунсдоттир
МАРКЕЛОВА О. А. 130

Вдохновение как жанр. Трактат ибн Шухейда о поэтическом творчестве
НИКОЛАЕВА М. В. 137

Русская литературная классика XIX века в романе М. Павича «Пейзаж, нарисованный чаем»
НИКОЛИЧ М. 143

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Селебрити как флагманы внедрения социокультурных трендов в обществе
АВЕРИНА М. В. 149

Тема Петербурга в творчестве Иосифа Бродского: культурный контекст. Статья вторая. Возвращение города.
ТЁМКИН В. А., ПОДОЛЬСКАЯ И. А. 157

LINGUISTICS

Pasolini's View on the Free-Indirect Speech in the Italian Narrative
BORISOVA E. S. 9

Precedent Name as a Means of Creating Media Image in French and English Mass Media (corpus-based approach)
GOLUBKOVA E. E. 16

Mechanisms of Interaction of Verbal and Musical Text of Psalms in Multimodal Liturgical Discourse
DMITRIEVA M. V. 22

From Sweatshirt to 'Свитшот': on Phonological Transfromations of the English Loan Words
KIRSANOVA E. M., POLSKAYA S. S. 26

Euphemisms and Types of Euphemization in Dutch
KOLOMIETS N. A. 32

Ambiguity in Legal Texts
KORABLEVA N. Y. 38

Midsommar, Medelsvensson and the Role of Background Knowledge in the Translator's Work
MATYTSINA I. V. 44

Grammaticalization in the System of Bound Nouns (based on modern Korean)
MOZOL T. S. 51

Particularities of the Work of a Portuguese-Russian Translator-Interpreter with Texts Containing Speech Manipulation
LESHIN A. G., NECHAEVA K. K., LIUBIANITSKAIA A. A. 58

Danish Linguopragmatics as a Reflection of the Danish Mentality
NIKULICHEVA D. B. 67

Phonosemantics and its Possible Modern Interpretation
POTAPOVA R. K., POTAPOV V. V., POMERANTSEV N. D. 74

Sentiment Analysis Approaches
SEMENOVA M. O. 83

Cultural and Linguistic Aspects of the Preparation of a Simultaneous Interpreter on the Example of a Rare Language (Danish)
SKACHKOVA A. A., LIPACHEVA A. A. 88

Scientific Translation from Russian into English: a Case in 18th Century History
TAUNZEND K. I., POLUBOYAROVA M. V. 95

CONTENTS

The Swedish Modal Particle *ju* as a Means of Cohesion and Coherence in Dialogic Texts
FILINOVA YU. V. 106

On Current Trends in the Development of Dialects in German Speaking Switzerland
YUKLYAEVA E. A. 113

LITERARY STUDIES

Constructing the Colonial Past. Greenland and Greenlanders in the Danish Literature of the 20th–21st Centuries
LOMAGINA A. V. 120

Reception of Old Norse Mythology in Modern Icelandic Poetry: the Case of "Blóðhófnir" by Gerður Kristný Guðjónsdóttir
MARKELOVA O. A. 130

Inspiration as a Genre. Tractate on Poetry by Ibn Shuhayd
NIKOLAEVA M. V. 137

Russian Literature Classics of the 19th Century in the Novel „Landscape Painted with Tea" by M. Pavich
NIKOLICH M. 143

CULTUROLOGY

Celebrities as Flagships of the Introduction of Socio-Cultural Trends in Society
AVERINA M. V. 149

The Theme of St. Petersburg in the Works of Joseph Brodsky: Cultural Context. Article Two. Return of the City
TYOMKIN V. A., PODOLSKAYA I. A. 157

Научная статья
УДК 811.131.1+81'42+81-114.2
DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_9

Взгляд Пазолини на несобственно-прямую речь в итальянском нарративе

Е. С. Борисова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
borisova.es@linguanet.ru

Аннотация. Статья приурочена к 100-летнему юбилею Пьера Паоло Пазолини, который известен своими эссе, в том числе и лингвистической направленности. Два из них рассматриваются в данной работе в контексте общеисторических и философских взглядов Пазолини на грамматическую конструкцию несобственно-прямой речи. Методом контекстуального анализа будут выделены его основные идеи и определена их значимость для трактовки несобственно-прямой речи (НПР) в итальянском нарративе.

Ключевые слова: Пазолини, история возникновения несобственно-прямой речи, грамматико-стилистические особенности, внутренний монолог

Для цитирования: Борисова Е. С. Взгляд Пазолини на несобственно-прямую речь в итальянском нарративе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 12 (867). С. 9–15. DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_9

Original article

Pasolini's View on the Free-Indirect Speech in the Italian Narrative

Elena S. Borisova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
borisova.es@linguanet.ru

Abstract. The article is dedicated to the 100th anniversary of Pier Paolo Pasolini, who is known for his essays, including linguistic ones. Two of them are considered in the article in the context of Pasolini's general historical and philosophical views on the grammatical construction of free-indirect speech. His main ideas are highlighted and their significance for the interpretation of the free-indirect speech in the Italian narrative by the method of contextual analysis is determined.

Keywords: Pasolini, genesis of free-indirect speech, grammatical and stylistic features, internal monologue

For citation: Borisova, E. S. (2022). Pasolini's view on the free-indirect speech in the Italian narrative. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(867), 9–15. 10.52070/2542-2197_2022_12_867_9

ВВЕДЕНИЕ

Личность Пазолини, его непростая судьба, разносторонность его творческой деятельности превосходно охарактеризованы итальянским писателем и журналистом Франко Корделли, который отмечает, что Пазолини был не просто художником. Он хотел принадлежать публичной жизни, влиять на нее и поэтому по своему собственному желанию он стал исторической фигурой. «Он был интеллектуалом по мощи и таланту ни с кем не сравнимым в 1960–1970-х годах» [Cordelli, 2022]. (Здесь и далее перевод наш – *Е. Б.*).

Литературный путь Пазолини начался уже в семилетнем возрасте, когда мама показала ему на личном примере, что «стихотворение можно записать, а не только прочесть в школе» [Сичилиано, 2011]. После классического школьного образования последовал университет в Болонье, увлекательная жизнь литературных кружков и издаваемые студентами журналы. Первый его сборник «Стихи в Казарсе» увидел свет еще в 1942 году. Однако очарованный харизматичностью искусствоведа Роберто Лонги, знатока барокко, Пазолини решил написать диплом об истории барокко. Это желание не осуществилось, поскольку он потерял рукопись, убегая из окружения от немцев, призвавших его на военную службу в 1943 году. Второй диплом был уже филологической направленности и представлял собой антологию поэзии Джованни Пасколи (1855–1912). С тех пор он не оставлял литературную деятельность до конца жизни.

Актуальность данной работы заключается в том, что две анализируемые филологические работы Пазолини *Intervento sul discorso libero indiretto* [Pasolini, 1991] и *La volontà di Dante di essere poeta* 1965 г. [Pasolini, 1991] до сих пор не переведены на русский язык и не известны российскому читателю, в то время как в них содержатся интересные мысли, связанные с развитием итальянской литературы, становлением итальянского языка и с проблемой передачи «чужой» речи в нарративе. Определение «чужой» мы берем в кавычки, поскольку в любом типе повествования трансляция слов персонажа – заслуга автора, создателя текста.

В статье, опубликованной в ежемесячном литературно-художественном журнале «Paragone» № 184 и представляющей собой своеобразную рецензию Пазолини на монографию венгерского итальяниста Джулио Херкцега «Несобственно-прямой стиль в итальянском языке» [Herczeg, 1963], содержится развернутый критический отклик на первое крупное лингвистическое исследование НПР в итальянистике.

Поскольку уже в названиях анализируемого материала и его перевода кроются противоречия, необходимо при помощи сравнительно-сопоставительного анализа разъяснить терминологические тонкости, связанные как с разным подходом к исследуемому материалу, так и с типологическими различиями русского и итальянского языков.

Вышеуказанным задачам соответствует цель статьи – определить значимость работ Пазолини для исследования НПР в итальянском нарративе. В дальнейшем будет выделен круг тем, которые Пазолини затрагивает в своих работах и согласно этому кругу определен подход Пазолини к НПР.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Уже в самом названии первой статьи Пазолини возникает полемика с венгерским итальянистом, которая касается названия исследуемого объекта: у Пазолини – *discorso* ***libero*** *indiretto*, у Херкцега – *stile indiretto libero*. Прилагательное *свободный* в первом случае стоит сразу же после определяемого слова. Это говорит о его существенности, тем более что Пазолини и сам не раз акцентирует на этом внимание. Даже внутри грамматического термина автор видит важную для него *социальную категорию – свободу*.

Но название грамматической конструкции в обеих статьях принципиально разнится с ее русским эквивалентом. Чтобы понять причину, следует обратиться к истории исследования НПР в отечественном языкознании. Этот термин был введен М. М. Бахтиным еще в 30-е годы XX века, на первый взгляд, он диаметрально противоположен своим итальянским эквивалентам: *свободная косвенная речь* – у Пазолини, *косвенный свободный стиль* – у Херкцега. Однако появление атрибутивного словосочетания *прямая речь* (далее – ПР) вполне оправдано для русского языка, поскольку из-за отсутствия развитой системы согласования времен в русском языке эта конструкция действительно ближе к прямой речи.

В следующем примере мысли персонажа (Микеле) переданы НПР, которая в русском тексте отличается от ПР только отсутствием пунктуационного выделения, в то время как в оригинале мы видим согласование переданной речи с вводящим высказыванием:

> Un sorriso di compiacimento tentava le sue labbra: [quell'ottimo, quell'eccellente Leo! La madre aveva ragione, in fondo era un uomo pratico, brusco, si sa, ma un cuor d'oro…] (*A. Moravia. Gli indifferenti*).[1]

[1] Зд. и далее НПР выделена в тексте квадратными скобками

> На губах Микеле невольно промелькнула радостная улыбка. [Этот превосходный, блистательный Лео! Мать права – человек он, конечно, практичный, грубоватый, но сердце у него золотое] (*А. Моравиа. Равнодушные. Пер. Л. Вершинина*).

В термине «НПР» отражено типологическое отличие русского языка от итальянского, а шире – от романо-германских, ср. ит. *discorso indiretto libero*, фр. *discours indirect libre*, исп. *discurso indirecto libre*, англ. *free indirect speech*. Все эти термины буквально переводятся как *свободная косвенная речь*.

Кроме очевидных проблем, возникающих при переводе названия рассматриваемой конструкции, терминологические несоответствия могут быть связаны и с различными подходами к изучению языка художественных произведений, которые породили больше двух десятков русских эквивалентов [Беличенко, 2006].

В данной статье и других своих исследованиях мы придерживаемся устоявшейся терминологии, поэтому и переводим термин Пазолини *discorso libero indiretto* термином «НПР», одним из четырех видов «чужой» речи в нарративе (подробнее см.: [Борисова, 2016]).

НПР И ВНУТРЕННИЙ МОНОЛОГ

В приведенных Е. Е. Беличенко перечне синонимов НПР [Беличенко, 2006] встречается термин «внутренний монолог» (далее – ВМ), что в корне не верно. На это обращает внимание и Пазолини в своей статье: «В крайнем случае ВМ может быть передан языком писателя и принадлежать персонажу (и это справедливо, если персонаж относится к той же эпохе, культуре и социальному классу, что и автор)» [Pasolini, 1991a, с. 92]. С точки зрения Пазолини, во ВМ не может быть натурализма, поскольку он приближается к языку поэзии, в которой, «как узор на персидском ковре, сливаясь воедино, переплетаются души персонажа и автора. А НПР, опять же в крайнем случае, может быть написана языком, чрезвычайно отличным от языка автора, при этом она не будет гнушаться натурализма» [там же].

Справедливо замечание Пазолини о том, что конструкцией НПР могут быть переданы как слова, так и мысли персонажа. Херкцег же, напротив, считает, что в НПР воспроизводятся исключительно мысли персонажей, а не их речь.

Существенно то, что взаимопроникновение и отождествление автора и персонажа в конструкции НПР приобретает для Пазолини социально значимый ракурс: персонаж, по его представлению, не должен быть концентрацией авторской идеологии, не разделяющей существования какой-либо другой идеологии и ставящей себя выше других, а буржуазный автор в свою очередь «не должен подсознательно идентифицировать весь мир со своим буржуазным миром <…>. Если он не может признать существования иных психологических типов <…> он совершает первый шаг к формам защиты своих привилегий и даже к расизму» [Pasolini, 1991a, с. 90]. Для Пазолини важно выражение своих социально-политических взглядов, самоидентификация, поэтому он резок и категоричен в своих замечаниях даже по поводу НПР.

СТИЛЬ СТАТЕЙ И ТЕМАТИКА СТАТЕЙ ПАЗОЛИНИ

Статьи Пазолини фрагментарны. Сам автор говорит о том, что его рецензия на работу Херкцега больше похожа на собрание заметок и экскурсов, сделанных на полях книги, а статья «Желание Данте быть поэтом» – на совокупность заметок, возникших в рамках общеитальянского интереса к Данте в годы после Второй мировой войны.

Его «заметки» касаются грамматических форм глагола (инфинитива и простого прошедшего законченного времени Passato remoto), эстетической категории иронии и истории возникновения НПР. С точки зрения Пазолини, невозможно понять некоторые формы несобственно-прямой речи, если не учитывать тот факт, что «усредненный язык, на котором два или три поколения назад говорили только 5 % итальянцев, прошел путь от литературного языка к языку, выполняющему государственно-бюрократическую функцию. Войдя в узус не революционной буржуазии, этот язык не мог оставаться на уровне своей “усредненности”. Он расщепился на два вектора: один – устремленный вверх, другой – вниз» [Pasolini, 1991a, с. 87]. Принимая во внимание время написания статьи, остается заметить, что речь идет о первых десятилетиях XX века до прихода к власти фашизма.

Согласно представлению Пазолини НПР вписывается в картину особой литературной природы итальянского языка, ставшей, однако, препятствием к формированию настоящей национальной культуры. НПР принадлежит к «усредненному» литературному языку, к «демократичному объекту общего пользования, *res communis omnium*» [там же]. Пазолини обращает внимание на то, что только после движения Сопротивления возникла серьезная попытка создания национального языка, в котором объединился бы разговорный итальянский и литературный языки. В связи с этим вполне закономерны и справедливы выводы Пазолини о том, что нельзя

рассматривать НПР, не учитывая исторических особенностей развития разговорного и литературного итальянского языка. Существенно то, что до Пазолини раньше никто не задумывался о смешении в составе НПР низкого и высокого языковых слоев.

ВОПРОС О ВОЗНИКНОВЕНИИ НПР

Говоря об истории возникновения НПР, Пазолини отталкивается от приведенных в работе Херкцега шестидесяти примеров из «Неистового Роланда» Людовико Ариосто (1474–1533). Существенным для Пазолини является то, что уже в XVI веке у итальянского автора в поэтическом произведении проявляется социальное самосознание: трагикомичный язык поэмы, смешение языковых регистров, снижение языка поэзии до языка прозы, лингвистическое подражание, мимезис.

Однако первые ростки еще грамматически не оформившейся НПР Пазолини видит ранее, у Данте (1265–1321) в «Божественной комедии». Они появляются там, где поэт подражает языку, свойственному определенным слоям общества: элите – в пятой песне «Ада» о Паоло и Франческе, в которой происходит «абсолютное погружение автора в психологию и социальные привычки персонажей» [Pasolini, 1991б, с. 105]; низам общества, в тех случаях, когда Данте представляет фигуры из «подозрительного мира», используя характерные лексические средства [там же].

К проблеме «чужой» речи у Данте Пазолини более подробно обращается в статье «Стремление Данте быть поэтом». Обратим внимание, что Пазолини вновь относится к НПР, как к философской категории, а вовсе не как к грамматической конструкции. С его точки зрения, НПР возникает там, где автор вводит в нарратив персонажей социального круга, к которому он сам не принадлежит, там, где есть «революционное» смешение высокого и низкого языковых стилей: теологической латыни и флорентийского наречия простых горожан, буржуа. Включение в «Комедию» языка флорентийской буржуазии способствовало «расширению лексического, экспрессивного и социального языковых пластов», включению «различных составляющих этого языка: жаргона, социолектов, языка элиты и заимствований» [Pasolini, 1991б, с. 104]. «Если персонажи принадлежат тому же социальному классу, что и Данте, той же интеллектуальной и культурной элите, той же эпохе или тому же поколению, что и Данте, их язык формально не отличается от языка автора. Однако отличие существует на психологическом уровне и больше относится к стилю, чем к языку» [там же]. Причиной этих стилистических трансформаций является, с точки зрения Пазолини, прежде всего, общественное сознание.

Пазолини приводит несколько примеров из низкого слоя лексики и предполагает, что ее проникновение в «Божественную комедию» связано с активным участием Данте в социальной и политической жизни Флоренции:

squadrare le fiche: il ladro Le mani alzò con amendue ***le fiche***, Gridando: «Togli, Dio, ch'a te ***le squadro***!» (*Dante*);

fare del cul trombetta: Ed elli ***avea del cul fatto trombetta*** (*Dante*);

dindi: Anzi che tu lasciassi il «pappo» e 'l «***dindi***» (*Dante*).

Сравнивая двойственную языковую природу «Комедии» с двойственной природой Христа – божественной и человеческой, – Пазолини признается, что ему сложно определить, кем для него является Данте: тем, кто с небесной высоты обращает долу свой проницательный взгляд, или тем, кто видит мир, состоящим из городских закоулков и подземелий.

С одной стороны, языковая интерференция у Данте, непременное условие НПР, связана с включением различных языковых регистров в ткань поэтического повествования, с другой – с равноудаленностью автора от своих персонажей, от себя-персонажа и от своих чувств, будь то гневные протесты, бесхитростное восприятие действительности, серьезные и чрезвычайно нежное воспроизведение некоторых деталей. Все это, с точки зрения Пазолини, оказалось возможным только благодаря тому, что Данте стал главным героем своей поэмы.

Подчеркнем, что вопрос о возникновении НПР важен для Пазолини как для политически ангажированного филолога. Тем более что появление этой конструкции связано с литературно-историческими факторами объективации повествования. В Италии таким фактором был, прежде всего, веризм, литературное направления второй половины XIX в., в рамках которого писатели искали новые способы включения слов или мыслей персонажа в текст, в форме как можно более приближенной к спонтанной разговорной речи.

Попутно хотелось бы обратить внимание на то, что проблема устранения голоса нарратора напрямую связана с бахтинским противопоставлением Я и ДРУГОЙ. Данная дихотомия стала использоваться для анализа диалогичности практически любого текста в итальянской нарратологии начиная с середины XX в., а теория «чужой» речи в итальянской лингвистике получила активно развитие именно после переводов работ М. М. Бахтина на итальянский язык.

Пазолини находит примеры НПР не только у Ариосто и Данте, но также у Луиджи Пиранделло

(1867–1936), Бруно Чиконьяни (1879–1971), Альберто Моравии (1907–1990), Эльзы Моранте (1912–1985) и Джорджо Бассани (1916–2000).

О персонажах Пиранделло и Чиконьяни говорит и Херкцег в своем исследовании. Они принадлежат кругу мелкой буржуазии и являются «рупором идей» их создателей, «объектом их ностальгии». НПР позволяет авторам включить в текст произведения «средний» разговорный язык и таким образом пропустить в литературу «натуралистичность».

Далее в своих заметках Пазолини приводит «Римские рассказы» Моравиа и роман «Скука», в которых автор сопереживает персонажам из народа в форме НПР. Однако на основании «лингвистической симпатии» и опять же не приводя конкретных примеров из текста Пазолини отождествляет ПР с НПР, несмотря на их явные структурные различия в итальянском языке.

Пазолини находит НПР и в «Острове Артура» у Моранте, которая перевоплощаясь в главного героя, называет саму себя третьим лицом.

Классической формой переданной речи Пазолини называет НПР Бассани, который описывает мир мелкой еврейской буржуазии города Феррары с ее разговорным буржуазным языком.

С точки зрения Пазолини в форме НПР могут быть написаны целые романы, при том условии, что автор идентифицирует себя с персонажем, а персонажи становятся псевдообъективацией автора, инструментом его самовыражения.

ГРАММАТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НПР

Как отмечалось выше, статьи Пазолини, насыщенные идеологической и социологической составляющими, следует отнести к работам стилистико-философской направленности. Наблюдений, которые касаются грамматики НПР, мало и они весьма поверхностны.

В статье «Стремление Данте быть поэтом» говорится о том, что простого опущения изъяснительного союза *che* достаточно для появления НПР.

В той же статье Пазолини называет «лексическим решением пережитой речи» графически выделенную прямую речь в Комедии Данте, с чем нельзя согласиться, поскольку характерной особенностью НПР является именно отсутствие пунктуации.

В «рецензии» на работу Херкцега Пазолини довольно много места уделяет инфинитиву, грамматической форме, позволяющей автору «говорить через персонажа». К инфинитивным функциям описания и историчности, выделенным Херкцегом, Пазолини прибавляет «эпическую». Эта функция, по его словам, проявляется в «хоральности», т. е. в речевых условиях, при которых инфинитив обращен не к одному, но к «целому хору получателей». В указанном случае эта грамматическая форма должна вызывать у читателя сочувствие, поскольку содержит в себе «переживание речи субъекта, представляющего целую категорию говорящих» [Pasolini, 1991a, с. 81].

Далее Пазолини полемизирует с Херкцегом по поводу простого прошедшего законченного времени (Passato remoto) и настаивает на том, что по сравнению с незаконченным прошедшим временем (Imperfetto) оно чаще встречается в НПР. Пазолини считает, что существуют произведения, где «по загадочной необходимости взаимопроникновения» автор говорит устами своего персонажа, неизбежно используя Passato remoto в НПР. Говоря об эпичности Passato remoto в конструкции НПР, «форме коллективно пережитой речи», Пазолини приводит в пример романы Джованни Верги (1840–1920). НПР в них – стилистический прием, указывающий, с точки зрения Пазолини, на идеи классического марксизма в творчестве сицилийского писателя. В связи с этим необходимо понимать, что наблюдения Пазолини довольно поверхностны, поскольку Passato remoto на самом деле в большинстве случаев – это время глаголов, вводящих высказывание персонажа в НПР, что доказывает проведенное нами исследование на корпусе более чем из 3000 примеров, взятых из произведений итальянских писателей конца XIX начала XX веков. Означенная конструкция имеет четкие грамматические показатели, создающие текстовую интерференцию, один из них – это Passato remoto, вводящее высказывание персонажа, переданное посредством НПР.

Далее Пазолини обращается к иронии и полемизирует с австрийским лингвистом и литературным критиком Лео Шпитцером, который первым обратил внимание на НПР в итальянской художественной литературе (его работу подробно анализирует Херкцег). Для Шпитцера ирония – основной признак НПР. Действительно, в итальянской литературоведческой традиции НПР часто трактуется как средство передачи авторской иронии по отношению к персонажам, например, в работах Гвидо Бальди [Baldi, 1980; Baldi, 2005]. Пазолини в свою очередь уточняет, что суть иронии не в «добродушной критике» какого-либо персонажа, как считал Шпитцер и его последователи, а в «*лингвистической симпатии*» (курсив мой – *Е. Б.*), которая довольно часто не соответствует авторским преференциям, так как «персонаж не всегда носитель той же идеологии, что и автор» [Pasolini, 1991a, с. 89]. Для Пазолини НПР – «это действие мима, который обладает шутовскими способностями перевоплощения в другого субъекта» [там же], а этот мим может выбрать

стратегию подражания персонажу либо из-за симпатии, либо из-за иронии. Характерный пример такого подражания, с точки зрения Пазолини, – проза итальянского писателя и драматурга Карло Эмилио Гадды (1893–1973), который пародирует своих персонажей, чтобы показать свою неприязнь к ним.

ШИРОТА ВОСПРИЯТИЯ НПР ПАЗОЛИНИ

Как это ни покажется странным, Пазолини находит НПР даже у Чарли Чаплина в немом фильме «Новые времена» (*Sharlot*, *Tempi moderni*, 1936), в котором «разрушается миф о *homo technologicus*: Чарли, проникнув на завод из другого общества с иными обычаями, высмеивает отсутствие выразительности мира техники. <…> Маленький Бродяга не хочет быть “винтиком” в промышленной мега-машине и так похожего на нее окружающего мира. Чарли сражается с тупыми богачами, всесильными полицейскими и бездушными начальниками конвейерного производства» [Pasolini, 1991a, с. 102]. Становится еще более очевидно, что НПР для Пазолини – это не грамматическая категория, а философское понятие, которое можно распространять на различные сферы искусства.

Широта восприятия НПР знаменитым режиссером подтверждается также тем, что Пазолини находит ее и в поп-культуре, которая так же, как НПР, «лишает культуру ореола святости» [Pasolini, 1991a, с. 95]. Элементы поп-культуры встречаются и в литературе авангарда, текст которой «расположен на одной плоскости, как детский рисунок или как примитивное письмо» [там же, с. 96]. Три четверти текстов литературы авангарда Пазолини относит к особой форме НПР: авторы «пишут, отдавая голос мифическому “homo technologicus”, герою наизнанку, отрицая и прошлое, и настоящее» [там же, с. 98]. В литературе авангарда 1960-х годов, по словам Пазолини, «есть некая научная бесхитростность… которая способствовала созданию нового типа НПР» [там же], совмещающего в себе язык писателя и технологический язык нового типа рабочих и работодателей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, следует еще раз обратить внимание на то, что проанализированные статьи Пазолини относятся к работам стилистико-философской направленности. Они отчетливо содержат идеологическую и социологическую составляющие, которые прослеживаются уже в самом итальянском названии данной конструкции и намеренной акцентуации прилагательного *свободный*. Фрагментарность и конспективность статей не умаляет их значимости в ряде вопросов, важных для понимания НПР.

Справедливо сложившееся представление Пазолини о том, что конструкция НПР, при помощи которой могут быть переданы как слова, так и мысли персонажа, – это не ВМ.

Обращение к генезису НПР позволяет Пазолини затронуть особо значимые темы, связанные с историей итальянского языка, с предпосылками появления конструкции, в рамках которой возможно смешение разных языковых уровней. К ним принадлежат автор и персонаж. Однако отметим, что выкристаллизованная НПР, совмещающая в себе как различные стилевые регистры, так и специфические грамматические особенности, появляется в итальянской прозе, начиная с веристов в XIX в., а отнюдь не в Средневековье.

НПР представляет собой интерес для Пазолини из-за ее амбивалентности, из-за ее специфической особенности совмещать в ткани художественного повествования голоса автора и персонажа. Но для Пазолини – это не грамматическая конструкция, а философское понятие, которое за счет текстовой интерференции включает в себя регистры речи различных социальных слоев. Термин «текстовая интерференция» введен В. Шмидом, под ней понимается явление, при котором «формальные, грамматические, стилистические, оценочные и тематические признаки, имеющиеся в высказывании, указывают не на одного говорящего, а относятся то к рассказчику, то к герою» [Шмид, 2008, с. 204].

Ряд грамматических проблем, рассмотренных Пазолини, неизменно приводил его к выделению стилистических функций НПР. Поэтому можно утверждать, что Пазолини относит данный способ языковой интерференции к стилистическим особенностям художественной литературы и пополняет группу преемников идей основателя школы эстетического идеализма Карла Фосслера. Однако работа Херкцега 1963 года, послужившая отправной точкой филологических изысканий Пазолини, относится к направлению, в рамках которого исследователи вслед за Шарлем Балли рассматривают НПР как грамматическую конструкцию, сосредотачиваясь на анализе ее структурных особенностей, подробнее см. [Борисова, 2010]. В том случае, если Пазолини анализирует некоторые структурные составляющие НПР, он тут же переходит на общественную значимость НПР в итальянской литературе, распространяя этот тип языковой интерференции на разные сферы искусства, в том числе и визуальные, поскольку в каждой творческой сфере, будь то кинематограф, литература или критические статьи, для Пазолини важна социальная позиция автора, его творческая *свобода*.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Cordelli F. Incancellabile Pasolini. Cosa resta (e perché la sua lezione è ancora viva) // Corriere della sera. 2022, febbraio 21. URL: https://www.corriere.it/la-lettura/pier-paolo-pasolini/notizie/incancellabile-pasolini-cosa-resta-perche-sua-lezione-ancora-viva-d5cdb218-9333-11ec-b122-b524cba6b0f8.shtml
2. Сичилиано Э. Жизнь Пазолини. Пер. И. Соболевой. СПб.: Лимбус пресс, 2011.
3. Pasolini P. P. Intervento sul discorso libero indiretto // Opere di Pier Paolo Pasolini. Milano, 1991a. P. 81–103.
4. Pasolini P. P. La volontà di Dante di essere poeta // Opere di Pier Paolo Pasolini. Milano, 1991б. P. 104–114.
5. Herczeg G. Lo stile indiretto libero in italiano. Firenze: Sansoni editore, 1963.
6. Беличенко Е. Е. Несобственно-прямая речь в языке художественной литературы: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006.
7. Борисова Е. С. Формальные способы устранения голоса нарратора в итальянской художественной прозе // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. Вып. 1 (21). С. 54–60.
8. Baldi G. L'artificio della regressione: tecnica narrativa e ideologia nel Verga. Napoli: Liguori Editore, 1980.
9. Baldi G. Eroi intellettuali e classi popolari nella letteratura italiana del Novecento. Napoli: Liguori Editore, 2005.
10. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянских культур, 2008.
11. Борисова Е. С. Исследование несобственно-прямой речи в итальянистике в 1920–1960 гг. // Известия Уральского государственного университета. Сер.1. Проблемы образования науки и культуры №2 (75). Екатеринбург: 2010. С. 232–240.

REFERENCES

1. Cordelli, F. (2022, febbraio 21). Incancellabile Pasolini. Cosa resta (e perché la sua lezione è ancora viva). In Corriere della sera. https://www.corriere.it/la-lettura/pier-paolo-pasolini/notizie/incancellabile-pasolini-cosa-resta-perche-sua-lezione-ancora-viva-d5cdb218-9333-11ec-b122-b524cba6b0f8.shtml
2. Siciliano, E. (2011). Zhizn' Pazolini = The life of Pasolini, trans. by I. Soboleva. St.Peterburg: Limbus press. (In Russ.)
3. Pasolini, P. P. (1991a). Intervento sul discorso libero indiretto. In Opere di Pier Paolo Pasolini. (pp. 81–103). Milano. (In Ital.)
4. Pasolini, P. P. (1991б). La volontà di Dante di essere poeta. In Opere di Pier Paolo Pasolini (pp. 104–114). Milano.
5. Herczeg, G. (1963). Lo stile indiretto libero in italiano. Firenze.
6. Belichenko, E. E. (2006). Nesobstvenno-pryamaya rech' v yazyke khudozhestvennoi literatury = Free-indirect speech in the language of fiction: abstract of PhD in Philology. St. Peterburg. (In Russ.)
7. Borisova, E. E. (2016). Formal'nye sposoby ustranenija golosa narratora v ital'janskoj hudozhestvennoj proze = Formal modes of cancelling the narrator's voice in the Italian fictional prose. MCU Journal of Philology. Theory of linguistics. Linguistic education, 1(21), 54–60. Moscow: MCU. (In Russ.)
8. Baldi, G. (1980). L'artificio della regressione: tecnica narrativa e ideologia nel Verga. Napoli: Liguori Editore.
9. Baldi, G. (2005). Eroi intellettuali e classi popolari nella letteratura italiana del Novecento. Napoli: Liguori Editore.
10. Shmid, V. (2008). Narratologiya = Narratology. Moscow: Languages of Slavic cultures. (In Russ.)
11. Borisova, E. E. (2010). Research of free indirect speech in the Italian studies of 1920–1960. Izvestia Ural Federal University. Series 1: Issues in education, science and culture, 2(75), 232–240. Ekaterinburg: URFU. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Борисова Елена Сергеевна

кандидат филологических наук, и. о. заведующего кафедрой итальянского языка
переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Borisova Elena Sergeevna

PhD (Philology), Acting Head of the Italian Language Department,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 06.05.2022
одобрена после рецензирования 29.05.2022
принята к публикации 10.09.2022

The article was submitted 06.05.2022
approved after reviewing 29.05.2022
accepted for publication 10.09.2022

Научная статья
УДК 811.13, 811.11
DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_16

Прецедентное имя как способ создания медийного образа во франкоязычных и англоязычных СМИ (корпусный подход)

Е. Е. Голубкова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
katemg@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ схожих лексико-грамматических конструкций во французском и английском языках, содержащих прецедентное имя популярного современного политического деятеля в качестве эталона. Сочетание методов анализа грамматики конструкций, теории аттенционального сдвига и корпусных данных позволяет сделать выводы о сходствах и различиях функционирования прецедентных имен-эталонов в медийном дискурсе.

Ключевые слова: прецедентное имя, конструкция, медийный образ, фокусировка, дефокусировка

Для цитирования: Голубкова Е. Е. Прецедентное имя как способ создания медийного образа во франкоязычных и англоязычных СМИ (корпусный подход) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 12 (867). С. 16–19. DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_16

Original article

Precedent Name as a Means of Creating Media Image in French and English Mass Media (corpus-based approach)

Ekaterina E. Golubkova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
katemg@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the comparative analysis of similar lexico-grammatical constructions in French and English, which have a precedent name of a popular contemporary political leader as a model. The combination of construction grammar analysis, attentional shift and corpus data enables us to make conclusions about the similarities and differences of French and English precedent names functioning as the models in media discourse.

Keywords: precedent name, construction, media image, focusing, defocusing

For citation: Golubkova, E. E. (2022). Precedent name as a means of creating media image in French and English mass media (corpus-based approach). Vestnik of Moscow State Linguistics University. Humanities, 12(867), 16–19. 10.52070/2542-2197_2022_12_867_16

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика данной статьи находится на пересечении нескольких исследовательских вопросов: теории прецедентности, грамматики конструкций и корпусной лингвистики и опирается на примеры из медийных текстов французского и английского языков. Фокус внимания направлен на описание свойств метафорических конструкций с прецедентными именами (ПИ), обозначающими известных современных политиков. Данное сужение материала обусловлено целью исследования – рассмотреть особенности изучаемой конструкции в двух языках и выявить особенности создания образа политических деятелей в медийных источниках на основе корпусных данных.

Многочисленные исследователи ПИ подчеркивали, что прецедентное имя является объемным хранилищем разнообразной информации – дифференциальных признаков, положенных в его основу пользователями языка. Прецедентное имя несет в себе неопределенно большой объем сжатой информации, которая актуализируется или (де-)фокусируется в зависимости от языкового окружения [Косиченко, 2010], а также экстра- и интралингвистического контекста. Смею высказать предположение, что это свойство ПИ характерно для всех языков мира. Анализ функционирования ПИ наших современников сообщает дополнительную интригу исследованию: реальные личности, активно действующие на политической арене, проявляющие изменчивость взглядов и политического курса, провоцируют средства массовой информации к разносторонней оценке их деятельности и позволяют отследить меняющиеся номинативные траектории. Другими словами, ПИ политика может становиться эталоном для сравнения по различным причинам. Данная конструкция обсуждалась в ряде работ когнитологов, но не с точки зрения актуальной динамики содержания прецедентного эталона в ее составе и не на материале французского языка [Brdar, Brdar-Szabo, 2020].

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФТОНИМИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ XYZ

Объектом нашего исследования стала частотная конструкция le / la / les Y_{nom} de Z во французском и аналогичная конструкция the Y_{name} of Z в английском языке, слот Y, которой заполнен ПИ заметного политического деятеля современности:

(1) Le président brésilien Jair Bolsonaro, *le* “*Trump des Tropiques*” comme il est surnommé.

(2) Jair Bolsonaro has been called the *Trump of the Tropics* for his overtly populist style.

Обсуждаемые метафорические конструкции оказались похожи по своей структуре в двух языках. Кроме того, точки пересечения двух языков, английского и французского, возможны по ряду иных причин. Во-первых, с каждым годом количество прецедентных концептов стремительно расширяется, растет частотность их использования, что связано с особенностями постмодернистской парадигмы, характерной для современной коммуникативной ситуации, а также с культурой вирусности, которая особенно активно развивается в последние 5–6 лет. Будучи достаточно креативной по содержанию и неоднозначной по трактовке, конструкция с прецедентным феноменом в качестве сравнительного эталона чрезвычайно частотна. Приведем, примеры использования имен знаменитостей, брендов, географических названий или сказочных персонажей:

(3) I am the Brad Pitt of Blockchain!
(4) First, it’s not a truly international product like the Pad the Coca-Cola of tablets
(5) to make San Francisco “the Paris of America”
(6) She’s been called the Thumbelina of piano.

Во-вторых, прецедентные концепты относят нас к когнитивной парадигме и вопросам категоризации мира, т. е. проблеме функционирования мышления в целом, и соотношения когнитивных структур и соответствующих им вербальных структур в каждом конкретном языке. Исследовать эти проблемы помогает интегративный подход с использованием грамматики конструкций как семантико-грамматического подхода к языку, и корпусных методов исследования, которые дают возможность систематического сбора и анализа материала.

Напомним, что аппарат грамматики конструкций [Лингвистика конструкций, 2010], позволяет систематизировать языки в отношении номенклатуры лексико-грамматических конструкций и их семантического наполнения. Корпусные методы исследования предоставляют обширный эмпирический материал – однотипные конструкции, о свойствах которых можно позднее делать выводы. Теория распределения внимания Л.Талми, в свою очередь, позволяет дать объяснение перефокусировке внимания на тех или иных дифференциальных признаках ПИ [Talmy, 2007; Ирисханова, 2014].

Исследуемые метафорические конструкции оказались похожи по своей структуре. Они состоят из детерминатива, то есть артикля, имени собственного как прецедентного и некоей сферы Z, которая вводится с помощью родительного

падежа с предлогом. Выявлены некоторые принципы выбора эталонного компонента Y. Как правило, это имя политического деятеля с более высоким рейтингом или занимающего более высокий пост, известного потенциально большему числу пользователей языка. Данная прецедентная номинация обладает некоторым дифференциальным признаком, который фокусируется в процессе реализации конструкции в контексте. Создаваемый образ политика достаточно однозначно считывается, так как дифференциальные признаки, положенные в основу сравнения, которое является, по сути, метафорой, контекстуально указываются непосредственно авторами статей, как и относительная стабильность фокусного признака на временном отрезке. Профилируемые фокусные признаки эталонного ПИ являются метонимическими проекциями релевантных для каждого контекста свойств характеризуемого объекта в слоте X.

В прецедентном имени может наблюдаться динамика фокусных признаков, а также видоизменение самого прецедентного имени. Так, в статьях 2017–2018 годов в СМИ фигурировало прецедентное имя *Donald Trump*, тогда как к 2020 году оно сократилось до фамилии. Скорее всего, это связано с ростом мировой популярности политика – уже нет необходимости уточнять имя, фамилия Трамп и так понятна. Изменились и фокусные признаки. В 2017–2018 годах прецедентное имя *Дональд Трамп* формировало имидж баснословно богатого человека, в то время, когда Трамп пришел баллотироваться в президенты, он был миллионером, внезапно очутившимся в политике. Уже к 2020–2022 годам прецедентное имя *Трамп* стало формировать имидж эпатажного политика.

Однако во франкоязычных СМИ подобная динамика не наблюдается. Так, прецедентное имя *le Trump de* или *le Donald Trump de* во франкоязычных СМИ 2016–2017 годов уже имело образ агрессивного и властного политика. К примеру, информационное агентство CNews перечислило следующие схожие черты между президентом Дональдом Трампом и филиппинским президентом Родриго Дутерте: оскорбления, давление и известность. На основе перечисленных характеристик Родриго Дутерте был назван *le Trump d'Asie*. Таким образом, в англоязычных СМИ в отличие от французских наблюдается эволюция эталонного ПИ Трампа. Для того чтобы объяснить данный феномен, требуется анализ более обширного корпуса данных.

Интересно, что некоторые прецедентные имена даже закрепляются за политиками как прозвища, и в разных языках такие конструкции выступают полными аналогами с сохранением смысла и набора признаков. Например, президент Бразилии Жаир Болсонару получил прозвище *тропический Трамп* во время предвыборной кампании осенью 2018 года, и это прозвище используется в англоязычных и франкоязычных СМИ на протяжении нескольких лет, таким образом, перевод такой конструкции на другой язык вполне возможен.

Иногда СМИ берут за основу и фамилию и имя эталона: например, в случаях, когда фамилию политика можно отнести к распространенной или схожей с именами нарицательными. Не умаляя рейтинга премьер-министров Великобритании, стоит справедливо заметить, что их фамилии, приведенные без имени в рамках данной конструкции, были бы менее понятны и узнаваемы.

Фамилия и имя также используются во избежание путаницы с именами политиков, носящих одинаковые фамилии. Так, с 1970 по 2015 год на французской политической арене большую роль играл французский политик, депутат Европарламента Жан Мари Ле Пен. Его дочь Марин Ле Пен пошла по стопам отца, сделала политическую карьеру и уже дважды баллотировалась на пост президента Франции. Обе личности являются знаковыми для французской политики. Однако вследствие схожести имен *Жан Мари* и *Марин*, а также одинаковой фамилии, при создании прецедентного имени необходимо указывать не только фамилию, но и имя политика во избежание путаницы. Такой прием необходим, так как тексты СМИ рассчитаны на быстрое понимание, а не на угадывание смысла.

Одно и то же прецедентное имя может в разных языках иметь различные фокусные признаки. Например, в англоязычных СМИ мы находим сравнение Иско Морено, мэра филиппинского города Манила, с президентом Франции Эммануэлем Макроном – проводится сравнение идеологий двух политических деятелей. Мы также находим во франкоязычных СМИ сравнение Ивана Дуке, кандидата на пост президента Колумбии, с Э. Макроном. В данном случае журналисты использовали как основание для сравнения не черты характера политических деятелей, а их жизненный путь. Так, Иван Дуке так же, как и Эммануэль Макрон, работал в банковской сфере, оба были новичками в политике (на 2018 год), И. Дуке младше своего французского коллеги всего на один год. Подобное сходство позволяет называть И. Дуке *le Macron d'Amérique latine*. Хотя в целом, во франкоязычных СМИ процент использования прецедентных имен ниже, чем в англоязычных СМИ.

ВЫВОДЫ

Подводя итог отметим, что изучаемая конструкция X IS THE Y (NAME) OF Z в английском и

соответствующая ей LE (LA) X est Le Y de Z во французском языке является, по сути, способом характеристики некоего нового объекта (политического деятеля) путем его сравнения с прецедентными эталонными именами действующих и известных в настоящее время политиков. Конструкция обладает метафоричностью, однако опирается на механизм метонимического проецирования динамических, гибких дифференциальных признаков эталонного ПИ. Использование прецедентных имен наблюдается в обоих анализируемых языках, и возможен перевод данной конструкции с полным сохранением набора фокусных признаков. Фокусные признаки достаточно легко считываются, они указываются непосредственно авторами медийных статей, что связано со спецификой медийных текстов, которые, во-первых, направлены на быстрое восприятие информации, а во-вторых, на эффективное формирование массового сознания и точки зрения. Тем не менее эволюция образов политиков с эталонными имиджами и субъективное восприятие их образов говорящим может способствовать неоднозначному толкованию каждого конкретного случая употребления конструкции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Косиченко Е. Ф. Имя нарицательное и имя символ в свете теории прецедентности // Вестник Московского государственного лингвингвистического университета. 2010. Вып. 22 (601). С. 55–64.
2. Brdar M., Brdar-Sabo R. The Bruce Willis of sandwiches THE Y OF X IS Y OF Z construction on its journey to a paragon model, as one way of achieving intersubjectivity. Diadorim, Rio de Janeiro, vol. 22, n. 2, 2020. P. 277–302.
3. Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Издательский центр Азбуковник. 2010.
4. Talmy L. Attention phenomena // Geeraerts D., Cuyckens H. (eds). The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics: Oxford University Press. 2007. P. 264–293.
5. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянских культур, 2014.

REFERENCES

1. Kosichenko, J. F. (2010). Common and Symbolic Names with Regard to Precedent Names. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 22 (601), 55–64. (In Russ.)
2. Brdar, M., Brdar-Sabo, R. (2020). The Bruce Willis of sandwiches THE Y OF X IS Y OF Z construction on its journey to a paragon model, as one way of achieving intersubjectivity. Diadorim, Rio de Janeiro, vol. 22, n. 2. P. 277–302.
3. Rakhilina, Ye. V. (ed.). (2010). Lingvistika konstruktsiy = Linguistics of constructions. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)
4. Talmy, L. (2007). Attention phenomena. In Geeraerts, D., Cuyckens, H. (eds.), The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics (pp. 264–293). Oxford University Press.
5. Iriskhanova, O. K. (2014). Focus Games in Language: Semantics, Syntax and Pragmatics of Defocusing. Moscow: LRC Publishing house. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Голубкова Екатерина Евгеньевна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Golubkova Ekaterina Evgenievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of English Lexicology, Faculty of the English Language,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.08.2022
одобрена после рецензирования 08.09.2022
принята к публикации 10.09.2022

The article was submitted 05.08.2022
approved after reviewing 08.09.2022
accepted for publication 10.09.2022

Научная статья
УДК 811.112.5+783
DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_20

Механизмы взаимодействия вербального и нотного текста псалмов в мультимодальном литургическом дискурсе

М. Н. Дмитриева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
m.n.dmitrieva@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы взаимодействия вербальных средств реализации доминантной речевой стратегии хвалы Бога и смежных коммуникативных стратегий литургического дискурса. Производится сопоставление вербального текста как компонента мультимодальной коммуникации с нотными приложениями.. Делается заключение о тесной взаимосвязи вербальных маркеров с инструментами музыкального языка как проявления эмоциональности литургического дискурса.

Ключевые слова: мультимодальность, псалом, нидерландский язык, стратегия хвалы, литургический дискурс, духовная музыка

Для цитирования: Дмитриева М. Н. Механизмы взаимодействия вербального и нотного текста псалмов в мультимодальном литургическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 12 (867). С. 20–25. DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_20

Original article

Mechanisms of Interaction of Verbal and Musical Text of Psalms in Multimodal Liturgical Discourse

Maria V. Dmitrieva

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
m.n.dmitrieva@spbu.ru

Abstract. The article considers mechanisms of interaction of verbal means of implementing the dominant speech strategy of praising God and related communicative strategies of liturgical discourse. The verbal text as a component of multimodal communication is compared with musical applications. The conclusion is made about the close relationship of verbal markers and musical language instruments as manifestations of the emotionality of liturgical discourse.

Keywords: multimodality, psalm, Dutch language, strategy of praise, liturgical discourse, sacred music

For citation: Dmitrieva, M. V. (2022). Mechanisms of interaction of verbal and musical text of psalms in multimodal liturgical discourse. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 12(867), 20–25. 10.52070/2542-2197_2022_12_867_20

ВВЕДЕНИЕ

Рассмотрение механизмов взаимодействия вербального и нотного текста с позиций мультимодальной коммуникации представляется новаторским и до сих пор не получило широкого распространения ни в лингвистике, ни в теории музыки. Между тем, исследования такого плана перспективны в силу смежности методологических подходов обеих дисциплин к обсуждению текста как знакового кода и общей семиотической природы вербального и музыкального текстов [Степанов, 1985; Богданов, 2007, с. 26–34].

При более узком подходе также обнаруживаются точки пересечения теорий и методов лингвистики и музыковедения. Очевидно, что вербальный и нотный тексты подчинены общей прагматической задаче прославления величия Бога во время церковной службы или домашней молитвы. Также тексты призваны помочь верующему выразить свои внутренние чувства радости, покаяния, упования на волю Бога и другие. Эти же цели достигаются и средствами музыкального языка.

Однако на избранном пути исследователя ожидает ряд трудностей. Во-первых, недостаточно разработана общая теория религиозного дискурса, одним из центральных звеньев которого и являются обсуждаемые ниже тексты псалмов. Во-вторых, при ближайшем рассмотрении типологии текстов данного дискурса оказывается, что псалом как тип текста изучен недостаточно. Во многих случаях данный термин используется для обозначения недифференцированной общности разнотипных по структуре и прагматическим задачам текстов молитв и хвалебных гимнов, границы между которыми остаются весьма размытыми. Также недостаточно разработан инструментарий музыкальных средств выразительности, используемых в духовной музыке различных эпох и конфессий.

В рамках настоящей статьи не представляется возможным полностью разрешить имеющиеся противоречия. Цель настоящей работы состоит лишь в том, чтобы показать, как взаимодействуют средства вербального языка со средствами музыкальной выразительности на заданном материале исследования.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для достижения поставленной цели применяется комплексная методика интерпретационного анализа, включающая:

1) коммуникативно-прагматический анализ, уже ставший одним из доминантных методов современной лингвистической науки;
2) контекстный анализ, учитывающий микро- и макроконтекст обсуждаемого текста;
3) элементы музыковедческого анализа, попытка разработки которых предпринята, в частности, в работе Н. С. Гуляницкой [Гуляницкая, 2015].

Материалом исследования являются нидерландские евангельские псалмы в стихотворной форме и их одноголосные нотные переложения для вокального исполнения, изданные единым сборником в Амстердаме в 1806 году. В настоящей статье используется переиздание Сборника псалмов 2013 года [Evangelische Gezangen, 2013]. Вербальные тексты несут в себе многообразие метрических рисунков и типов рифмы, что свидетельствует не только о высоком уровне риторического мастерства авторов-переводчиков текстов, но и о развитости системы метра и рифмы немецкого и нидерландского языков на обсуждаемом этапе истории. Немецкоязычные эквивалентные тексты для данного исследования не привлекаются. Но известно, что именно они являются исходным опорным материалом для создания текстов нидерландских псалмов. Нотное приложение расположено после текстового блока и представляет собой сканированные нотные партитуры XVIII века, которым при переиздании 2013 года присвоена сквозная нумерация римскими цифрами.

В качестве примечания хотелось бы попутно отметить, что интереснейшие культурологические сведения о существовании лютеранско-реформатских церквей в Санкт-Петербурге первой половины XVIII века, о наличии собственного голландского прихода на «Невской перспективе», об активной просветительской, миссионерской и благотворительной деятельности пасторов и прихожан приводятся в работе архимандрита Августина Никитина [Никитин, 2005, с. 131–154]; также автором даются ссылки на многочисленные архивные источники, в числе которых труды известного этнографа Иоганна Готлиба Георги. Разумеется, вопрос о том, исполнялись ли приводимые в Сборнике псалмы в приходах Северной столицы, остается открытым; но все же данные исторические факты являются дополнительными аргументами в пользу исследования Сборника нидерландских псалмов представителями Санкт-Петербургской лингвистической школы.

МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ: КОНЦЕПЦИЯ И МЕТОД

В зависимости от выбранного исследовательского ракурса термин «мультимодальность» получает

различные дефиниции и служит теоретической базой для очень разноплановых исследований. Обзор подходов к мультимодальности в современной научной парадигме содержит, в частности, фундаментальная работа западноевропейских исследователей Дж. Бейтмана, Дж. Уилдфера, Т. Хиппала. Мультимодальность рассматривается ими в трех аспектах: 1) основные черты мультимодальности и возможные исследовательские подходы; 2) методы, которые можно использовать при обсуждении мультимодальных явлений различных исследовательских областей, и 3) авторский анализ эмпирического материала [Batemann, Wildfeuer, Hiippala, 2017]. Безусловную ценность представляет широкий семиотический подход авторов, имеющих целью не только создать «снимок мультимодальности», но и придать новый импульс научному поиску в данной области. Разумеется, такой широкий ракурс рассмотрения не является полностью новаторским: ср. работы академика Ю. С. Степанова [Степанов, 1985; Степанов, 2009].

Если исходить из положения о том, что нотный текст представляет собой самостоятельную полноценную знаковую систему, то очевидно, что для целей данного исследования наиболее продуктивным представляется применение именно таких широких теоретических подходов к аналитическому описанию текстовых структур, приведенных выше.

Нотные тексты Сборника отображают развитую систему звуковой записи. Используются привычные для современной нотной грамоты пяти линейный нотный стан, знаки диеза и бемоля, знаки начала строки и окончания музыкального фрагмента – две параллельные вертикальные черты ||. Кроме того, знак косого креста ╳ маркирует понижение последующей ноты на полтона. Нотные знаки для распева устойчивых ступеней тоники и субдоминанты, совпадающих с настройкой конкретной строки, имеют бóльший размер. Возможно, таким способом выделено тяготение ступеней. Это необходимо для того, чтобы священник или капельмейстер, давая общий тон, отчетливее понимали общую тональность. Одновременно укрупненные ноты совпадают с тоническим акцентом вербальных фраз, т. е. служат дополнительным средством маркирования ударных слогов. Это тем более важно при постулировании не ритмического (на доли тактов), а послогового принципа церковного пения: «от слова, а не от ритма».

Далее предпринимается попытка на избранных примерах Сборника псалмов эскизного показать механизмы взаимодействия вербального и нотного текстов для реализации коммуникативной стратегии хвалы Богу, а также основных чувств верующего: радости общения с Господом и упования на Бога, а также покаяния грешника. Отметим, что аналогичные компоненты состояния верующего описываются Е. Е. Анисимовой в контексте обсуждения эмоциональности литургического дискурса [Анисимова, 2011, с. 114–120].

ПРАГМАТИКА ХВАЛЫ БОГУ В КОНТАМИНАЦИИ ВЕРБАЛЬНЫХ И МЕЛОДИКО-ГАРМОНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Прагматика хвалы Богу является доминантной макростратегией как литургического дискурса в целом, так и многих псалмов как важнейшей составляющей данного дискурса. Действительно, основной целью церковной службы (как и домашней молитвенной практики) выступает прославление величия и премудрости Бога во всех аспектах духовной и прикладной жизни верующего человека. Полнее прочувствовать, ощутить на личном духовном опыте величие Бога в процессе молитвы верующему помогает церковное пение.

Песнопения могут исполняться священниками, певчими на клиросе или же всеми верующими в определенные, предписанные канонами моменты церковной службы. В культуре лютеранства и протестантизма звучащее слово приобретает особую значимость: именно оно выступает основным способом молитвенного общения каждого человека с Богом, а также всех участников церковной службы между собой. Данную особенность констатируют научные исследования религиозного дискурса с лингвистических и культурологических позиций; ср., например, работу С. Е. Никитиной [Никитина, 2014, с. 37–56]. Как известно, в протестантских храмах почти отсутствуют иконографические изображения. Важнейшей частью литургической практики являются тексты псалмов, молитв, церковных гимнов. Наблюдение над эмпирическим материалом лютеранских псалмов позволяет сделать следующие наблюдения и выводы.

Вербальные механизмы реализации макростратегии хвалы Богу эксплицитно проявляются в виде субстантивных лексем соответствующей семантики (*lob*, *preis* – «хвала, прославление»), производных глаголов в перформативном употреблении (*loben*, *preisen* – «хвалить, прославлять») и синонимичных словосочетаний (например, *Lob singen* – «петь хвалу»). Также в текстах псалмов используются восклицания-эксклaмативы – риторические обращения к Господу.

В частности, в примере (1) в начальной, «сильной» позиции текста размещено риторическое восклицание «Аллилуия!», внутренняя семантика

которого может быть обозначена как «Хвалите Бога!». Ср. пример (1):

(1) Halleluja! Lof zij dem Heer!
Aanbit den Vader, geeft Hem eer,
Den Schepper aller dingen! (I, EG: 361)[1]

«Аллилуия! Хвала Господу!
Поклоняйтесь Отцу, воздавайте ему Славу,
Творцу всего сущего!»[2]

За ним следует лексема *lof* (*хвала*) и относящийся к ней Датив адресата *zij dem Heer* (*ко Господу*). Семантика, заданная вербально, поддерживается и средствами музыкальной выразительности. Нисходящее мажорное арпеджио по устойчивым ступеням открывает первую строку, окрашивая мелодию радостным и призывным характером. Мелодия второй строки строится как восходящий скачок в кварту с последующим заполнением. В конце каждой нотной строки после заключительной ноты стоит точка – вероятно, знак краткой паузы-цезуры для взятия дыхания. Мелодический рисунок псалма I имеет четкую внутреннюю фразировку, хотя в целом здесь еще нет песенной формы, повторов.

В примере (2) наблюдается иная форма организации. См. пример (2):

(2) Waar zjin de wijzen, die mij zeggen
Al 't geen de hooge Godheid kennt?
Wat stervling weet mij te leggen,
Waar Gods verstand begint en endt? (IX, EG: 363)

«Где мудрецы, которые говорят мне не знать
Высшего божества?
Какой смертный знает, как поместить меня [туда],
где начинается и заканчивается разум Бога?»

Здесь на первый план выходит констатация радости общения с Господом. Первые четыре строки составляют синтаксические параллелизмы – интеррогативные высказывания с формальными признаками вопросительности (вопросительными местоимениями в начале структуры), имеющие коммуникативную интенцию утверждений «от противного». Коммуникативная интенция поставленных вопросов очевидна для верующего человека, ее можно схематично обозначить как «нет таких мудрецов» и «нет такого места > везде присутствует Бог».

Данная прагматическая установка поддерживается и музыкальным языком. Отчетливо выражена секвенционально повторяющаяся от разных нот двучастная песенная структура; попарно в строках 1–2 и 3–4 она подчеркивает синтаксический параллелизм. Далее, в строках 5–8, мелодическая структура не проявляет четкости фразировки. Возможно, она была достроена позднее, и автор-составитель не ставил цели создать гармонически целостное сочинение. Но заметим, что вербальный текст организован полными рифмами по схеме «a-b-a-b-c-d-c-d».

Пример (3) интересен тем, что в нем нотный текст обладает четкой песенной структурой, при этом строки 5–6 содержат волнообразный ход вверх-вниз к доминанте, строка 6 – волнообразный ход вниз–вверх к тонике, т. е. зеркально отображенное мелодическое движение. Логическая схема связи «факт (5-я строка) > вывод (6-я строка)» поддерживается также полной рифмой «c-c»:

(3) Och! dat ons hart opregt uw eer bedoel',
Zijn niet beseff', zijn onmagt diep gevoel'!
(X, EG: 363)

«Ах! То, что наше сердце волнует вашу честь,
означает
его неосознанность, его глубокое чувство
бессилия!»

Так, эксплицитно констатируется состояние раскаяния и сокрушения сердечного. Хвалебная семантика прослеживается посредством отсылки к мелодии исходного псалма на немецком языке *Preisz*, *Lob*, *Ehr*, *Ruhm*, *Danck* (*Слава*, *похвала*, *честь*, *благодарение*), т. е. исконная мелодия в данном случае оказывается переосмысленной и получает иную интерпретацию.

Механизмы вербализации радости общения с Господом реализуются также в первых двух строках примера (4). В обеих строках семантически значимые слова *God* (*Бог*) и *lied* (*песнь*) распеваются на устойчивых ступенях тоники. См. пример (4):

(4) God is mijn lied,
Hij is de God der krachten (XVI, EG: 364).

«Господь – моя песнь. Он – Бог сильных».

Стратегия покаяния грешника и упования на Бога, в целом не частотная для псалмов обсуждаемого Сборника, также может проявляться в двух планах; в том числе на примере псалма XXIV,

[1] Зд. и далее: EG – Evangelische Gezangen, om nevens het Boek der Psalmen bij den openbaren godsdienst in de Nederlandsche Hervormde Gemeenten gebruikt te worden. Johannes Allart, Amsterdam. 1806/2013.

[2] Зд. и далее все переводы на русский язык выполнены автором статьи и носят характер подстрочника – *М. Д.*

имеющего название «Bemoediging» – «Поощрение / ободрение». См. пример (5):

(5) Als de nacht van bange zorgen
't Uitzigt uwer hoop bedekt,
Als de lichtstraal van den morgen
Ons, uit dezen nacht van zorgen,
Slechts tot nieuwe zorgen wekt:
Ach! Wie geeft dan nog voor menschen
Troost in zulk een bitter lot? (XXIV, EG, 367)

«Когда ночь, полная горьких печалей,
закрывает видение твоей надежды,
когда свет утра пробуждает нас от этой ночи
печалей только к новым печалям,
О! Кто позаботится тогда о людях,
утешит их в горькой судьбе?»

Текст содержит лексические повторы *nacht* (*ночь*) и *zorgen* (*тревоги*, *заботы*). Внутренняя семантика «ночь» включает в себя такие компоненты значений, как «темнота», «опасность»; ср. также общепринятую метафору переосмысления ночи как времени суток в «ночь греха», темноту неправедной жизни человека. Лексема *zorgen* имеет значения «заботы, труды, чувство беспокойства, печаль»; ср. также словосочетания *nacht van bange zorgen* (*ночь, полная горьких печалей*) и *nacht von zorgen* (*ночь печалей*) (XXIV, EG, 367).

Общая тональность минора – *c-moll* – дополняет вербально формулируемое состояние раскаяния в грехах и внутреннего сокрушения. Заметим, что до XVII века минорные тональности в теории музыки считались неустойчивыми, поэтому визуально настройка тона псалма дается на параллельный мажор.

Таким образом, даже приведенный выше краткий анализ показывает, что взаимодействие текстов псалмов и их музыкального переложения имеет сложный и разнообразный характер. Но все же общий «вектор» ориентирован на то, чтобы в аккомодации слова и тона воплотить идею прославления Бога, воздействуя на разум и чувства верующего человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, зададимся вопросом: что же объединяет поэтический и музыкальный текст? Ответ очевиден: главное свойство стихов речи, которое сближает их с музыкой, – это ритмичность. В самом названии стих – *vers* (*лат.* versus < vertere) – заключена семантика повторяемости.

Но эта ритмичность совсем разного плана. Ритм музыки – это ее организация во времени; причем такая, чтобы пульсация заполняла все пространство музыкального фрагмента. Ритм нотного сопровождения обсуждаемых псалмов примитивен и не призван играть определяющую роль. Надо полагать, что очень многое зависело от уровня музыкальной подготовки и мастерства исполнителя: был ли это капельмейстер, профессионально владеющий основами нотной грамотности, или же простой прихожанин.

Речевой ритм выполняет текстообразующую и эмоциональную функции. И именно вербальные средства являются основным инструментом экспликации речевой стратегии хвалы Богу и других чувств верующего. Авторами-составителями текстов мастерски используется весь имеющийся инструментарий лексических, стилистических и метрических средств нидерландского языка обсуждаемого периода, а музыкальное сопровождение служит инструментом создания дополнительных семиотических смыслов.

Таким образом, контаминации стихотворной рифмы и мелодико-гармонических рисунков вместе с экстралингвистическими компонентами литургического дискурса призваны многоаспектно и максимально полно воплотить интенцию хвалы и радости общения человека с Богом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985.
2. Богданов В. В. Предложение и текст в содержательном аспекте. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007.
3. Гуляницкая Н. С. Методы науки о музыке: Исследование. М.: Музыка, 2015.
4. Evangelische Gezangen, om nevens het Boek der Psalmen bij den openbaren godsdienst in de Nederlandsche Hervormde Gemeenten gebruikt te worden. Johannes Allart, Amsterdam, 2013.
5. Никитин А. Немецкая реформатская община в Санкт-Петербурге // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование: сборник статей. СПб.: Росток, 2005. С. 131–152.
6. Bateman J., Wildfeuer J., Hiippala T. Multimodality: Foundations, Research and Analysis – A Problem-Oriented Introduction. Berlin, Boston: Walter de Gruyter, 2017.
7. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Либроком, 2009.

8. Анисимова Е. Е. Об особенностях литургического дискурса (на материале католической мессы) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. Вып. 4 (610). С. 110–122.
9. Никитина С. Е. «По звуку и смыслу» (Осмысление звучащего слова в культуре народного протестантизма) // Научный диалог. 2014. №12 (36). С. 37–56.

REFERENCES

1. Stepanov, Y. S. (1985). V trekhmernom prostranstve iazyka. Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva = In the three-dimensional space of the language. Semiotic problems of linguistics, philosophy, art. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Bogdanov, V. V. (2007). Predlozhenie i tekst v soderzhatel'nom aspekte = Sentence and text in the content aspect. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU. (In Russ.)
3. Gulianitskaia, N. S. (2015). Metody nauki o muzyke: Issledovanie = Methods of Music Science: Research. Moscow: Muzika. (In Russ.)
4. Evangelische Gezangen, om nevens het Boek der Psalmen bij den openbaren godsdienst in de Nederlandsche Hervormde Gemeenten gebruikt te worden. Johannes Allart, Amsterdam, 2013.
5. Nikitin, A. (2005). Nemetskaia reformatskaia obshchina v Sankt-Peterburge = German Reformed Community in St. Petersburg. Nemtsy Sankt-Peterburga: nauka, kul'tura, obrazovanie (pp. 131–152): collection of papers. St Peterburg: Rostok. (In Russ.)
6. Bateman, J., Wildfeuer, J., Hiippala, T. (2017). Multimodality: Foundations, Research and Analysis – A problem-oriented introduction. Berlin, Boston: Walter de Gruyter.
7. Stepanov, Y. S. (2009). Metody i printsipy sovremennoi lingvistiki = Methods and principles of modern linguistics. Moscow: Librokom. (In Russ.)
8. Anisimova, E. E. (2011). Ob osobennostiakh liturgicheskogo diskursa (na materiale katolicheskoi messy) = On the peculiarities of liturgical discourse (based on the material of the Catholic Mass). Vestnik of Moscow State Linguistic University, 4(610), 110–122. (In Russ.)
9. Nikitina, S. E. (2014). "Po zvuku i smyslu' (Osmyslenie zvuchashcho slova v kul'ture narodnogo protestantizma) = "By sound and meaning" (Comprehension of the sounding word in the culture of popular Protestantism). Nauchnyi dialog, 12(36), 37–56. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитриева Мария Николаевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии
Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitrieva Maria Nikolaevna

PhD (Philology), Associate Professor of the German Philology Department,
St. Petersburg State University

Статья поступила в редакцию 03.05.2022
одобрена после рецензирования 26.05.2022
принята к публикации 10.09.2022

The article was submitted 03.05.2022
approved after reviewing 26.05.2022
accepted for publication 10.09.2022

Научная статья
УДК 81-132
DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_26

От sweatshirt к свитшоту: о фонологических изменениях единиц, заимствованных из английского языка

Е. М. Кирсанова[1], **С. С. Польская**[2]

[1]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
elena.kirsanova@mail.ru

[2]*Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия*
polskaya7@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье рассматривается вопрос фонетического оформления заимствованного из английского языка слова 'sweatshirt' и особенностей его произношения в русском языке. Анализируя причины подобного заимствования, авторы размышляют о том, почему данная лексическая единица, войдя в русскоязычный обиход, подверглась такого рода изменениям, каковы особенности ее восприятия, а также в силу чего это слово демонстрирует ряд фонетических трансформаций при использовании в языке-реципиенте.

Ключевые слова: заимствованные слова, заимствование, произношение слова, фонетические и фонологические особенности

Для цитирования: Кирсанова Е. М., Польская С. С. От sweatshirt к свитшоту: о фонологических изменениях единиц, заимствованных из английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 12 (867). С. 26–31. DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_26

Original article

From Sweatshirt to 'Свитшот': on Phonological Transformations of the English Loan Words

Elena M. Kirsanova[1], **Svetlana S. Polskaya**[2]

[1]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
elena.kirsanova@mail.ru

[2]*Moscow State Institute of International Relations (University)*
polskaya7@gmail.com

Abstract. The given article considers the issue of phonetical layout of the word 'sweatshirt', the latter having been loaned from English into Russian. Analyzing the reasons for this borrowing, the authors contemplate why this lexical unit, having entered the casual usage of the Russian language, underwent such kind of alterations, what are the peculiarities of its perception, and why it demonstrates certain phonetical transformations in the recipient language.

Key words: borrowings, loan word, pronunciation, phonetical and phonological specifics

For citation: Kirsanova, E. M., Polskaya, S. S. (2022). From sweatshirt to 'свитшот': on phonological transformations of the English loan words. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(867), 26–31. 10.52070/2542-2197_2022_12_867_26

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в силу активного распространения интернет-технологий, значительного количества контактов между странами, общения в социальных сетях, в которое вовлечены люди практически стран и континентов, лексические единицы английского языка активно заимствуются другими развитыми языками, причем последние несколько десятилетий этот процесс все больше набирает обороты. Согласно С. А. Бойко, на данном этапе наблюдается десятикратное увеличение количества англицизмов в русском языке по сравнению с началом XX века [Бойко, 2021].

Это явление вполне закономерно, учитывая, что английский язык является самым распространенным языком интернета, а также уже в течение многих лет пребывает в статусе 'lingua franca' во всем мире. Кроме того, стоит упомянуть и такие экстралингвистические причины данного явления как значительный рост числа тех, кто знает английский язык, престижность его использования. Как справедливо подчеркивают эксперты, «заимствование всегда является результатом прямого или опосредованного языкового контактирования в устной или письменной сфере»[1]. Не стал в этом отношении исключением и русский язык, который также «берет на вооружение» из английского языка слова из самых разных областей деятельности человека, начиная от информационных технологий и заканчивая модной индустрией. Под заимствованием мы понимаем «иноязычный элемент, перенесенный из одного языка в другой»[2]. Л. А. Введенская дефинирует заимствования как «такие иноязычные слова, которые полностью вошли в лексическую систему русского языка... приобрели лексическое значение, фонетическое оформление, грамматические признаки, свойственные русскому языку в различных стилях и пишутся буквами русского алфавита» [Введенская, 2010, с. 66]. Впрочем, известный специалист в данной области Л. П. Крысин подчеркивает, что в настоящее время нет общепринятого понимания, что такое заимствованное слово [Крысин, 2004]. Он же детализирует причины, способствующие переходу определенных лексических единиц из одного язык в другой: 1) потребность наименования нового явления; 2) потребность специализации понятий; 3) восприятие заимствованного слова как более престижного и благоприятно звучащего [Крысин, 2002]. Не вызывает сомнений, что необходимость использовать то или иное заимствованное слово возникает в том случае, если общество сталкивается с появлением нового понятия, для описания которого его родной язык не имеет лексической единицы. Безусловно, престиж играет важную роль, поскольку использование заимствованных лексических единиц английского языка может «обеспечить говорящему более высокий статус в некоторых социальных контекстах» [Field, 2002, с. 94]. Те, для кого русский язык является родным языком, особенно молодое поколение, предпочитают использовать заимствованные единицы в своей повседневной речи, полагая, что это повысит их статус в глазах их окружения. Определенную роль также играют и лингвистические факторы: частотность употребления единицы и ее эквивалентность. Высокая частотность употребления лексической единицы в языке, из которого осуществляется заимствование, превращает слово в более вероятную кандидатуру для заимствования, в то же время существование эквивалентности (и семантической и структурной) также повышает вероятность рассматриваемого нами процесса.

Безусловно, фонологическая адаптация представляет собой процесс, посредством которого язык ассимилирует заимствованные элементы, стараясь приспособить их к своей фонологической системе. Считается, что заимствование слова происходит по двум различным сценариям. Согласно первому, заимствование может вноситься в другой язык билингвами, заполняющими языковую лакуну в одном из известных им двух языков посредством перемещения данной единицы из одного языка в другой. В этом случае традиционно предполагается, что «говорящий извлекает внутреннюю репрезентацию заимствованного слова из своего ментального словаря и создает его внешнюю репрезентацию во время использования языка-реципиента. Если данная репрезентация создается посредством фонологической системы, данная лексическая единица подвергается адаптации и корректированию. Этот процесс обычно называют «нативизация через воспроизводство»[3] [Paradis, LaCharite, 1997, с. 401]. Как вариант, внешняя репрезентация слова создается использованием грамматической системы языка-реципиента. В данном случае слово будет произносится характерным и типичным для него образом. В рамках же второго сценария заимствование привносится тем говорящим, который желает заполнить лакуну в своем языке, используя слово того языка, кото-

[1] Словарь социолингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, 2006. С. 27.

[2] Там же, с. 26.

[3] Зд. и далее перевод наш. – *Е. К., С. П.*

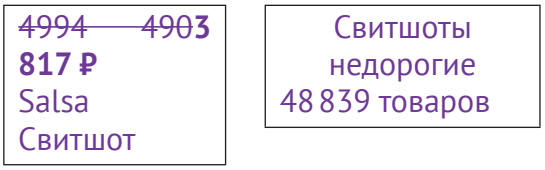
рый он знает не слишком хорошо или не знает вообще. В этом случае возникает необходимость освоения данного слова. Как только освоенное слово произносится говорящим публично или может быть даже про себя, оно становится заимствованным. Учитывая, что говорящий не слишком хорошо знает язык-донор (чаще всего – английский), слово будет демонстрировать адаптационные изменения. Предполагается, что эти изменения уже произошли в процессе восприятия и освоения слова. Данный сценарий принято называть «нативизация посредством восприятия» [Calabrese, Wetzels, 2009, с. 81]. И именно второй сценарий имеет место в нашем случае с заимствованием рассматриваемой нами лексической единицы, учитывая, что ее фонетический состав не совпадает с языковой парадигмой русского языка. М. Хаспелмас (Haspelmas) пишет в этом отношении: «Слова, служащие источниками заимствованных слов, зачастую демонстрируют такие фонологические, морфологические и синтаксические свойства языка-донора, которые не «вписываются» в систему языка-реципиента. Именно в таких ситуациях заимствования и подвергаются модификациям» [Haspelmas, 2009, с. 42].

К. Гуссенховен (C. Gussenhoven) и Г. Джейкобс (C. Jacobs) указывали в этом отношении, что во время восприятия и освоения слова акустические репрезентации отличных от родного языка сегментов трансформируются в абстрактные реконструктивные репрезентации, которые впоследствии кодируются в долгосрочной памяти. Звуки этих реконструктивных репрезентаций могут очевидно включать комбинированные характеристики типичные для языка-реципиента и не существующие в языке, из которого пришло то или иное заимствование» [Jacobs, Gussenhoven, 2017]. Ученые образно подчеркивают, что «все изменения, происходящие с заимствованными словами, есть артефакты их восприятия носителями языка-реципиента» [Peperkamp, Vendelin, Nakamure, 2008, с. 153].

Рассуждая о вышеописанных процессах, исследователи вводят понятие фонетической аппроксимации, согласно которому абсолютно все без исключения изменения, происходящие с заимствованным словом, есть результат неточного восприятия данной лексической единицы теми, кто ее заимствует (именно поэтому данные трансформации носят фонетический характер). В этом смысле утверждается, что «адаптации заимствованных слов, в основном, носят фонетический характер и образуются в процессе фонетического декодирования в процессе восприятия речи» [там же].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В фокусе нашего внимания оказалось заимствованное из английского языка слово *свитшот* (от *англ.* sweatshirt) – толстовка, спортивный свитер, олимпийка без молнии и без пуговиц.



Данное слово, став заимствованием в русском языке, состоит из двух основ – *свит* (а в русском языке эта часть произносится именно так) и *шот*, не существующих в русском языке, но представляющих собой два отдельных слова в английском: *sweat* (*пот*) и *shirt* (*рубашка*). Заимствование произошло посредством метода транслитерации, то есть побуквенной передачи данной единицы, с отражением графической формы лексической единицы, однако, без полного учета ее фонетического содержания.

В процессе нашего исследования, ограниченного лишь единственным заимствованным словом, мы использовали описательный и сравнительный методы, а также такие общенаучные методы как анализ и синтез. Собранный нами материал был обобщен посредством индукции, в то время как посредством наблюдения мы смогли выделить определенные языковые факты и установить их специфические характеристики.

ДИСКУССИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Данная лексическая единица активно вошла в русский язык более десятилетия назад. Говоря о предпосылках заимствований, исследователи неизменно указывают, что основной причиной таковых обычно является отсутствие единицы, обозначающей тот или иной предмет в языке-реципиенте. Лаконично выражаясь, основная причина заимствований – наименование вещей и понятий [Трубинова, 2016]. В нашем понимании, в русском языке уже существуют слова, номинирующие это понятие: толстовка, олимпийка, спортивная кофта, спортивный свитер. Однако приведем здесь мнение одного из специалистов портала, специализирующегося на женской моде и всему, что к ней относится: «Если говорить о том, что же разного в таких понятиях как свитшот и толстовка, то стоит отметить, что особенностью свитшота является

отсутствие капюшона и застежки в виде молнии, а также наличие резинки или рифленого материала на манжетах или краях» [Чеснокова, 2020, с. 1]. Также, по мнению экспертов, свитшот отличается и от свитера: «прародителем свитшота был свитер, однако… свитер – одежда для зимнего времени года… длинный рукав, высокий воротник, отсутствие застежек и присутствие манжет. Свитшот же всегда имеет округлый вырез и рукава реглан. Этот тип одежды значительно легче, чем свитер» [там же, с. 1]. Таким образом мы понимаем, что данный предмет одежды все же отличается от толстовки, олимпийки, свитера или джемпера, стало быть, призван обозначать нечто новое, и мы имеем дело необходимостью разграничения близких по своему содержанию, но различных понятий. То есть в данном случае мы можем иметь дело, как указывает в этом отношении М. А. Брейтер, с «отсутствием соответствующего, более точного наименования в языке-рецепторе» [Брейтер, 1997, с. 36]. Добавим также, что безусловно заимствованная лексическая единица «свитшот» короче, нежели такие русскоязычные номинативы как, например, «спортивный свитер». Л. П. Крысин подчеркивает в этом отношении, что «другая причина укоренения иноязычного заимствования заключается в том, что «чужое» наименование нередко оказывается короче собственного, русского – как правило, описательного, состоящего из нескольких слов» [Крысин, 2008, с. 3]. По всей вероятности, это заимствование вошло в русский язык посредством как устной, так и письменной среды.

Особый интерес представляет для исследователей тот факт, что данное слово вошло в русский язык в фонетически искаженном виде. Обычно для того, чтобы адаптироваться к фонологическим образцам языка-реципиента, заимствованные слова подвергаются процессу звуковой альтерации, сокращения количества звуков, перемещения таковых. Данный процесс происходит в силу существующей в языке звуковой системы, в которую заимствуется слово. В случае слова «свитшот» мы наблюдаем изменение звучания обеих составляющих данного слова: во второй части вместо подобия произносимому в английском языке «шёт», данная часть слова в воспроизведении русскоязычных пользователей превратилась в «шот», что вполне объяснимо, поскольку вариант звука, образующийся при сочетании букв «ш» и «ё» не является типичным для русского языка. Для него подобный звук возможен лишь при сочетании звуков «щ» и «ё». В результате, мы наблюдаем определенной степени упрощение произношения данной единицы в русском языке, в своем роде, фонетическую мимикрию. В первой же части слова *sweat* логичным кажется замена английской согласной ‘w’ согласной ‘в’, поскольку опять-таки, в русском языке данный звук отсутствует и традиционно заменяется русский звуком «в», при этом английский звук ‘w’ традиционно вызывает затруднения в процессе произношения его носителями русского языка, изучающими английский язык. В результате мы получаем весьма характерный для русского языка кластер из двух согласных ‘с’ и ‘в’. Рассматриваемая нами единица, таким образом, представляет собой определенный гибрид, состоящий из заимствованного материала и частично структурных характеристик, присущих заимствующему языку.

Однако определенной неожиданностью является то, что звук /e/ в первой составляющей sweat в русском варианте произносится как /и/ – «свит». Здесь мы можем только лишь догадываться о причинах означенной языковой метаморфозы. Существует предположение, что «свит» возник как логичный результат аналогии со словом «свитер»: ведь рассматриваемый нами свитшот как предмет одежды в некотором роде все же представляет собой легкий, не очень толстый и не очень теплый свитер (добавим, что последний также «пришел» в русский язык в качестве заимствованного из английского языка слова *sweater – свитер*). Также мы полагаем, что подобного рода искажение произошло в силу недостаточного знания носителями русского языка, как именно произносятся отдельные единицы английского языка: часто дифтонг /ea/ звучит как /e/ , а не как /i/ – *meadow*), но иногда и как /i/ – *beat*, *beater*. Как образно писал Н. С. Трубецкой: «Слушая чужую речь, мы при анализе слышимого непроизвольно используем привычное нам “фонологическое сито” своего родного языка. А поскольку наше “сито” оказывается неподходящим для чужого языка, постольку возникают и многочисленные ошибки, недоразумения. Звуки чужого языка получают у нас неверную фонологическую интерпретацию» [Трубецкой, 1960, с. 195].

Интересно, что данная заимствованная лексическая единица не «породила» никаких производных в виде, например, прилагательных. По всей видимости, не слишком высокая активность данной единицы в словообразовательном отношении связана с относительно ограниченной сферой ее употребления.

Единственная проблема, которая может вызывать беспокойство, заключается в том, что данное слово, вошедшее в русский язык в качестве заимствованного слова, именно в этом «адаптированном» виде входит в промежуточный язык тех, кто осваивает английский язык, в результате чего они упорно начинают произносить это слово неправильно, по аналогии с тем, как оно звучит именно в русском языке.

Мы можем предположить, что поскольку фонетическое освоение заимствованных слов есть процесс довольно длительный, возможно, данная лексическая единица не является еще полностью освоенной с фонетической точки зрения, и в будущем характер ее произношения в русском языке, изменится.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не вызывает сомнений то, что любой язык есть самостоятельный механизм, который «регулируется определенными закономерностями, в частности, умеет самоочищаться, избавляться от функционально излишнего, ненужного… но коль скоро они (заимствованные слова) употребляются сейчас, и порой весьма часто и в разных сферах общения, мы должны знать, что они значат, как соотносятся с близкими по смыслу русскими словами, как надо правильно писать их и произносить» [Крысин, 2002, с.2]. Входя в русскоязычный обиход, заимствованные из английского языка лексические единицы претерпевают ряд фонетических и фонологических изменений под влиянием социолингвистического контекста, а также других разнообразных факторов, и, собственно говоря, уже перестают быть лексическими единицами английского языка как таковыми. Адаптация лексических единиц другого языка в наибольшей степени обусловлена именно фонетическими факторами. Эта адаптация заимствованных слов в полной мере отражает области фонологического взаимодействия между английским и русским языками. То есть те изменения, которые носители русского языка вносят в такого рода единицы подчеркивают различие между двумя языками. Взаимодействуя со звуками иного языка, носители языка-реципиента демонстрируют искаженное восприятие таковых. Значительное количество английских слов, заимствуемых русским языком и входящих в него, требует систематического фонологического анализа, который может в полной мере качественно улучшить наше понимание фонологии русского языка в целом. Более глубокое осознание процесса заимствования чрезвычайно важно для дальнейшего развития данной области исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бойко С. А. Глубина проникновения англицизмов в современный русский язык. 2021. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/glubina-proniknoveniya-anglitsizmov-v-sovremennyyrusskiy-yazyk
2. Введенская Л. А. Русский язык и культура речи: для студентов вузов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010.
3. Крысин Л. П. Русское слово свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004.
4. Крысин Л. П. О русском языке наших дней. 2002. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm
5. Field F. W. Linguistic borrowing in bilingual contexts. Amsterdam: John Benjamin Publishing, 2002.
6. Paradis C., LaCharité D. Preservation and minimality in loanword adaptation // Journal of Linguistics. 1997. Vol. 33. P. 379–430.
7. Calabrese, A., Wetzels, W. L. M. Loan phonology: issues and controversies. В кн.: Loan Phonology / W. L. M. Wetzels, A. Calabrese (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2009. P. 1–10. (Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science / Current Issues in Linguistic Theory; No. 307).
8. Haspelmas M. Lexical borrowing: concepts and issues. Semantic Scholar. Sociology. 2009. URL: https://www.semanticscholar.org/paper/Lexical-borrowing-%3A-Concepts-and-issues
9. Gussenhoven C., Jacobs C. Understanding phonology. London: Routledge, 2017.
10. Peperkamp S., Vendelin I., Nakamure K. On the perceptual origin of loanword adaptations: experimental evidence from Japanese // Phonology. Cambridge University press, 2008. Vol. 25. № 1. P. 129–164.
11. Трубинова Е. А. Заимствования как процесс изменения языка // Молодой ученый. 2016. № 10 (114). URL: http://moluch.ru/archieve/114/30182
12. Чеснокова А. Свитшот – что это такое? 2021. URL: https://wlooks.ru/kostyumy/zhenskie-modnye
13. Брейтер М. А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: пособие для иностранных студентов-русистов. М.: Диалог-МГУ, 1997.
14. Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008.
15. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Знак, 1960.

REFERENCES

1. Boyko S. A. (2021). Glubina proniknoveniya anglitsizmov v soveremenny russkiy yazyk = The depth of penetration of English loan words into the modern Russian language. https://cyberleninka.ru/article/n/glubina-proniknoveniya-anglitsizmov-v-sovremennyyrusskiy-yazyk
2. Vvedenskaya, L. A. (2010). Russkiy yazyk i kultura rechi: dlya studentov vuzov = The Russian language and the speech culture: for university students. Rostov on Don: Fenix. (In Russ.)
3. Krysin, L. P. (2004). Russkoe slovo: svoe i tchuzhoe: issledovania po soveremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike = Russian word: native and foreign: modern Russian language and sociolinguistics research. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.)
4. Krysin, L. P. (2002). O russkom yazyke nashikh dney = About the modern Russian language. http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm (In Russ.)
5. Field, F. W. (2002). Linguistic borrowing in bilingual contexts. Amsterdam: John Benjamin Publishing.
6. Paradis, C., LaCharité, D. (1997). Preservation and minimality in loanword adaptation. Journal of Linguistics, 33, 379–430.
7. Calabrese, A., Wetzels, W. L. M. (2009). Loan phonology: issues and controversies. In W. L. M. Wetzels, A. Calabrese (eds.), Loan Phonology (pp. 1–10). (Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science / Current Issues in Linguistic Theory; No. 307). John Benjamins.
8. Haspelmas, M. (2009). Lexical borrowing: concepts and issues. Semantic Scholar. Sociology. https://www.semanticscholar.org/paper/Lexical-borrowing-%3A-Concepts-and-issues
9. Gussenhoven, C., Jacobs, C. (2017). Understanding phonology. London: Routledge.
10. Peperkamp, S., Vendelin, I., Nakamure, K. (2008). On the perceptual origin of loanword adaptations: experimental evidence from Japanese. Phonology, 25(1), 129–164.
11. Trubinova, E. A. (2016). Zaimstvovaniya kak protsess izmeneniya yazyka = Loan words as a process of language change. Young scientist, 10(114). http://moluch.ru/archieve/114/30182
12. Chesnokova, A. (2021). Svitshot – chto eto takoe? = Sweatshirt – what is it? https://wlooks.ru/kostyumy/zhenskie-modnye
13. Breiter, M. A. (1997). Anglitsyzmy v russkom yazyke: istoria i perspektivy = English loan words in the Russian language: history and prospects: manual for the students specializing in Russian philology. Moscow: Dialog-MSU. (In Russ.)
14. Krysin, L. P. (2008). Slovo v sovremennykh tekstakh i slovaryakh. Ocherki o russkoi leksike i leksikografii = A word in modern texts and dictionaries. Studies of Russian lexis and lexicography. Moscow: Znak. (In Russ.)
15. Trubetskoi, N. S. (1960). Osnovy phonologii = Phonology basics. Moscow: Znak. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кирсанова Елена Митрофановна

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

Польская Светлана Сергеевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка № 4 МГИМО (У) МИД РФ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kirsanova Elena Mitrofanovna

PhD (Philology), Associate Professor, Head of the English Language Department,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Polskaya Svetlana Sergeevna

PhD (Philology), Associate Professor, English Department # 4,
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs

Статья поступила в редакцию 19.04.2022
одобрена после рецензирования 26.05.2022
принята к публикации 10.09.2022

The article was submitted 19.04.2022
approved after reviewing 26.05.2022
accepted for publication 10.09.2022

Научная статья
УДК 811.112.5
DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_32

Эвфемизмы и способы эвфемизации в нидерландском языке

Н. А. Коломиец

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
na.kolomiets@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются категории эвфемизмов и основные способы эвфемизации в нидерландском языке. Рассматривается современные социальный и политический контексты, влияющие на появление эвфемизмов, а также связь эвфемизации с распространением политкорректности во всех сферах речевой коммуникации. Представляется анализ эвфемизмов как основного источника создания политкорректной лексики и их воздействия на сознание реципиента.

Ключевые слова: эвфемизмы, способы эвфемизации, политически корректная лексика, гендерно-нейтральная политика, вуализирование

Для цитирования: Коломиец Н. А. Эвфемизмы и способы эвфемизации в нидерландском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 12 (867). С. 32–37. DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_32

Original article

Euphemisms and Types of Euphemization in Dutch

Natalia A. Kolomiets

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
na.kolomiets@gmail.com

Abstract. The article explores different categories of euphemisms and types of euphemization in Dutch. Modern social and political context is considered which influences the creation of euphemisms as well as the relation between euphemization and spreading of political correctness in all spheres of communication. The article presents an analysis of euphemisms as a main source of politically correct vocabulary and their influence on the recipient.

Keywords: euphemisms, types of euphemization, politically correct vocabulary, gender neutral politics, coded messages

For citation: Kolomiets, N. A. (2022). Euphemisms and types of euphemization in Dutch. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(867), 32–37. 10.52070/2542-2197_2022_12_867_32

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистический энциклопедический словарь дает следующее определение эвфемизмам: «Эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [Ярцева, 2002]. В ходе языковой эволюции эвфемизмы становятся одним из факторов, способствующих появлению новых слов и выражений. В словарном составе происходит изменение значений слов за счет их переосмысления, стилистическая переоценка слов, приобретение новой семантики.

Эвфемия – актуальная область лингвистических исследований. В современной языковой ситуации процесс образования эвфемизмов непосредственно связан с изменениями, происходящими в общественно-политической сфере. Существенную роль в распространении эвфемизмов играют СМИ, отражающие смещение эмоциональной нагрузки на реципиента и новую оценку какого-либо явления с точки зрении этики и морали.

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ЭВФЕМИЗМОВ

В отечественной и зарубежной лингвистике существуют несколько подходов к типологизации эвфемизмов, основывающихся на следующих критериях отбора: лексико-семантический (Р. Холдер), социальный (Б. А. Ларин), исторический (Е. П. Сеничкина) и другие. Л. В. Артюшкина классифицирует эвфемизмы по причинам их возникновения: древнейшие запреты в обществе, морально-этические причины, этикет, идеологические причины [Артюшкина, 2002, с. 31–32]. Типологизация Т. А. Островской основана на тематическом критерии, отражающем различные явления окружающей действительности: «перманентные – они вербализуют физиологическое процессы человека и конъюнктурные – единицы, относящиеся к политкорректной лексике, цель которой вуализирование, камуфляж лексики, употребление которой относится к области идеологического дискурса» [Островская, 2012, с. 149].

В современном нидерландском языке можно выделить несколько категорий эвфемизмов, основываясь на тематическом делении явлений окружающей действительности. Наиболее древний пласт табуированной лексики в нидерландском языке связан с религией. Религиозные эвфемизмы широко распространены в современной речи: эвфемизм *potverdomme* замещает бранную лексему *godverdomme* (*черт побери*), которая, в свою очередь, происходит от выражения *God verdoeme mij*. Лексико-семантическое поле «отправление естественных потребностей» исторически является благоприятной почвой для создания эвфемизмов: *seks hebben* ⇨ *naar bed met iemand gaan* (*переспать*), *plassen* ⇨ *een kleine boodschap doen* (*маленькая нужда)*, *kakken* ⇨ *een grote boodschap doen* (*большая нужда*). На протяжении истории происходила смена сфер человеческой жизнедеятельности, подпадавших под табу и являвшихся источником новых эвфемизмов. В современном обществе в Нидерландах и Бельгии табуированными темами, порождающими значительное число эвфемизмов, становятся социальные, расовые и изические различия, которые воспринимаются в обществе, стремящемуся к равноправию, как «неудобные»: лексемы *bejaardetehuis*, *rusthuis* (*дом престарелых*) заменил эвфемизм *woonzorgcentrum* (BE); на смену *bejaarden* (*пожилые*) пришел эвфемизм *senioren*; эвфемизм *werkzoekend* заменил *werkloos* (*безработный*); эвфемизм *volslank* для *dik* (*толстый*).

Эвфемизмы непосредственно связаны с культурными традициями и устоями общества и меняются в соответствии с этапами общественного развития. С проникновением в общеупотребительную лексику эвфемизмы начинают терять свою характеристику опосредованных обозначений негативных феноменов и становятся их прямыми обозначениями. После закрепления и широкого распространения эвфемизма в языке происходит постепенное стирание его «скрывающего, вуалирующего качества», эвфемизм начинает восприниматься как прямое указание на негативное или непристойное явление, что стимулирует возникновение новых эвфемизмов для данного явления. Примером такой цепочки в нидерландском языке могут быть лексемы *gehandicapte* (*инвалид*) и *psychiatrische inrichting* (*психиатрическая больница*):

verminkte ⇨ gebrekkige ⇨ gehandicapte ⇨ invalide ⇨ mindervalide ⇨ andersvalide ⇨ person met beperking;

gekkenhuis ⇨ krankzinnigengesticht ⇨ psychiatrische inrichting

СПОСОБЫ ЭВФЕМИЗАЦИИ

Основные способы эвфемизации были описаны Ч. Кейни: опущение оскорбительного термина, изменения формы слова, замена лексемы более общим термином, перевод на иностранный язык [Никитина, 2009, с. 9]. Как в бытовом, так в социальном и общественно-политическом дискурсах, в нидерландском языке проявляются различные способы эвфемизации: замена лексемы на метафору и

метонимию, заимствования, аббревиатура, изменение формы слова за счет аффиксации (префикс *-on*, диминутивный суффикс *-je*), отрицания, замещение звуков в лексеме, описание, опущение.

Метафора и метонимия

В качестве эвфемизмов могут выступать метафоры и метонимии:

de weg van alle vlees gaan – «уйти в мир иной»
de grote reis aanvaarden – «уйти из жизни»
een glas (glaasje) te veel ophebben – «выпить лишнее»

Заимствование

Эвфемизмы могут быть образованы на основе заимствований. Латинские заимствования часто используются для эвфемизмов в профессиональной сфере:

zwaarlijvig zijn – «полный, тучный» ⇨
obesitas hebben – «ожирение»

Необходимо отметить, что в русском языке медицинский термин «ожирение» в отличие от его эквивалента в нидерландском не является эвфемизмом.

Заимствованное слово vomeren (от французского *vomer*) вместо *overgeven, braken* (*тошнить, вырывать*), *transpireren* вместо *zweten* (*потеть*).

Аббревиатуры

Примером распространенного современного эвфемизма, созданного с помощью аббревиатуры, может быть *bi* (*бисексуал*) – эвфемизм для *bisexueel*.

Страх перед угрожающими явлениями, как ранее не излечимое заболевание «туберкулез», стал причиной появления эвфемизмов с помощью аббревитауры:

tering ⇨ tuberculose ⇨ tbc ⇨ TB (туберкулез)

Аффиксация

Диминутивный суффикс -je

Диминутивный суффикс *-je* нередко используется для образования эвфемизмов:

buik ⇨ buikje – «живот / животик»

Zij is veel aangekomen, kijk naar haar buikje. – «Она очень поправилась, посмотри – животик появился».

Отрицательный префикс -on

Изменение формы слова с помощью отрицательного префикса *-on*: *onbemiddeld* (*несостоятельный, материально не обеспеченный*) – эвфемизм для лексемы *arm* (*бедный*).

Het dossier is onzorgvuldig behandeld. –
«Досье рассмотрено невнимательно».

Создание отрицательной конструкции для замены слова-табу.

Использование отрицательной конструкции: *Het was niet echt lief van jou.* (*Было невежливо с твоей стороны.*), заменяющей прямое высказывание: *Het was grof van jou.* (*Было грубо с твоей стороны.*)

Замещение звуков

Замещение звуков в табуированной лексике исторически связано с образованием эвфемизмов в семантическом поле «религия»:

God verdomme ⇨ pot (ver) domme, jandomme, potverdikke, potjandorie – «Черт побери!»

Описание

Один из способов образования эвфемизмов – нечеткое и размытое описание:

tussen twee banen – «в поиске работы»
huishoudhulp – «помощница по дому»
interieurverzorgster – «клинер»
een bekende van de politie – «известная личность для полиции»

К тактике обхода четких указаний и их замены на обобщенные понятия с размытой семантикой нередко прибегают в политическом дискурсе:

Na een hele middag politieke spanningen beeindigde de Vlaamse regering de ***woordenwisseling***. – «После нескольких часов политического напряжения Фламандское правительство положило конец дискуссии».

Такой описательный способ образования эвфемизмов особенно распространен в общественно-политическом дискурсе: *economisch zwakkeren*

(*экономически менее благополучные слои населения*) – эвфемизм для *arm* (*бедные*); *op non-actief gesteld worden* (*статус нетрудоустроенного*)– эвфемизм для *ontslag krijgen* (*быть уволенным*). В бытовом дискурсе этот описательной способ также является продуктивным способом образования эвфемизмов:

> een bourgondisch voorkomen – «бургундское телосложение» ⇦ dik – «толстый»
> persoon op het spoor – «человек на рельсах» ⇦ zelfmoord onder de trein plegen – «покончить жизнь самоубийством, бросившись под поезд»

Опущение

К данному способу нередко прибегают сторонники гендерно-нейтральной политики в нидерландскоязычном обществе. Гендерно-нейтральная ориентированность приводит к исчезновению указателей *mejsjes* (*отдел для девочек*), *jongens* (*отдел для мальчиков*) в мире моды. Так, известная бельгийская сеть детских магазинов JBC в августе 2021 года отказалась от классического деления ассортимента, назвав свой новый маркетинговый подход *genderneutraal* (*гендерно-нейтральным*). По мнению Ван дер Аувер, исполнительного директора рекламного агентства MMBSY, сотрудничающего с JBC, использование гендерно-нейтральных терминов или отказ от классических указаний позволит:

> Kinderen niet langer in hokjes stoppen, maar hen versterken in hun dromen, en hen de vrijheid bieden om te kiezen, zonder bepaalde verwachtingen of vooroordelen: daar gaat het over.[1] – «Не распределять детей по ячейкам, а поддерживать их в мечтах, предоставлять свободу действий, не навязывая определенные критерии и стереотипы».[2]

ЭВФЕМИЗАЦИЯ И ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ

Эвфемизация непосредственно связана с распространением политкорректности во всех сферах речевой коммуникации. Политическая корректность – языковая практика, направленная на избежание оскорбления какой-либо группы людей. Происхождение данного феномена восходит к анти-сексистскому и антирасистскому движению в США в 1960–1970-е годы, оплотом которого стали университеты и профессиональные женские группы. Изначальной идеей употребления политически корректных терминов было восстановление забытой части истории и поиск научного обоснования борьбы за справедливость. Движение за политическую корректность в речевом общении в Нидерландах во второй половине XX в. было значительно менее развито по сравнению с США. По научному убеждению Э. ван дер Спека, это обусловлено отсутствием эффективных лобби, а также иным расовым составом нидерландского общества. В результате разные меньшинства не обладали сильным представительством в академических и политических сферах. Единственная группа, обладавшая влиянием в борьбе со сложившимися языковыми стереотипами в нидерландском обществе, – феминистское движение. В 1970-е годы феминистская лингвистическая критика составляла значительную часть деятельности академического феминизма [Van der Spek, 1994].

Однако в последние десятилетия в нидерландском языке возникают политкорректные формулировки выражения на основании этнической и расовой принадлежности. Миграционная волна 1960-х годов в Нидерландах и Бельгии породила целый ряд эвфемизмов, обозначающих иностранных рабочих или иностранцев, проживающих на территории этих стран: *gastarbeider* (*иностранный рабочий*) – *vreemdeling* (*иностранец*) – *allochtoon* (*некоренной житель*) – *nieuwe Belg* (*новый бельгиец*). Эвфемизм *allochtoon* был исключен из политкорректной лексики г. Гента во время празднования фестиваля Gentste Lente 2013. Вместо него были введены в употребление словосочетания *Gentse Turken, Gentse Marokkanen,* заключающие в себе указание на этническую принадлежность и местожительства [Van der Gucht, 2017, с. 77].

После своего стремительного развития в конце прошлого века политкорректный язык в некотором смысле начал терять свои позиции в области лингвистики и журналистики в Нидерландах и Бельгии, иногда становясь синонимом ругательного языка. Однако до сих пор он продолжает завоевывать позиции на политической арене. Сторонники повсеместного использования политически корректного языка считают, что новые нейтрально заряженные лексические единицы будут иметь терапевтическое воздействие на носителей языка. Использование новой формы ведет к должному образу мышления, что укрепит позитивное отношение к разным категориям людей и явлениям в обществе. Но историческое развитие политкорректности в языке демонстрирует обратное: нейтральность со временем уходит.

[1] URL: https://www.vrt.be/vrtnws/nl/2021/08/13/jbc-gendergelijke-collectie/
[2] Здесь и далее перевод наш. – *Н. К.*

Рассматривая эволюцию политкорректных единиц на основе лексического ряда *mongool, achterlijke, persoon met het syndroom van Down* (*люди с синдромом Дауна*), обозначающих лиц с ограниченными умственными способностями (*verstandelijk zwakbegaafden*), можно убедиться, что каждый раз, когда новый термин входил в узус, он переставал быть нейтральным и в результате переставал быть политкорректным.

Политически корректный язык может привести к «стилистическому вакууму». Навязываемый обществом страх оскорбить какое-либо меньшинство ведет к возникновению самоцензуры, которая будет направлена на сознательное исключение всех черт, связанных с меньшинством. «Факт того, что кто-то является мужчиной или женщиной, белым или чернокожим, протестантом и католиком, фламандцем или голландцем, больше не должен будет прослеживаться в тексте: меньшинства могут быть оскорблены. Такой выбор ведет к пустословию» [Van der Spek, 1994].

Бельгийская журналистка Хинд Фрайхи также пишет об отрицательном влиянии политкорректного языка на свободу прессы: опасности мусульманского экстремизма утаиваются, высказывания о неправомерном извлечении выгоды из социальной системы страны рассматриваются как устоявшиеся предубеждения, а справедливая критика миграционных потоков в Бельгию характеризуется как исламофобия: «Это называется политкорректное мышление, но на самом деле это не более чем простой обман наших интеллектуальных возможностей. Мы говорим о политкорректном мышлении, но на самом деле это ”отказ от мышления”». Отказ от мыслей, которые не подпадают под псевдопрогрессивный образ мироздания, и их списывание как расистских и исламофобских». По убеждению журналистки, свобода прессы в Европе находится под давлением, в том числе и в Бельгии. Свобода слова теперь практически подчиняется политической корректности высказываний [Fraihi, 2019].

Лингвист Ф. Янсен также рассуждает об отрицательном влиянии политкорректного языка на нидерландский: отсутствие четкого определения идентичности сторонников внедрения новой политкорректной лексики и ограничение свободы языкового развития [Jansen, 1995]. В современном обществе предложения о введении новой терминологии зачастую исходят не от категорий лиц, являющихся меньшинствами, а от их окружения, преследующего определенные политические цели. К таким категориям в нидерландском языке могут быть отнесены: *zwart, jood, vrouw, homo, roodharig, dialect-spreker* (*чернокожий, еврей, женщина, гомосексуалист, рыжий, носитель диалекта*). Так, например, политически корректные феминистские термины исходят от феминистически настроенных мужчин, а не от самих женщин. Ф. ван Велден из Технического университета Эйндховена выступил за упрощения вежливых обращений *de heer* (*господин*) и *mevrouw* (*госпожа*) в корреспонденции, относя эти обращения к сексистским и подчеркивающим гендерное неравенство [Van Velden, 1995].

Проводимая гендерно-нейтральная социальная политика в Бельгии уже привела к отказу от «устаревших терминов». Так, например графы *vader* (*отец*) и *moeder* (*мать*) в анкете на получение удостоверения личности несовершеннолетнего ребенка были заменены на *ouder 1* (*родитель 1*), *ouder 2* (*родитель 2*).

Примером замалчивания проблем посредством ухода в политкорректность может служить нашумевшее в свое время выступление главы полиции Амстердама, политического деятеля Э. Нордхолта (E. Nordholt), в котором он подчеркнул рост преступности среди молодежи марокканского происхождения в г. Амстердаме. Последовали многочисленные реакции на так называемые резкие высказывания политика относительно молодежи из мигрантских кругов, что выявило парадоксальную ситуацию: политкорректная лексика, не содержащая ссылок на происхождение молодежи (*Marokkaanse jongeren*), привела бы к замалчиванию социальной проблемы, и лишь отказ от политкорректности в выступлении Э. Нордхолта позволил решить сложившуюся ситуацию [Nordholt, 2007].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эвфемия как лингвистическое явление неразрывно связана с социальным и психологическими факторами, она является неотъемлемой частью коммуникации в современном нидерландском языке. К причинам употребления эвфемизмов можно отнести стремление заменить табуированную лексику, лексику, которая может привести к созданию конфликтных ситуаций, стереть рамки описываемых явлений под влиянием психолингвистических факторов. Эвфемизмы приобретают значительный вес в качестве художественных средств в контексте, несущих в себе определенный заряд, как, например, юмор, сатира. Учитывая, что эвфемизмы становятся основным источником создания политкорректной лексики, они могут становиться инструментом воздействия на участников коммуникации и даже манипуляции сознанием реципиента.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002.
2. Артюшкина Л. В. Семантический аспект эвфемистической лексики в современном английском языке: дис. … канд. филол. наук. М., 2002.
3. Островская Т. А. Эвфемизация и обратные процессы в современном поведенческом дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Филология и искусствоведение. 2012. Вып. 3. С. 148–151.
4. Никитина Н. Н. Эвфемия в зарубежной и отечественной лингвистике: история вопроса и перспектива исследования // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2009. Вып. 5. С. 9–15.
5. Van der Spek E. Een culturele revolutie in taalgebruik // Onze Taal. 1994 Jaargang 63. URL: https://www.dbnl.org/tekst/_taa014199401_01/_taa014199401_01_0151.php
6. Van der Gucht F. Atlas Nederlands. Tielt: Lannoo. 2017. P. 272.
7. Fraihi H. Benoemen // De Tijd, 2019, November 7. URL: https://www.tijd.be/opinie/column/benoemen/10179269.html
8. Jansen F. Wat is er tegen politiek correct taalgebruik // Onze taal, jaargang 64, 1995 URL: https://www.dbnl.org/tekst/_taa014199501_01/_taa014199501_01_0085.ph
9. Van Velden F. Correct taalgebruik en seksisme // Onze Taal, Jaargang 64, 1995 URL: https://www.dbnl.org/tekst/_taa014199501_01/_taa014199501_01_0003.php
10. Nordholt (2007, October 18) Verloren jongeren van straat verwijderen // Trouw, 2007, October 18. URL: https://www.trouw.nl/nieuws/nordholt-verloren-jongeren-van-straat-verwijderen~b4821f4c/

REFERENCES

1. Yartseva, V. N. (2002). Lingvistichesky encyclopedichesky slovar = Linguistic encyclopaedic dictionary. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya encyklopediya. (In Russ.)
2. Artyushkina, L. V. (2002). Semantichesky aspect evfemisticheskoy leksiki v sovremennom anglijskom yazyke = Semantic aspects of euphemism lexicology in modern English: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
3. Ostrovskaya, T. A. (2012). Euphemisation and return processes in a modern behavioral discourse. Vestnik of Adygey State University. Humanities, 3, 148–151. (In Russ.)
4. Nikitina, N. N. (2009). Evfemiya v zarubezhnoy i otechestvennoy linguistike: istoriya voprosa i persepektiva issledovaniya = Euphemisation in foreign and Russian linguistics: history of the problem and perspectives of research. Vestnik of Volzhsky University, 5, 9–15. (In Russ.).
5. Van der Spek, E. (1994). Een culturele revolutie in taalgebruik. Onze Taal. Jaargang 63. https://www.dbnl.org/tekst/_taa014199401_01/_taa014199401_01_0151.php
6. Van der Gucht, F. (2017). Atlas Nederlands. Tielt: Lannoo.
7. Fraihi, H. (2019, November 7). Benoemen. De Tijd. https://www.tijd.be/opinie/column/benoemen/10179269.html
8. Jansen, F. Wat is er tegen politiek correct taalgebruik. Onze taal, jaargang 64. https://www.dbnl.org/tekst/_taa014199501_01/_taa014199501_01_0085.ph
9. Van Velden, F. (1995). Correct taalgebruik en seksisme. Onze Taal, Jaargang 64. https://www.dbnl.org/tekst/_taa014199501_01/_taa014199501_01_0003.php
10. Nordholt (2007, October 18). Verloren jongeren van straat verwijderen. Trouw. https://www.trouw.nl/nieuws/nordholt-verloren-jongeren-van-straat-verwijderen~b4821f4c/

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коломиец Наталья Анатольевна

старший преподаватель кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университеат

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kolomiets Natalia Anatolievna

Senior Lecturer, Department of Scandinavian, Dutch and Finnish Languages, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 17.04.2022
одобрена после рецензирования 30.05.2022
принята к публикации 10.09.2022

The article was submitted 17.04.2022
approved after reviewing 30.05.2022
accepted for publication 10.09.2022

Научная статья
УДК 811.111:81
DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_38

Языковая неоднозначность в текстах юридических документов

Н. Ю. Кораблева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
korabl-nat@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются виды языковой неоднозначности, встречающиеся в текстах юридических документов. Языковая неоднозначность как свойство языка проявляется на его различных уровнях, включая лексический, грамматический и синтаксический уровни. Снятие лексической и синтаксической неоднозначности возможно при наличии контекста, позволяющего избежать появления двусмысленности при работе с текстами юридических документов.

Ключевые слова: языковая неоднозначность, лексическая неоднозначность, синтаксическая неоднозначность, юридические документы, семантика

Для цитирования: Кораблева Н. Ю. Языковая неоднозначность в текстах юридических документов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 12 (867). С. 38–43. DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_38

Original article

Ambiguity in Legal Texts

Natalia Y. Korableva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
korabl-nat@mail.ru

Abstract. The article looks into the cases of ambiguity in legal texts including lexical and syntactic ambiguity. Ambiguity itself is an integral part of any language that can be traced at different levels: lexical, grammatical and syntactic. Avoidance of the abovementioned cases of ambiguity is possible through context which helps to lift the problem of misunderstanding and false interpretation of legal texts.

Keywords: ambiguity, lexical ambiguity, syntactic ambiguity, legal documents, semantics

For citation: Korableva, N. U. (2022). Ambiguity in legal texts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(867), 38–43. 10.52070/2542-2197_2022_12_867_38

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день изучению и анализу проблемы языковой неоднозначности (ambiguity) посвящен ни один десяток работ в области лингвистической семантики. Однако данная тема по-прежнему остается в центре внимания лингвистов, открывая все новые грани для возможных исследований, включая проведение лингвистического анализа в рамках такого относительно нового направления лингвистики, как юридическая лингвистика. Данная область языкознания возникла на стыке двух научных парадигм: лингвистики и юриспруденции, и призвана решать широкий спектр проблем, возникающих в лингвистическом пространстве. Как справедливо отмечает исследователь А. С. Герд, «именно в переходных исследовательских зонах и сферах обычно и рождаются новые научные направления» [Герд, 2005].

Языковая неоднозначность – это неотъемлемое свойство любого языка, проявляющаяся на всех его уровнях, включая грамматический, лексический и синтаксический. В зависимости от направления и цели исследования, определяется и подход к интерпретации самого понятия языковой неоднозначности. Так, например, в сфере исследования и анализа текстов художественной литературы, языковая неоднозначность скорее приветствуется, так как она открывает возможность для множественной интерпретации самого текста. Как справедливо отмечает исследователь В. З. Санников, некоторые литературные жанры изначально построены по принципу нарушения постулата ясности [Санников, 2002], порождая тем самым неоднозначность в восприятии и толковании текста художественного произведения. При этом языковая неоднозначность не приветствуется в текстах юридических документов, призванных отличаться единообразием толкования, ясностью и прозрачностью.

В рамках данной статьи мы планируем проанализировать виды языковой неоднозначности, встречающиеся в текстах юридических документов на русском языке, подкрепив полученные выводы многочисленными примерами.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ В ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ

Как уже отмечалось выше, языковая неоднозначность как явление ни одно десятилетие находится в центре внимания лингвистов, проводящих исследования в рамках различных направлений лингвистики. Под языковой неоднозначностью принято понимать способность языковых единиц иметь различные смыслы [Winter-Froemel, Zirker, 2015]. При этом следует отметить, что реализация данной способности возможна лишь через конкретное высказывание. Аналогичного мнения придерживается и Ю. Д. Апресян, выделяющий наряду с языковой неоднозначностью и речевую неоднозначность [Апресян, 2003]. Таким образом, большинство исследователей сходятся во мнении, что языковая неоднозначность может расцениваться как способность того или иного слова, выражения или конструкции иметь различные смысловые значения, конкретизация которых возможна лишь через речевое высказывание или наличие определенного контекста.

Многие исследователи также разделяют точку зрения, согласно которой языковая неоднозначность представляет собой коммуникативную помеху. Подобного взгляда придерживается и Г. П. Грайс, продвигающий в своих работах максиму «be perspicuous» [Grice, 1991], что, по сути, означает ясность в выражении своих мыслей, то есть необходимость избегать недопонимания и использования неоднозначных выражений, способных вызывать подобное недопонимание.

Аналогичного мнения придерживается и американский лингвист Томас А. Васоу, справедливо отмечающий, что неоднозначность элементов естественного языка как семиотической системы может выступать существенной помехой в процессе коммуникации [Wasow, 2015]. Неоднозначность может также служить причиной коммуникативной неудачи говорящего в случае неправильного толкования его интенций слушателем.

Не вызывает сомнения тот факт, что неоднозначность как языковое явление может по-разному проявлять себя в зависимости от сферы применения и интенций авторов высказывания [Кораблева, 2010]. Сфера применения во многом определяет и степень возможного использования неоднозначности. Если речь идет о деловом общении, требующем предельной точности и взаимного понимания, вряд ли наличие языковой неоднозначности будет приветствоваться. Неоднозначность также недопустима и в юридических документах, предполагающих ясность изложения и последующее единообразие и однозначность в понимании и интерпретации содержания юридического текста. При этом, языковая неоднозначность достаточно часто встречается в текстах юридических документов, вызывая явное недоумение и у профессиональных лингвистов и профессиональных юристов.

На сегодняшний день принято выделять лексическую и синтаксическую неоднозначности. Под лексической неоднозначностью подразумевается способность лексической единицы к реализации нескольких лексико-семантических вариантов. Наличие синтаксической неоднозначности, в свою очередь, предполагает реализацию нескольких смыслов в рамках той или иной синтаксической конструкции. Снятие лексической и синтаксической неоднозначности возможно лишь при помощи контекста, существенно расширяющего смысл высказывания, включая речевое высказывание. Однако наличие контекста, позволяющего более точно и полно интерпретировать смысл высказывания, не всегда может быть гарантировано при работе с юридическими документами, отличающимися сухостью и лаконичностью изложения.

Как уже отмечалось выше, лексическая неоднозначность подразумевает наличие у слова или словосочетания нескольких связанных значений. С целью изучения и проведения детального анализа текстов юридических документов на предмет выявления в них лексической неоднозначности, исследователь А. Н. Баранов предложил использовать следующие термины: юридически определяемые термины и лингвистически определяемые термины [Баранов, 2012]. Под юридически определяемыми терминами исследователь предлагает понимать слова или словосочетания, определения которых были даны в рамках нормативно-правовых актов, то есть в текстах самих юридических документов. К лингвистически определяемым терминам А. Н. Баранов предлагает относить слова и словосочетания, определения которых отсутствуют в текстах нормативно-правовых актов. Мы разделяем точку зрения исследователя, и в своей работе будем придерживаться вышеозначенной терминологии.

Рассмотрим случаи употребления *лексической* неоднозначности:

> При отказе кредитора выдать расписку, вернуть долговой документ или отметить в расписке невозможность его возвращения должник вправе задержать исполнения. В этих случаях ***кредитор*** считается ***просрочившим*** (*статья 408 ГК РФ*).

Под лингвистически определяемым термином *просроченный* понимается нечто неоплаченное. Данное понятие может быть использовано применительно к платежному документу или любому другому платежному обязательству. С точки зрения грамматики русского языка причастие *просрочивший* требует постановки прямого дополнения, например, кредитор, просрочивший платеж. В связи с этим, употребление словосочетания *просрочивший кредитор* явно вызывает недоумение. Тем не менее это юридически определяемый термин, получивший расширенное толкование в статье 406 Гражданского кодекса РФ, где дается следующее определение данного понятия: «Кредитор считается просрочившим, если он отказался принять предложенное должником надлежащее исполнение или не совершил действий, предусмотренных законом, иными правовыми актами или договором…».

Возникновение лексической и, отчасти, синтаксической неоднозначности объясняется употреблением неправильной с грамматической точки зрения формы причастия, а также отсутствием привычного для обыденного языка управления.

Лексическая неоднозначность может также возникнуть при прочтении следующей статьи Гражданского кодекса РФ:

> Дарение, сопровождаемое передачей дара одаряемому, может быть совершено устно, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2 и 3 настоящей статьи (*статья 574 ГК РФ*).

Прежде всего, возникновение недопонимания может быть связано с двоякой интерпретацией лингвистически определяемого термина *дар*. Согласно дефиниции, предложенной толковым словарем С. И. Ожегова, под даром следует понимать подарок или приношение, а также способность или талант. Безусловно, наличие контекста позволяет разобраться, о каком виде дара идет речь [Ожегов, 1992]. Однако далеко не всегда приходится рассчитывать на его наличие в текстах нормативно-правовых актов.

Рассмотрим случаи употребления *синтаксической* (структурной) неоднозначности. В отличие от лексической неоднозначности, которая реализуется на уровне слова или словосочетания, реализация синтаксической неоднозначности происходит на уровне предложения, что, по мнению исследователя Л. Н. Иорданской, позволяет «приписывать фразе более чем одну правильную синтаксическую структуру» [Иорданская, 1967].

На сегодняшний день принято выделять следующие виды синтаксической неоднозначности: конституентную неоднозначность (coordination ambiguity), стрелочную неоднозначность (attachment ambiguity) и разметочную неоднозначность (marked ambiguity).

Появление *конституентной неоднозначности* возможно при определенном построении предложения, когда модификатор, обычно в виде определения, относится либо ко всей сочиненной группе, либо только к ее части, т. е. к слову, стоящему ближе всего к модификатору.

Таблица 4.

Рассмотрим следующие примеры конституентной неоднозначности:

> Правила настоящего параграфа применяются также в случаях, когда обязательство лица, предоставившего обеспечение, состоит в передаче акций, облигаций или вещей, ***определенных родовыми признаками***, если иное не вытекает из существа отношений (*статья 368 ГК РФ*).

В данном предложении модификатор *определенные родовыми признаками* может относиться ко всей сочиненной группе: а именно, *акций, облигаций или вещей*, или только к ближайшему для модификатора слову – *вещей*.

> В публичных торгах не могут участвовать должник, организации, на которые возложены оценка и реализация имущества должника, и работники указанных организаций, должностные лица органов государственной власти, органов местного самоуправления, ***чье участие в торгах*** может оказать влияние на условия и результаты торгов… (*статья 449.1 ГК РФ*).

Возникновение конституентной неоднозначности возможно и при анализе выше приведенного примера, в рамках которого модификатор *чье участие в торгах* может относиться как ко всей сочиненной группе, так и к последнему словосочетанию, ближе всего стоящего к модификатору.

> Абонент обязан … соблюдать установленный режим потребления энергии, а также немедленно сообщать энергоснабжающей организации об авариях, о пожарах, неисправностях приборов учета энергии и об иных нарушениях, ***возникающих при пользовании энергией*** (*статья 543 ГК РФ*).

В данном примере наблюдается аналогичная ситуация с возникновением синтаксической неоднозначности, так как модификатор *возникающих при пользовании энергией* может быть отнесен как ко всей сочиненной группе, так и к ее последнему элементу: а именно, *иных нарушениях*.

Стрелочная неоднозначность как подвид синтаксической неоднозначности получила свое название благодаря возможности графического обозначения в виде стрелок направления синтаксической зависимости от главных компонентов предложения к зависимым компонентам. Возникновение данного вида неоднозначности продиктовано возможностью применения нескольких вариантов трактовки подобной зависимости, т е. зависимое слово может потенциально относиться к разным компонентам.

> Завещания граждан, находящихся в местах лишения свободы… (*статья 1127 ГК РФ*).

В данном примере можно говорить о появлении синтаксической неоднозначности, так как при прочтении предложения не сразу становится понятно, идет ли речь о месте нахождения завещания или гражданина.

> Наследники работников, которые были застрахованы за счет предприятий и организаций… (*Федеральный закон от 31 декабря №226 ФЗ*)

Определенное недопонимание возникает и после прочтения фрагмента федерального закона, из которого не вполне ясно, кто все-таки был застрахован, наследники или работники.

Еще одним видом синтаксической неоднозначности принято считать *разметочную неоднозначность*. Название данного подвида объясняется наличием нескольких возможных вариантов обозначения синтаксических связей внутри словосочетания. Возникновение неоднозначности в понимании и распределении синтаксической взаимосвязи между элементами словосочетания продиктовано тем, что первое слово в словосочетании – это отглагольное существительное, которое дает отсылку к некоторому действию, а второе существительное обычно обозначает либо исполнителя указанного действия, то есть субъект, либо объект обозначенного действия. Например, *преследование льва*, *посещение больных*, *приглашение писателя*. Из вышеприведенных словосочетаний не совсем понятно, кто кого преследует, посещает или приглашает: преследуют ли льва или преследует сам лев; посещают больных или они сами наносят визит; приглашает писатель или его приглашают.

Следует отметить тот факт, что разметочная неоднозначность встречается и в текстах юридических документов. Если она совпадает с юридически определяемым термином, например, *представление прокурора*, тогда снимается возможность последующей неоднозначности в интерпретации высказывания и возникновения недопонимания.

> ***Представление прокурора*** по уголовному делу – это предусмотренный федеральным законом «О прокуратуре РФ» акт прокурорского реагирования на выявление нарушения уголовно-процессуального законодательства, имеющие системный характер, адресованный руководителю следственного органа… (*ФЗ от 17.01.1992 №2202-1*)

В данной статье дается определение понятия *представление прокурора*, которое может

рассматриваться как юридически определяемый термин, позволяющий в дальнейшем избегать возникновения случаев разметочной неоднозначности.

Сложнее обстоит дело с подобными выражениями: выступление адвоката Петрова, жалоба представителя Иванова. Они могут быть интерпретированы по-разному. С одной стороны, это может быть адвокат по фамилии Петров, с другой – адвокат может представлять интересы человека по фамилии Петров. Аналогичная интерпретация возможна и с жалобой представителя Иванова. Либо он сам подал жалобу, либо это сделал представитель по фамилии Иванов.

Безусловно, наличие определенного контекста позволяет нам безошибочно определить исполнителя действия. Однако, как уже отмечалось выше, тексты юридических документов должны отличаться прозрачностью и единообразием толкования, что не всегда возможно из-за встречающихся случаев лексической, синтаксической и прочих видов языковой неоднозначности, а также отсутствия соответствующего контекста, существенно расширяющего смысл любого высказывания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе вышеизложенного можно сделать выводы о том, что случаи лексической и синтаксической неоднозначности достаточно часто встречаются в текстах юридических документов, вызывая множественность в последующей интерпретации их содержания, что недопустимо в случае с трактовкой и последующим применением нормативно-правовых актов, которые должны отличаться единообразием толкования и применения. В связи с тем, что тексты юридических документов должны быть доступны с точки зрения смысла и содержания не только профессиональным юристам, но и обычным гражданам, не имеющим соответствующего профессионального образования и не всегда знакомым со спецификой лексического и синтаксического наполнения подобных документов, следует, по возможности, избегать употребления выражений и синтаксических конструкций, способствующих возникновению лексической, синтаксической и прочих видов неоднозначности в текстах юридических документов. Однако не вызывает сомнения тот факт, что полностью снять неоднозначность и неопределенность в текстах юридических документов не представляется возможным, так как профессиональные юристы также являются носителями языка и активно пользуются естественным языком наряду с использованием профессионализмов, что является неотъемлемой частью их профессиональной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Герд А. С. Прикладная лингвистика. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2005.
2. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002.
3. Winter-Froemel E., Zirker A. Ambiguity in speaker-hearer-interaction: a parameter-based model of analysis. Ambiguity: Language and Comminication. Berlin: De Gruyter, 2015. P. 283–340.
4. Апресян Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов. М.: Языки славянской культуры, 2003.
5. Grice P. Studies in the way of words. Harvard: Harvard University Press, 1991.
6. Wasow T. Ambiguity avoidance is overrated. Ambiguity: Language and Communication. Berlin: De Gruyter, 2015. P. 29–48.
7. Кораблева Н. Ю. Передача возрастных и гендерных особенностей идиолекта (при переводе произведений художественной литературы с английского языка на русский): дис. … канд. филол. наук, 2010.
8. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. М.: Наука, 2012.
9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Азь, 1992.
10. Иорданская Л. Н. Синтаксическая омонимия в русском языке // Научно-техническая информация. Серия 2, Информационные процессы и системы. 1967. Вып. 5. С. 9–17.

REFERENCES

1. Gerd, A. S. (2005). Prikladnaya lingvistika = Applied linguistics. St. Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russ.)
2. Sannikov, V. S. (2002). Russkiy yazik v zerkale yazikovoy igri = Russian language in the mirror a language game. Moscow: Iazyki slavianskoi kultury. (In Russ.)
3. Winter-Froemel, E., Zirker, A. (2015). Ambiguity in speaker-hearer-interaction: a parameter-based model of analysis. Ambiguity: Language and Comminication. Berlin: De Gruyter.
4. Apresian, Y. D. (2003). Noviy obiasnitelniy slovar sinonimov = New explanatory dictionary of synonyms. Moscow: Iazyki slavianskoi kultury. (In Russ.)
5. Grice, P. (1991). Studies in the way of words. Harvard: Harvard University Press.

6. Wasow, T. (2015). Ambiguity avoidance is overrated. Ambiguity: Language and Communication. Berlin: De Gruyter.
7. Korableva, N. U. (2010). Peredacha vozrastnih i gendernih osobennostei idiolekta (pri perevode proizvedeniy hudozestvennoi literaturi s angliyskogo yazika na russkiy) = The reflection of age and gender aspects of idiolect (translation of literary works from English to Russian): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
8. Baranov, A. N. (2012). Lingvisticheskaya ekspertisa teksta: teoriya i praktika = Linguistic text expertise: theory and practice. Moscow: Nauka. (In Russ.)
9. Ozhegov, S. I. (1992). Tolkoviy slovar' Russkogo yazika = Russian language explanatory dictionary. Moscow: Az. (In Russ.)
10. Iordanskaia, L. N. (1967). Sintakticheskaya omonimiya v russkom yazike = Syntactic homonymy in Russian (from the standpoint of automatic analysis and synthesis). Nauchno-tekhnicheskaia informatsiia. Biulleten' 2(5), 9–17. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кораблева Наталья Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Korableva Natalia Yurievna

PhD (Philology), Associate Professor, Assistant Professor at the Department of the English Language, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 11.05.2022
одобрена после рецензирования 26.05.2022
принята к публикации 10.09.2022

The article was submitted 11.05.2022
approved after reviewing 26.05.2022
accepted for publication 10.09.2022

Научная статья
УДК 81'23
DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_44

Midsommar, medelsvensson и роль фоновых знаний в работе переводчика

И. В. Матыцина
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
imatits@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу о роли фоновых знаний при восприятии и переводе произведений художественной литературы, в том числе поэзии. Объектом исследования стало стихотворение шведского поэта Мальте Перссона*Sjusortersblommor – enmidsommardikt*.Для перевода данного текста необходимо провести его комплексный анализ и определить эмоционально-смысловую доминанту. При анализе текста использовалась система А. Маннерхейма.

Ключевые слова: шведский язык, шведская поэзия, перевод, фоновые знания

Для цитирования: Матыцина И. В. Midsommar, medelsvensson и роль фоновых знаний в работе переводчика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 12 (867). С. 44–50. DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_44

Original article

Midsommar, Medelsvensson and the Role of Background Knowledge in the Translator's Work

Irina V. Matytsina
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
imatits@gmail.com

Abstract. The article deals with the role of background knowledge in the perception and translation of works of fiction and especially of works of poetry. The object of the study is a poem by the contemporary Swedish poet Malte Persson *Sju sorters blommor – en midsommardikt*. In order to translate such a text it is necessary to analyze it thoroughly as a whole and define the prevailing emotion and meaning. While analyzing a poetic text it is useful to apply the system invented by the Swedish translator Augustin Mannerheim.

***Keywords*:** the Swedish language, Swedish poetry, translation, background knowledge

For citation: Matytsina, I. V. (2022). Midsommar, Medelsvensson and the role of background knowledge in the translator's work. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(867), 44–50. 10.52070/2542-2197_2022_12_867_44.

ВВЕДЕНИЕ. ВАЖНОСТЬ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДЧИКА

Данная статья посвящена вопросу о роли фоновых знаний в процессе перевода произведений художественной литературы, в частности, поэзии. Успешное применение знаний в этой области является залогом создания адекватного перевода, отвечающего требованиям межкультурной коммуникации в ситуации, когда ее участники принадлежат к разным лингвокультурным сообществам.

Вопрос обращения переводчика к фоновым знаниям – это не только вопрос его образованности и профессиональной компетентности. Фоновые знания о культуре и традициях народа, на языке которого создан оригинал, позволяют определить эмоционально-смысловую доминанту текста, играющую важную роль в любом переводе и особенно в переводе поэтическом [Панькина, Белянин, 2019]. Обычно эта доминанта выделяется интуитивно [там же], хотя были попытки формализовать данный процесс: например, В. Я. Пропп разработал формальный подход к анализу волшебных сказок, так называемый морфологический анализ, в основе которого лежит понимание различных поступков персонажей, как функций, влияющих на структуру сюжета [Пропп, 1928, с. 152].

Не углубляясь в формализацию текста, отметим, что в основе коммуникации представителей одного лингвокультурного сообщества лежит общая картина мира и ее отражение в языке, влияющие на восприятие художественного произведения, а в некоторых случаях они становятся необходимым элементом произведения, стержнем, на котором оно строится и держится. Приведем в качестве примера очень сложное и интересное стихотворение Мальте Перссона (Malte Persson *Sju sorters blommor – en midsommardikt*)[1].

ХАРАКТЕРИСТИКА СТИХОТВОРЕНИЯ МАЛЬТЕ ПЕРССОНА *SJU SORTERS BLOMMOR – EN MIDSOMMARDIKT*

Шведский поэт, писатель, переводчик и литературный критик Мальте Перссон (род. 1976) дебютировал в 2002 году романом «Жизнь на этой планете» (*Livetpå denhärplaneten*), после чего продолжал писать и издавать как поэтические, так и прозаические произведения. В 2004 и 2007 годах вышли два сборника стихов, *Apolloprojektet* и *Dikter*, а в 2008 году – исторический роман *Edelcrantzförbindelser* о жизни поэта и изобретателя А. Н. Эделькранца. В 2004–2010 гг. Перссон вел блог *Errata,* в котором широко обсуждались события литературной жизни Швеции. В настоящее время он работает литературным критиком в газете «Экспрессен» и хроникером в новостном журнале «Фокус». Мальте Перссон считается представителем модернистского крыла шведских поэтов, группирующихся вокруг журнала *OEI* [Nurbo, 2008], однако известен и как автор, пишущий в традициях классической поэзии, в частности, в 2011 году был опубликован быстро ставший популярным сборник сонетов «Подземка» (Underjorden).[2]

Стихотворение*Sjusortersblommor – enmidsommardikt* было напечатано в газете «Экспрессен» в июне 2018 г. [Persson, 2018]. Оно состоит из 19 строф, объединенных главной темой – поверья, традиции и надежды, связанные для шведов с Праздником середины лета. По сути, каждая строка представляет собой назывное предложение, содержащее очередной, маркированный, атрибут этого события и его характеристику, подчас парадоксальную. Постепенно волшебное ожидание праздника сменяется безудержным ночным разгулом, который мало-помалу обретает все более пошлые и грязные формы и завершается к утру отрезвлением и раскаянием. Дактиль, которым написано стихотворение (трехсложник, первый слог в стопе ударный, за ним следуют два безударных), в русской поэтической традиции считается самым мрачным размером (ср. Н. А. Некрасов «Несжатая полоса»: «Вашему пахарю моченьки нет…», «Только не сжата полоска одна…»), поэтому многие участники семинара при переводе текста использовали амфибрахий (тоже трехсложник, но с ударением на последнем слоге в стопе). Особенностью формы стихотворения Перссона является также то, что каждая строфа представляет собой монорим. Такая форма была очень характерна для средневековой поэтической традиции, встречается она и в народной поэзии. Кроме того, в стихотворении активно используется аллитерация, вот, например, как выглядит первая строфа:

Sju sorters seder som ingen bevarar,
Sju sorters frågor som ingen besvarar,
Sju sorters formler som knappast förklarar
Sju sorters drömmar om sju sorters karlar –

[1] Стихотворение переводилось как учебное задание участниками поэтического семинара под нашим руководством, но, так как тексты переводов еще не готовы и не напечатаны, мы не имеем права их цитировать и обсуждать переводческие решения, а можем лишь очертить круг сложностей, с которыми столкнулись молодые переводчики.

[2] Versopolishttps://www.versopolis-poetry.com/poet/229/malte-persson [Матыцина, 2020].

Буквально:

«Семь сортов традиций, которые никто не хранит,
Семь сортов вопросов, на которые никто не отвечает,
Семь сортов формул, которые едва ли что-то объясняют,
Семь сортов сновидений о семи сортах мужчин»[1]

Трудности для перевода начинаются уже с названия, поскольку в нем не только содержится ключевое слово – *Midsommar* («Праздник середины лета»), но и впервые встречается словосочетание *sju sorters* (*букв*. 'семь сортов'), которое будет потом открывать каждую строку стихотворения (а это 19 строф!), и значит, выбранное для заглавия переводческое соответствие в идеале должно подходить для использования на протяжении всего текста. *Sju sorters blommor – en midsommardikt* – так называется стихотворение по-шведски. Перевод «семь сортов цветов» не годится, так как уводит нас от поэзии в сферу ботаники и торговли, «виды» тоже не очень хороши, поэтому один из участников семинара предложил в качестве рабочего варианта перевода словосочетание «семь разных цветов». Что же касается слова *Midsommar*, то с ним тоже возникли сложности. Скандинаву или скандинависту не нужно объяснять, что это за праздник, но для широкого читателя, не имеющего соответствующих фоновых знаний, надо придумать, как передать связанные с этим днем коннотации. Вариант «Праздник середины лета» совсем неплох, в нем угадывается вершина года, торжество природы, но это перевод описательный, длинный, он не подходит ни по стилю, ни по размеру к стихотворению. Нельзя передавать ритмизованное, оформленное дактилем шведское название S*ju sorters blommor – en midsommardikt* как «Семь разных цветов на Праздник середины лета». Вариант с генерализацией – «Летнее стихотворение», предложенный другим участником семинара, задавал стиху совсем иное звучание, иное настроение: легкость, отдых, тепло, цветение, благоухание – и никакой магии. К тому же лето продолжается по календарю три месяца, а Праздник середины лета – уникален. И его уникальность просматривается, в частности, в связанных с ним поверьях, одно из которых тоже вынесено в заглавие – тот, кто соберет семь или девять разных цветов и положит их под подушку, увидит во сне суженого. После долгих обсуждений предварительный вариант названия был найден, и я расскажу о нем ниже, в связи с вопросом о передаче ритмического рисунка стихотворения.

[1] Здесь и далее автор подстрочника. – И. В. Матыцина.

В начале статьи мы упоминали, что Мальте Перссон сталкивает и доводит до абсурда связанные с праздником традиции и приметы, безжалостно препарируя образную систему, традиционно ассоциирующуюся с этим днем, и разрушая языковые формулы, входящие в национальный языковой фонд. Чтобы сохранить в переводе авторскую идею и стиль, эти клише языка и культурного сознания нужно было узнать, понять их место и функцию в произведении, переосмыслить и передать на переводящем языке.

СТРУКТУРА ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В СТИХОТВОРЕНИИ М. ПЕРССОНА «SJU SORTERS BLOMMOR – EN MIDSOMMARDIKT»

анализ стихотворения показывает, что автор использует много языковых клише и отсылок к национальному культурному коду. Рассмотрим лишь некоторые из них.

1. Обращение к фонду устойчивых выражений языка

Строфа 5:

Sju sorters bristande sållning och hållning.
букв.: 'Семь сортов невыполненного отсева и удержания'.

Эта строка находится в первой части стихотворения, где в качестве предпосылок той вакханалии, что произойдет ночью, перечисляются различные обстоятельства, из-за которых человек начинает тяготиться своими буднями и реальностью, веря, что магия Праздника может освободить его от всего этого хотя бы на время.

Пара однородных отглагольных существительных *sållning och hållning* отсылает нас к устойчивым сочетаниям с глаголами *sålla* («разделять, отделять») и *hålla* («держать»). Глагол *sålla* – встречающийся сегодня, пожалуй, только в устойчивом сочетании *sålla agnarna från vetet* («отделять мякину от пшеницы», *библ*. плевелы от пшеницы), – подсказывает нам путь, по которому может идти интерпретация этого весьма расплывчатого отрывка. Можно предположить, что *bristande sållning*– упущенное действие, которое должно было произойти, чтобы лирический герой разобрался в том, что полезно, что вредно, что хорошо, что плохо. Дальнейшее развитие этого образа поддерживает существительное *hållning*, которое отсылает нас к многочисленным устойчивым выражениям

с глаголом *hålla* («держать»): *hålla i trådarna* («держать под контролем»), *hålla ngn kort* («держать на коротком поводке»), *hålla sig i skinnet* («держать себя в руках»), *hålla ngn om ryggen* («прикрывать чью-то спину»), *hålla ngn under armarna* («поддерживать, подставлять плечо») и многие другие. В отличие от существительного *sållning*, подразумевающего сознательный отказ от плохого и ненужного, действие *hållning*, напротив, направляет мысль читателя на совершение необходимых действий в поддержку или для укрепления чего-то. Ни то, ни другое, как мы видим, исполнено не было, что и обусловило чувство разочарования лирического героя.

2. Обращение к фонду пословиц и поговорок

Строфа 13:

Sju sorters spärrar som spriten försvagar,
букв.: 'Семь сортов преград, которые разрушает алкоголь'

Sju sorters herrar i sju sorters hagar,
букв.: 'Семь сортов господ в семи сортах лугов'

Строфа 14:

Sju sorters hagar med sju sorters klöver,
букв.: 'Семь сортов лугов с семью сортами клевера'

Sju sorters vanor och örter som söver,
букв.: 'Семь сортов привычек и трав, что усыпляют'

sju sorters ursäkt för den som behöver
букв.: 'семь сортов извинений для того, кому нужны'

Sju sorters gärdsgård att svänga sig över –
букв.: 'Семь сортов оград, чтобы через них перепрыгивать'

В строке *Sju sorters herrar i sju sorters hagar* («семь сортов господ в семи сортах лугов») обыгрывается пословица *Vi är alla olika i Herrens hage* («Мы все разные на Господнем лугу»), которая в частности, нашла отражение в шведском названии сериала «All Creatures Great and Small» (*рус.* О всех созданиях – больших и малых. Великобритания, 1977–1990-е годы). Однако у Перссона *herrar* пишется со строчной буквы и выступает в форме множественного числа, тем самым соотносясь не с существительным *Herre* («Господь»), а с *herr* («господин, мужчина»). Ситуация опрощается и опошляется. Семеро господ на лугу под воздействием алкоголя либо спят, либо занимаются любовью со случайными партнершами. А семь разновидностей оград (*Sju sorters gärdsgård att svänga sig över* – «семь сортов оград, чтобы через них перепрыгивать») хоть и отсылают нас к традициям празднования Середины лета (ночью перелезь через семь или девять заборов, собери семь разных цветов, положи их под подушку и увидишь во сне суженого – этому обычаю посвящены многочисленные стихи и песни, см., например, «Midsommarblomster», с припевом *Midsommarnatten plockar jag klöver och timotej*... «В ночь Праздника середины лета я собираю клевер и тимофееву траву»[1]), но в контексте развития темы стихотворения могут означать также те заборы, через которые придется прыгать незадачливому любовнику, спасаясь от законного мужа своей случайной пассии.

3. Обращение к форме языка, аллюзии на языковые феномены

Строфа 6 заканчивается фразой:

sjusorterssje-ljudsomspråktestförmunnen –
букв.: 'семь сортов звука «ш» как языковой тест для рта'.

Эта же тема развивается в строфе 7:

sju sorters sjösjuka sjömän som vrickar
букв.: 'семь сортов больных морской болезнью моряков вывихивают'

sju sorters tungor som slinter och slickar
букв.: 'семь сортов языков, которые заплетаются и слизывают'

Sju sorters grädde från gubbar i klickar
букв.: 'семь сортов сливок с клубники в завитках [сливок]'

Sju sorters gubbar på engångstallrikar –
букв.: 'семь сортов клубники на одноразовых тарелках'

Здесь автор исходит из наличия у читателя необходимых знаний о фонетике шведского языка, в котором то или иное произнесение звука [sj] (*sje-ljudet*) свидетельствует как о территориальной, так и о социальной принадлежности человека. А на данном этапе празднования является еще и способом определить степень опьянения и способность внятно выражать свои мысли. Этот образ дополняется существующей в языковой

[1] Музыка L. B. Söderlundh, слова E. Molin.

и генетической памяти каждого шведа скороговоркой с этим звуком: *sju sköna sju ksköterskors köter sju sjösjuka sjömän* («семь прекрасных медсестер ухаживают за семью больными морской болезнью моряками»). Дальнейшая игра слов основана на препарировании слова *jordgubbe* («ягода клубники»), от которого осталась только вторая половина – *gubbe* («старик, старичок»). Однако его соседство со сливками, у человека, знающего шведский язык и национальную кухню, легко создает образ исходного слова, поскольку клубника, наряду с сельдью и картофелем, является своего рода кулинарным символом Праздника середины лета. Правда, на пластиковой одноразовой тарелке она уже не выглядит такой привлекательной, как в брошюрах и рекламных роликах.

4. Обращение к обычаям и традициям (игры-хороводы)

Строфа 10:

Sju sorters flickor som chansartat dansar
букв.: 'семь сортов девушек, танцующих наудачу (или на счастье?)'

Sju sorters danser med pojkar som ansar
букв.: 'семь сортов танцев с парнями, которые ухаживают'

Sju sorters skäggväxt och slumpvis bekransar
букв.: 'за семью сортами бород и наугад украшают венком'

Sju sorters grodor som ej hava svansar –
букв.: 'семь сортов лягушек, у которых нет хвостов'

В этой строфе рассказывается о кульминации праздника, когда дым коромыслом, внутренние преграды и барьеры сломаны и забыты, эмоции, желания и энергия бьют через край. В этих условиях популярный и известный шведам от мала до велика «Танец маленьких лягушат» (*Små grodorna*), у которых «нет ни ушек, ни хвостов» (*Ej öron, ej öron / Ej svansar hava de*), становится символом царящей вокруг неразборчивости и вседозволенности. В угаре праздника молодые люди не замечают, что их избранник/(-ца), которого/(-ую) они украшают венком – атрибутом признания и восхищения, – на самом деле, всего лишь лягушка, лишенная не только человеческого обличья, но и даже необходимых для животного частей тела.

В 19-й, последней, строфе стихотворения упоминается «Танец судьи» (*Domaredansen*). Стихотворение заканчивается следующими строками:

sju sorters domar i domaredansen
букв.: 'семь сортов судей в танце судейском'

sju sorters blommor i midsommarkransen.
букв.: 'семь сортов цветов в венке на Праздник середины лета'

В игре-хороводе *Domaredansen* есть слова:

Har du sovit hos din käresta i natt, så skall du åt mig le. – «Если ты провел эту ночь со своей/-им любимой/-ым, ты должен мне улыбнуться» –

в детском варианте песенки эта строка звучит иначе:

Har du drömt om din käresta i natt, skall du mot ljuset le. – «Если ты видел во сне своего любимого/-ую, улыбнись солнышку (*букв.*'свету')».

В Праздник середины лета актуализируются оба эти значения – робкая надежда увидеть во сне свою любовь, «вторую половину», предназначенную тебе свыше, сменяется буйной оргией, после которой лирический герой проводит ночь с первым встречным. Но судьи из танца после окончания праздника будут *суд*ить и рядить, задавать вопросы и вести пере*суды*, о том, кто что делал и с кем был. Одновременно это и сам лирический герой, который на трезвую голову, когда праздничный угар проходит, становится сам себе *судьей*.

В завершение несколько слов о том, как участники семинара справились с заданием. Должна сказать, что, хотя готового стопроцентно удачного варианта не получилось, но было много интересных находок: обыгрывалась русская скороговорка «Шла Саша по шоссе», пословица «Семь раз отмерь, один отрежь», многие образы создавались заново, что называется «по мотивам» оригинала, а вместо не очень привычного для русского читателя монорима (моноримы были в русской народной поэзии, но в более позднее время стали редкостью и встречаются лишь у отдельных авторов, например, у А. Фета, Н. Асеева, В. Высоцкого) одна участница предложила повторять в конце строки слово «Мидсоммар», которое она вынесла и в название стихотворения, снабдив его сноской. Этот повтор в ее тексте был неназойливым, но достаточно регулярным, чтобы обращать на себя внимание и выступать в качестве ритмо- и формообразующего средства. В целом, я очень надеюсь, что молодые переводчики доработают это стихотворение, и возможно, чей-то вариант порадует российского читателя в подборке современных шведских стихов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из приведенных примеров даже при таком беглом перечислении можно понять, что буквальный перевод стихотворения невозможен: оно настолько насыщено аллюзиями на шведскую систему эмотивных и когнитивных структур, что просто расползается в руках, превращаясь в неоформленную массу разноплановых образов. При этом за каждым образом скрывается большой объем языковой и культурной информации, который легко считывается носителями языка, но ни о чем не говорит читателю с иным лингвокультурным кодом. Произведения такого типа многие считают непереводимыми, поскольку к ним, на первый взгляд, нельзя применить традиционные методы поэтического перевода, которые шведский переводчик Августин Маннерхейм [Матыцина, 2020; Swedenmark, 2011, с. 88] сформулировал в виде теории трех уровней. На первом уровне, который он назвал уровнем аутентичности, передается то, что может быть передано средствами ПЯ – разные элементы формы, содержания, образности, ритма и т. д. На втором – уровне эквивалентности – переводчик находит соответствие и замену тому, что нельзя передать точно. На третьем, названном Маннерхеймом уровнем хаоса, переводчик обращается к «черному ящику» своего языкового и культурного опыта и достает из него то, что заставит стихотворение «заиграть» на ПЯ так же, как оно «играло» на языке оригинала. Однако пример таких сложных для перевода произведений, как рассмотренное выше стихотворение Перссона, наглядно показывает, что ключевым моментом поэтического перевода является определение эмоционально-смысловой доминанты текста [Панькина, Белянин, 2019, с. 111] путем анализа его лингвистических и культурно-психологических особенностей. Только сделав это (и, возможно, даже минуя уровень эквивалентности), переводчик может осуществлять перевод, находя замены элементам оригинала и доставая из «черного ящика» родного языка образы и выражения, игру слов и устойчивые сочетания, способные вызвать у читателя впечатление от стихотворения, сходное с тем, которое, по мнению переводчика, хотел вызвать у своих читателей автор оригинала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Панькина Ю. А.,Белянин В. П., Индивидуальное в поэтическом переводе как индикатор эмоционально-смысловой доминанты художественного текста // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (30). С. 108–123.
2. Пропп В. Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928.
3. Nurbo S. Sprawl. En studie av tre svenska language-dikter. 2008. URL: http://www.ettlysandenamn.se/helasprawl.html
4. Матыцина И. В. Иными словами // Недо-, полу- и сверхкоммуникация. Грамматика нереального-4: материалы круглого стола / отв. ред. Т. А. Михайлова. М.: Макс Пресс, 2020. С. 32–41.
5. Persson M. Sju sorters blommor – en midsommardikt // Expressen. 22 juni 2018. URL: https://www.expressen.se/kultur/sju-sorters-blommor-en-midsommardikt/
6. Swedenmark J. Baklängesöversättning och andra texter. Linderöd: Ariel förlag, 2011.

REFERENCES

1. Pankina, Y. A., Belyanin, V. P. (2019). Individual features in poetic translation as indicators of the emotional and semantic dominant of literary translation. Journal of Psycholinguistics, 2(30), 108–123. (In Russ.)
2. Propp, V. Ya. (1928). Morfologiyaskazki = Morphology of the fairy tale. Leningrad: Academia.
3. Nurbo, S. (2008). Sprawl. En studie av tre svenska language-dikter. http://www.ettlysandenamn.se/helasprawl.html
4. Matytsina,I. V. (2020). Inymi slovami = In other words. In T. A. Mihajlova (ed.), Nedo-, polu- i sverxkommunikaciya. Grammatika nereal`nogo-4 (pp. 32–41). Moscow: Maks Press.
5. Persson, M. (2018, 22 juni). Sju sorters blommor – en midsommardikt. Expressen. https://www.expressen.se/kultur/sju-sorters-blommor-en-midsommardikt/
6. Swedenmark, J. (2011). Baklängesöversättning och andra texter. Linderöd: Ariel förlag.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Матыцина Ирина Витальевна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Matytsina Irina Vitalievna
PhD (Philology), Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Germanic and Celtic Philology,
Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию 06.05.2022
одобрена после рецензирования 29.05.2022
принята к публикации 10.09.2022

The article was submitted 06.05.2022
approved after reviewing 29.05.2022
accepted for publication 10.09.2022

Научная статья
УДК 811+811.531
DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_51

Грамматикализация в системе служебных имен (на примере современного корейского языка)

Т. С. Мозоль
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
yoondanhee@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены служебные имена современного корейского языка, образованные от имен существительных в результате грамматикализации. Одним из механизмов грамматикализации является генерализация значения. При образовании служебных имен корейского языка от существительных может происходить переход 1) от пространственного значения к временному, 2) от конкретного объекта к абстрактному, 3) от конкретного объекта к абстрактной ситуации, 4) от конкретного объекта к выражению причины.

Ключевые слова: грамматикализация, служебное имя, семантическое расширение, корейский язык, семантический сдвиг

Для цитирования: Мозоль Т. С. Грамматикализация в системе служебных имен (на примере современного корейского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 12 (867). С. 51–57. DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_51

Original Article

Grammaticalization in the System of Bound Nouns (based on modern Korean)

Tatiana S. Mozol
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
yoondanhee@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the problem of grammaticalization and bound name formation in Modern Korean. One of the mechanisms of grammaticalization is generalization of meaning. In the formation of Korean bound names from nouns, there may be a transition 1) from spatial to temporal meaning, 2) from concrete object to abstract, 3) from concrete object to abstract situation, 4) from concrete object to the expression of cause.

Keywords: grammaticalization, bound noun, semantic extension, the Korean language, semantic change

For citation: Mozol, T. S. (2022). Grammaticalization in the system of bound nouns (based on modern Korean). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(867), 51–57. 10.52070/2542-2197_2022_12_867_51

ВВЕДЕНИЕ

Изучение явления грамматикализации восходит к научным изысканиям в области историко-сопоставительного языкознания и представляет собой важное направление лингвистики, направленное на исследование эволюционных явлений в языке. Термин «грамматикализация» как таковой был впервые введен А. Мейе, который понимал под ним «переход самостоятельного слова на роль грамматического элемента», «приобретение грамматического статуса словом, бывшим до этого автономным» [Meillet, 1912, с. 131–132].

Следует отметить, что существуют различные подходы к определению термина «грамматикализация». Наиболее известным и широко распространенным определением термина «грамматикализация» считается определение Е. Куриловича, который описывает грамматикализацию как «расширение сфер употребления морфемы при переходе от лексического к грамматическому или от менее грамматического к более грамматическому статусу, например, от словообразовательного форманта к словоизменительному» [Kuryłowicz, 1965, с. 69].

В данной работе под термином «грамматикализация» мы также будем понимать процесс приобретения автономной лексической единицей грамматических функций, переход от менее грамматического к более грамматического статусу. В данной работе предпринята попытка систематизации и классификации служебных имен современного корейского языка с точки зрения теории грамматикализации.

Под служебным именем в корейском языке понимается синтаксически зависимая служебная часть речи, не имеющая действительного лексического значения в предложении и следующая за определяемым словом [성광수, 1976; 권재일, 1985; 왕문용, 1988; 임동훈, 1991; 이병모, 1995; 안효경, 2001]. Однако данные критерии не всегда позволяют установить четкие границы: среди служебных имен корейского языка немало слов, имеющих ту же форму, что и знаменательные слова. Кроме того, нередко ряд подобных служебных имен становится более грамматикализованными, приобретая свойства частиц и аффиксов.

Подобная размытость границ служебных имен, как правило, обсуждалась корейскими лингвистами с диахронической точки зрения [이병모, 1995, с. 9]. Однако при этом представляется также эффективным исследовать подобные служебные имена с синхронической точки зрения в рамках теории грамматикализации.

В зависимости от степени автономности и конкретности смыслового значения можно представить следующую градацию в корейском языке: имя существительное > наречие > служебное имя > частица, аффикс.

В данной статье рассматриваются служебные имена, которые имеют ту же форму, что и знаменательные слова, и приобрели функции служебных имен в процессе грамматикализации. Данный вид служебных имен представляет особый интерес, поскольку не укладывается полностью в существующие классификационные критерии. Материалом данного исследования послужили отвечающие вышеозначенным критериям служебные слова, отобранные из общих списков служебных слов корейского языка [고영근, 1970, с. 34; 권재일, 1985; с. 176; 이주행, 1988, с. 28; 이병모, 1995, с. 25]. Актуальность данного исследования обусловлена отсутствием четкой классификации служебных имен корейского языка и наличием значительного количества слов, которые одновременно по своей форме являются знаменательными и служебными именами.

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ В СИСТЕМЕ СЛУЖЕБНЫХ ИМЕН КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Одним из основных механизмов грамматикализации является семантическое расширение. Как правило, в процессе грамматикализации происходит генерализация значения, что расширяет контексты употребления языковой единицы. В качестве основных направлений подобной генерализации в служебных именах корейского языка можно выделить переход от пространственного к временному (например, 녘, 동안, 즈음), от конкретного объекта к абстрактному (например, 노릇, 모양, 바, 법, 리, 셈, 수, 양, 턱), от конкретного объекта к абстрактной ситуации (например, 길, 지경, 차, 참, 터, 판), от конкретного объекта к выражению причины (например, 바람, 서슬, 통).

Рассмотрим примеры генерализации, возникающей в процессе грамматикализации в системе служебных имен корейского языка.

1. Переход от пространственного к временному

В данном случае значимые лексические единицы, обозначающие физическое пространство, в результате действия механизмов метафоризации приобретают временное значение одновременно с утратой автономности данной единицы. К таким служебным именам можно отнести 녘,

Таблица 1

СЛУЖЕБНЫЕ ИМЕНА С ВРЕМЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Имя существительное		Служебное имя		Морфосинтаксические ограничения
Общее значение	**Лексическая единица**	**Новое общее значение**	**Лексическая единица**	
Пространство, место	녘 (сторона)	**Пространство → время, промежуток времени**	녘 (во время)	После глагола в форме причастия будущего времени
	동안 (расстояние)		동안 (в течение, во время)	После глагола в форме причастия прошедшего, настоящего или будущего времени
	즈음 (промежуток)		즈음 (во время)	После глагола в форме причастия будущего времени

동안, 즈음. Представим в виде таблицы происходящие в процессе грамматикализации семантические и грамматические изменения.

Рассмотрим в качестве примера более подробно служебное имя 녘 (см. табл. 1).

Существительное 녘 (сторона, направление) в среднекорейском языке в процессе грамматикализации утратило свою автономность, получив статус служебного имени со значением «направление» в современном корейском. Далее на следующем этапе 녘 приобрело временное значение «во время», став более грамматикализованным, поскольку в данном значении может употребляться только с существительным или с глаголом в форме причастия будущего времени. В современном корейском языке используется как служебное имя 녘 в пространственном значении, так и служебное имя 녘 во временном значении.

우리의 밭 한 녘에는 아카시아 나무가 자라고 있다[1]. – «На одной стороне поля растет акация»[2].

동이 틀 녘이면, 모두 밭에 나가 일을 한다[3]. – «На рассвете все выходят работать в поле».

2. Переход от конкретного объекта к абстрактному

В данном случае знаменательные существительные, обозначающие конкретные объекты, приобретая более абстрактное значение, теряют свою автономность и получают статус служебных имен. К служебным именам данной группы можно отнести 리, 마련, 모양, 바, 법, 셈, 수, 양, 폭, 품 (см. табл. 2).

[1] URL: https://ko.dict.naver.com/#/main

[2] Здесь и далее перевод наш – *Т.М.*

[3] Там же.

Таблица 2

СЛУЖЕБНЫЕ ИМЕНА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ АБСТРАКТНЫЙ ОБЪЕКТ

Имя существительное		Служебное имя		Морфосинтаксические ограничения
Общее Значение	**Лексическая единица**	**Новое общее значение**	**Лексическая единица**	
Конкретный объект	리 (здравый смысл, добродетель)	**Конкретный объект → абстрактный объект**	리 (обоснование, основание)	После глагола в форме причастия будущего времени
	마련 (подготовка)		마련 (естественный результат)	После глагола в форме на – 게/기
	모양 (внешний вид)		모양 (предположение, догадка)	После глагола в форме причастия прошедшего, настоящего или будущего времени
	바 (пространство)		바 (вышесказанное)	После глагола в форме причастия прошедшего, настоящего или будущего времени
	법 (закон)		법 (естественная закономерность)	После глагола в форме причастия прошедшего или настоящего времени
	셈 (счет)		셈 (расчет, предположение)	После глагола в форме причастия прошедшего, настоящего или будущего времени
	수 (способ)		수 (возможность)	После глагола в форме причастия будущего времени
	양 (форма)		양 (вид, намерение)	После глагола в форме причастия прошедшего, настоящего (вид) или будущего времени (намерение)
	폭 (ширина)		폭 (степень)	После глагола в форме причастия прошедшего, настоящего или будущего времени
	품 (форма)		품 (вид, внешность)	После глагола в форме причастия прошедшего или настоящего времени

Рассмотрим в качестве примера служебное имя '마련'. Служебное имя 마련 (*закономерность*) образовалось в результате грамматикализации от имени существительного 마련 со значением «подготовка, приготовление» (см. табл. 2).

잔치에서 음식 마련이 가장 큰 문제이다[1]. – «Самая главная задача на празднике – это приготовление еды».

소문이란 눈덩이처럼 불어나기 마련이다[2]. – «Естественно, слухи начинают расти, словно снежный ком».

В процессе грамматикализации происходит переход от конкретного значения (*подготовка, приготовление*) к более абстрактному (*закономерность*) одновременно с потерей автономности (служебное имя 마련 употребляется после глагола в форме на –기/게).

[1] URL: https://ko.dict.naver.com/#/main
[2] Там же.

3. Переход от конкретного объекта к абстрактной ситуации

В данном случае служебные имена образуются от существительных, обозначающих конкретные объекты, в процессе грамматикализации приобретается значение «абстрактная ситуация» и происходит уменьшение степени автономности лексической единицы. К служебным именам данной группы можно отнести 길, 노릇, 김, 섟, 지경, 차, 참, 터, 판 (см. табл. 3).

Рассмотрим в качестве примера служебное имя 길. В Большом словаре стандартного корейского языка (표준국어대사전, 1999) проводится разделение между именем существительным 길 (*дорога*) и служебным именем '길' со значением «способ», «процесс», «немедленная смена действия», однако в большинстве других толковых словарей корейского языка в словарной статье 길 стоит помета «имя существительное», а в словарной

Таблица 3

СЛУЖЕБНЫЕ ИМЕНА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ АБСТРАКТНУЮ СИТУАЦИЮ

Имя существительное		Служебное имя		Морфосинтаксические ограничения
Общее Значение	**Лексическая единица**	**Новое общее значение**	**Лексическая единица**	
Конкретный объект	길 (дорога)	**Конкретный объект → абстрактная ситуация**	길 (способ)	После глагола в форме причастия прошедшего, настоящего или будущего времени
	김 (пар)		김 (возможность, повод)	После глагола в форме причастия прошедшего, настоящего времени или причастия на – 던
	노릇 (роль)		노릇 (обстоятельства, ситуация)	После глагола в форме причастия прошедшего, настоящего или будущего времени
	섟 (настроение, чувства)		섟 (ситуация)	После глагола в форме причастия настоящего или будущего времени
	차 (порядок, очередность)		차 (ситуация, цель)	После глагола в форме причастия прошедшего или настоящего времени, а также причастия на – 던 (ситуация) После глагола в форме причастия будущего времени (цель)
	터 (пространство, место)		터 (ситуация, цель)	После глагола в форме причастия прошедшего или настоящего времени, а также причастия на – 던 (ситуация) После глагола в форме причастия будущего времени (цель)
	판 (место совершения действия)		판 (ситуация)	После глагола в форме причастия прошедшего, настоящего или будущего времени
	지경 (граница)		지경 (ситуация, быть на гране чего-либо)	После глагола в форме причастия прошедшего, настоящего или будущего времени

Таблица 4

СЛУЖЕБНЫЕ ИМЕНА СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРИЧИНЫ

Имя существительное		Служебное имя		Морфосинтаксические ограничения
Общее Значение	Лексическая единица	Новое общее значение	Лексическая единица	
Конкретный объект	바람 (ветер)	Конкретный объект → выражение причины	바람 (причина)	После глагола в форме причастия прошедшего или настоящего времени
	서슬 (острие, кончик)		서슬 (причина)	После глагола в форме причастия прошедшего, настоящего, будущего времени или причастия на – 던
	통 (прохождение)		통 (причина)	После глагола в форме причастия прошедшего или настоящего времени

статье приводятся разные значения данного слова вместе с примерами его употребления в качестве служебного имени. Однако представляется более правильным рассматривать данное слово не просто в качестве многозначного, а проводить разделение на имя существительное и служебное имя, которое не может употребляться в определенных значениях автономно.

길이 막히다[1]. – «На дороге пробки».

그것만이 문제를 해결할 수 있는 유일한 길이다[2]. – «Это единственный способ решить проблему».

학교에 돌아오는 길에 물장난을 하였다[3]. – «По дороге из школы они стали плескаться в воде».

저녁을 먹는 길로 곧 제방으로 돌아가고[4]. – «После ужина он сразу же уходил в свою комнату».

В процессе грамматикализации существительное 길 (*дорога*) приобрело несколько значений, указывающих на абстрактную ситуацию (*способ совершения какого-либо действия*; *совершение одного действия в процессе развертывания другого*; *немедленная смена одного действия другим*). Процесс семантического расширения сопровождался потерей автономности: в новом значении слово 길 не является автономным и употребляется после причастной формы глагола.

4. Переход от конкретного объекта к выражению причины

В данном случае произошло семантическое расширение от обозначения конкретного предмета к обозначению причин. К служебным именам данной группы можно отнести 바람, 서슬, 통 и др. В современном корейском языке данные слова используются как знаменательные и как служебные, т. е. функционируют как омонимы (см. табл. 4).

Рассмотрим в качестве примера служебное имя 바람. Существительное 바람 со значением «ветер» в современном корейском языке приобрело новые значения, далекие от первоначального, в том числе произошло образование служебного имени со значением причины.

중부지방에도 바람이 강하게 부는 곳이 있겠으니...[5] – «В центральном районе ожидается усиление ветра».

해방 후 서구화의 바람이 휘몰아쳤다.[6] – «После освобождения началось движение по вестернизации».

이웃집 남자와 바람이 났다.[7] – «Изменила с соседом».

어제는 눈이 오는 바람에 길이 미끄러웠다.[8] – «Вчера из-за того, что выпал снег, на дорогах было скользко».

잠옷 바람으로 뛰어나가다.[9] – «Выбежать в одной пижаме».

Существительное 바람 в современном корейском языке стало многозначным. Помимо первоначального значения «ветер», появились новые значения, например, «измена», «мода, тенденция» и др. с сохранением автономности лексической единицы. Таким образом, произошло семантическое расширение от обозначения конкретного явления живой природы «ветра» к более абстрактным понятиям, придав слову многозначность. Данное движение к повышению степени абстрактности передаваемого понятия придало импульс

[1] URL: https://ko.dict.naver.com/#/main
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] URL: https://m.mk.co.kr/news/society/view/2022/05/426643/
[6] URL: https://ko.dict.naver.com/#/main
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] Там же.

грамматикализации: появлению нового более абстрактного значения (выражение причины, выражение значения «в одном, только») и образованию служебного имени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основным механизмом образования служебных имен корейского языка от существительного является смысловое расширение, семантическая генерализация, приобретение абстрактного значения лексической единицей. Семантическое расширение обуславливает дальнейшее возникновение морфосинтаксических ограничений и появление более грамматикализованной единицы. Большая степень абстрактности выражаемого значения и большее удаление от первоначального значения знаменательной лексической единицы сопровождаются повышением степени грамматикализации.

Появление новых значений может идти по-разному. Приобретение новых смыслов, связанных с первоначальным значением лексической единицы, делает слово многозначным. В свою очередь, появление новых абстрактных значений, связь которых с первоначальным значением новой лексической единицы трудно установить, приводит к образованию омонима, т. е. появлению служебного имени. Помимо изменения смысла значимым фактором является утрата или уменьшение степени автономности лексической единицы, появление морфосинтаксических ограничений в ее употреблении в предложении.

Генерализация смысловых значений при образовании служебных имен от существительных может проходить по целому ряду направлений.

1) Переход от пространственного значения к временному. В данном случае происходит образование служебного имени с абстрактным значением времени от существительного, обозначающего конкретное физическое местоположение (например, 녘, 동안, 즈음);
2) Переход от конкретного к абстрактному объекту. К служебным именам данного типа можно отнести 노릇, 모양, 마련, 바, 법, 리, 셈, 수, 양, 턱, 폭, 품;
3) Переход от обозначения конкретного объекта к абстрактной ситуации, психологическому состоянию. К служебным именам данного типа можно отнести 길, 김, 지경, 노릇, 차, 참, 섟, 터, 판;
4) Переход от обозначения конкретного объекта к абстрактному значению причины. К служебным именам данного типа можно отнести 바람, 서슬, 통.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Meillet A. Linguistique Historique et Linguistique Générale. Paris: Edouard Champion, 1948.
2. Kuryłowicz J. The evolution of grammatical categories // Coseriu. Esquisses Linguistiques II. Munich: Fink, 1965. P. 38–54.
3. 이병모 현대국어 의존명사의 형태론적 연구: 경상대학교 박사학위논문, 1995 = Ли Бёнмо. Морфологические особенности служебных имен современного корейского языка: дис. … канд. филол. наук. Университет Кёнсан, 1995. (На кор.)
4. 고영근 현대국어의 준자립형식에 대한 연구: 형식명사를 중심으로 // 어학연구. 1970. № 6-1, P. 17–55. = Ко Ёнгын. Изучение служебных частей речи современного корейского языка: на примере служебных имен // Лингвистические исследования. 1970. № 6-1. P. 17–55. (На кор.)
5. 권재일 현대 국어의 의존명사 연구 // 천시권박사 화갑기념 국어학논총. 서울: 형석출판사, 1985. = Квон Чеиль. Изучение служебных имен современного корейского языка : сборник трудов, посвященных юбилею профессора Чхон Сиквон. Сеул: Хёнсок чхульпханса. (На кор.)
6. 이주행 한국어 의존명사의 통시적 연구. 서울: 한샘, 1988. = Ли Чухэн. Синтаксическое исследование служебных имен корейского языка. Сеул: Хансэм, 1998. (На кор.)

REFERENCES

1. Meillet, A. (1948). Linguistique Historique et Linguistique Générale. Paris: Edouard Champion.
2. Kuryłowicz, J. (1965). The evolution of grammatical categories. Coseriu. Esquisses Linguistiques II (pp. P. 38–54). Munich: Fink.

3. 이병모 (1995). 현대국어 의존명사의 형태론적 연구: 경상대학교 박사학위논문. = Lee Byeong Mo (1995). Morphlogical research of the modern Korean language bound nouns: PhD in Philology. Gyeongsang National University. (In Korean)
4. 고영근 (1970). 현대국어의 준자립형식에 대한 연구: 형식명사를 중심으로. 어학연구, 6-1, 17–55. = Ko Yung Keun (1970). A study on the semi-free forms in modern Korean – With emphasis on bound nouns. Language Research, 6-1, 17–55. (In Korean)
5. 권재일 (1985). 현대 국어의 의존명사 연구. Cheon Sikwon. 천시권박사 화갑기념 국어학논총. 서울: 형석출판사. = Kwon Jaeil. (1985). Study of the bound nouns of the Modern Korean language. Journal of Korean language. Seoul: Hyeongseok chulpansa. (In Korean)
6. 이주행 (1998).한국어 의존명사의 통시적 연구. 서울: 한샘. = Lee Ju Haeung (1998). Syntactic research on Korean bounded nouns. Seoul: Hansaem. (In Korean)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мозоль Татьяна Сергеевна
кандидат педагогических наук, доцент,
заведующая кафедрой восточных языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mozol Tatiana Sergeevna
PhD (Pedagogy), Associate Professor,
Head at the Department of Oriental Languages, Faculty of Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 30.04.2022
одобрена после рецензирования 15.05.2022
принята к публикации 10.09.2022

The article was submitted 30.04.2022
approved after reviewing 15.05.2022
accepted for publication 10.09.2022

Научная статья
УДК 811.134.3
DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_58

Работа переводчика португальского языка с медиатекстами, содержащими средства речевой манипуляции

А. Г. Лешин[1], К. К. Нечаева[2], А. А. Любяницкая[3]

[1,2,3]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*alexandre.leshin@linguanet.ru*
[2]*nechaeva.ksk@mail.ru*
[3]*alina.l.96@list.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности работы переводчика с текстами, потенциально созданными в целях речевой манипуляции и содержащими выражения, которые могут быть расценены как средства речевой агрессии; дается теоретическое обоснование для классификации этих средств. Особое значение проблемы распознавания речевого манипулирования и интерпретации средств речевой агрессии приобретают в условиях обострения международных отношений.

Ключевые слова: речевая манипуляция, речевая агрессия, информационное противостояние, мониторинг СМИ, военно-политический дискурс, военный дискурс

Для цитирования: Лешин А. Г., Нечаева К. К., Любяницкая А. А. Работа переводчика португальского языка с медиатекстами, содержащими средства речевой манипуляции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 12 (867). С. 58–66. DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_58

Original article

Particularities of the Work of a Portuguese-Russian Translator-Interpreter with Texts Containing Speech Manipulation

Alexandre G. Leshin[1], Kseniia K. Nechaeva[2], Alina A. Liubianitskaia[3]

[1,2,3]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[1]*alexandre.leshin@linguanet.ru*
[2]*nechaeva.ksk@mail.ru*
[3]*alina.l.96@list.ru*

Abstract. The article treats some features of translator-interpreter work with texts potentially created for the purpose of speech manipulation and containing expressions that can be regarded as means of verbal aggression; a theoretical justification for the classification of these means is provided. The problem of recognizing speech manipulation and interpreting the means of speech aggression is of particular importance in the context of aggravated international relations.

Keywords: speech manipulation, speech aggression, information confrontation, media monitoring, military and political discourse, military discourse

For citation: Leshin, A. G., Nechaeva, K. K., Liubianitskaia, A. A. (2022). Particularities of the Work of a Portuguese-Russian Translator-Interpreter with Texts Containing Speech Manipulation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(867), 58–66. 10.52070/2542-2197_2022_12_867_58

ВВЕДЕНИЕ

В интервью, данном 1 марта 2022 года новостному агентству «Си Эн Эн Бразилия» (CNN Brasil), преподаватель высшей военной школы Сухопутных войск Бразилии Тассио Франки заявляет: «Сегодня можно найти много информации, но вовсе не обязательно, что эта информация превратится в знание»[1] (пер. наш. – *А. Л., К. Н., А. Л.*). Это утверждение представителя Бразилии – страны, находящейся вдали от текущих крупномасштабных конфликтов, – отражает очевидный факт: вербальная информация, оформленная на естественных языках, больше не является неоспоримой основой знания – когнитивного материала для принятия ответственных упреждающих решений.

Первичная обработка изложенных в тексте разрозненных сведений по-прежнему позволяет извлечь из набора фактов объективной реальности ценные данные. Критическое мышление и определенные упорядочивающие процедуры превращают данные в информацию. Но в условиях роста международной напряженности и интенсификации информационной борьбы информация подвергается манипулятивным преобразованиям для изменения знания реципиента и, в конечном итоге, принятия им решений, выгодных для автора манипуляции. Наглядный пример – коммерческая реклама, целью которой является повышение спроса на определенный товар.

Манипуляция информацией в сфере международной, внутренней и военной политики может представлять собой угрозу целостности и существованию субъектов политики, против которых она направлена. Такие манипуляции получают всё более широкое распространение как средство гибридного противостояния в сочетании с военными, финансовыми экономическими, дипломатическими, кибернетическими средствами политической борьбы. Есть основания утверждать, что манипулирование информацией достигло пиковых показателей в текущем году при освещении событий на Украине. Этим объясняется актуальность настоящего исследования.

При этом изучение проблем манипуляции информацией, в частности речевого манипулирования и применения средств речевой агрессии не является новой темой в лингвистике и теории коммуникации. Данному спектру вопросов посвящены исследования С. Г. Кара-Мурзы, Г. А. Копниной, А. П. Сковородникова, Е. Н. Елиной, Л. И. Кузнецовой, А. А. Бернацкой, А. В. Колмогоровой, И. В. Евсеевой, Н. Н. Кошкаровой, О. Н. Кушнир, Н. Н. Ромашова. К проблеме речевой агрессии и вербальной манипуляции в бразильском медиадискурсе, например, обращалась Е. С. Николаева [Николаева, 2018].

Представляется возможным выделить пока еще мало освещенный в научной литературе практический аспект вышеозначенной проблемы – роль и особенности работы переводчика с текстами, в которых используются приемы вербальной манипуляции и речевой агрессии. В связи с этим задачами данного исследования являются: уточнение теоретических основ работы переводчика с подобными текстами, норм и правил работы переводчика с текстами манипулятивного характера в военном и военно-политическом дискурсе. Целью статьи является выдвижение гипотез об особенностях перевода актов вербальной манипуляции и, в частности, речевой агрессии на материалах бразильских СМИ. С методической точки зрения авторы на теоретическом уровне используют в данном герменевтическом исследовании совокупность лингвистических средств, позволяющих повысить качество интерпретации смыслов текстовой информации. Основным эмпирическим методом стало изучение источников.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Еще недавно обработка текстовой информации на естественных языках для превращения ее в знание заключалась в избавлении от не несущих смысловой нагрузки фраз и предложений. Однако на современном этапе получение из информации знания – это, в первую очередь, избавление от авторской интерпретации, распутывание запутанного клубка слов и смыслов, которые умышленно или случайно закладываются автором в текст, целенаправленно или спонтанно влияют на знания потребителя информации – реципиента текста.

Подобный сдвиг прослеживается для информационного поля, формируемого на большинстве естественных языков, на которых создаются официальные текстовые документы, ведется обмен информацией через традиционные, электронные и новейшие СМИ, происходит устное или письменное обсуждение информации в формальной и неформальной обстановке. То есть данный процесс касается не только текстового, но и дискурсивного мира, если рассматривать два этих явления, например, в рамках соответствующей теории С. Л. Кушнерук [Кушнерук, 2011; Кушнерук, 2012].

[1] URL: https://www.cnnbrasil.com.br/internacional/guerra-entre-russia-e-ucrania-e-informacional-afirma-especialista/

Вероятно, описываемый сдвиг обусловлен несколькими связанными причинно-следственной связью факторами: развитием электронных и появление новейших СМИ; глобализацией информационных процессов; ускорением процессов порождения и обмена информацией → резким ростом числа авторов текстов в массовой коммуникации → экспоненциальным ростом числа текстов в массовой коммуникации → ростом числа отдельных ментальных репрезентаций, представленных в «дискурсивном мире» в результате увеличения количества текстов в «текстовом мире» [Кубрякова, 2001] → чрезмерным доверием простых пользователей открытой информации, мнению авторов в «текстовом мире» как результатом ограниченности когнитивных возможностей отдельного человека по применению аппарата критического мышления ко всему объему свободно циркулирующей текстовой информации → подменой ментальных репрезентаций реципиента ментальной репрезентацией авторов текстов или прямых участников дискурса в «дискурсивном мире».

ВОЗМОЖНОСТИ БРАЗИЛЬСКОГО ВАРИАНТА ПОРТУГАЛЬСКОГО ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Участники медиадискурса как социолингвистического явления, охватывающего наибольшую аудиторию, осознают возникшие в результате описываемого сдвига возможности влияния интерпретации смыслов и используют этот сдвиг в проекции собственных ментальных репрезентаций на реципиентов. Для этого заинтересованные в достижении собственных политических, экономических и военных целей участники медиадискурса самостоятельно либо через отдельных авторов порождают новые тексты, в которых интенсивно используются средства речевой манипуляции на естественных языках. Они оказывают сильное влияние на общественное мнение в местном, региональном и глобальном масштабах.

Одним из естественных языков, способных оказывать влияние на общественное мнение в глобальном масштабе, является португальский язык, в особенности его бразильский вариант. В Бразилии по данным переписи 2021 года[1] проживает 213 млн человек – 2,8 % всего населения мира и самое большое количество людей, говорящих на португальском языке. Эти числа имеют международную, внешнеполитическую проекцию: в 2022 году Бразилия в 11-й раз вошла в состав Совета Безопасности ООН (СБ ООН) в качестве непостоянного члена. При этом необходимо учитывать, что Генеральным секретарем ООН также является носитель португальского языка. Перечисленные выше факты подтверждают важность формируемого в португалоязычном «текстовом и дискурсивном мирах» общественного мнения по международным проблемам.

Национальный вариант португальского языка выступает в роли решающего инструмента в формировании общественного мнения бразильцев по международным, внутриполитическим, военно-политическим и военным вопросам посредством медиадискурса и представленных в нем текстов. На португальский язык также переводится большое количество текстов, несущих в себе авторские ментальные репрезентации событий. При прагматически адекватном переводе эти тексты оказывают то же влияние на реципиентов, что и тексты, созданные на португальском языке изначально.

ГРАНИЦЫ БРАЗИЛЬСКОГО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО И ВОЕННОГО МЕДИАДИСКУРСА

В рамках данного исследования под медиадискурсом предлагается понимать совокупность продуктов и процессов в массовой коммуникации, то есть текстов вместе с другими компонентами коммуникации – экстралингвистическими факторами, среди которых факторы автора текста, получателя сообщения, обратной связи, культурообусловленных способов кодирования и декодирования, социально-исторический и политико-идеологический контекст являются основными [Добросклонская, 2006].

Для определения рамок военно-политического и военного медиадискурсов предлагается обратиться к понятиям военно-политической и стратегической обстановок. Военно-политическая обстановка (ВПО) – это совокупность военно-политических отношений субъектов политики и их военных организаций, характеризующаяся уровнем угроз использования и реальным использованием средств вооруженного насилия [Марков, 2005]. В то же время ВПО – это стадия развития отношений между военно-политическими субъектами, которая несет в себе элементы политических средств и средств вооруженного насилия и описывается принципом «ни мира, ни войны» [Махонин, 2011]. В соответствии с данным определением под военно-политическим медиадискурсом целесообразно понимать такой дискурс, в котором главной

[1] URL: https://www.ibge.gov.br/cidades-e-estados

темой текстов и основным фоном других компонентов коммуникации выступают международные, внутриполитические и экономические проблемы, для решения которых субъекты политики и их военные организации (военно-политические силы) могут использовать или уже используют средства вооруженной борьбы, однако не ведут военные действия.

Стратегическая обстановка характеризует военный конфликт (войну, вооруженный конфликт, военный инцидент и т. д.) и описывает конкретные условия ведения военных действий, процессы в военной политике государства, определенное состояние общества и условия для реализации силовых средств государства [Подберезкин, 2015]. В соответствии с этими идеями под военным медиадискурсом следует понимать такой дискурс, в котором главной темой текстов и основным фоном других компонентов коммуникации выступают международные, внутриполитические и экономические проблемы, в ходе решения которых ведутся военные действия, а также боевая, учебно-боевая и служебная деятельность военных организаций субъектов политики.

Бразильский военно-политический и военный медиадискурс после окончания Второй Мировой войны формировался преимущественно на темах, касающихся самой страны и отношений с ее соседями по Южной Америке, и может быть рассмотрен в контексте широкого спектра событий:

- серия восстаний, к подавлению которых привлекались вооруженные силы или военная полиция – в Жакареаканге (1956), Нитерое (1959), Арагарсасе (1959), Каноасе (1961), Рупунуни (Гайана, 1969);
- серия попыток государственных переворотов и реакционных мероприятий, в том числе так называемое «Движение 11 ноября» (1955);
- военный переворот и военная диктатура (1964–1985);
- партизанские войны (герилья) «левых» повстанцев и бразильских коммунистов против вооруженных сил Бразилии (1967–1974) в Треш Пассуш, Капарао и Арагуайе;
- «война лобстеров» («операция “Лангуст”») – военно-политическое противостояние между Бразилией и Францией (1961–1963) из-за континентального шельфа;
- гражданская война и военная интервенция США и Организации Американских Государств в Доминиканскую республику (1965);
- территориальные претензии Уругвая к Бразилии по поводу островов Ринкау ди Артигас и Илья Бразилейра на реке Уругвай;
- совместные мероприятия ВС Бразилии и Колумбии против леворадикальной повстанческой экстремистской группировки «ФАРК» (РВСК-АН);
- борьба с организованной преступностью, торговлей наркотиками и оружием, актами неповиновения и агрессией в трущобах – фавелах – с привлечением вооруженных сил и военной полиции;
- ревизионизм в отношении роли и значения военной диктатуры;
- резкое увеличение количества представителей вооруженных сил в федеральном правительстве и так называемое вмешательство военных в дела исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти при президенте Жаире Болсонару.

Естественно, в медиадискурсе находят отражение и все военно-политические и военные вопросы, происходящие в других регионах мира или имеющие глобальную проекцию, перечисление которых выходит за рамки данного исследования.

КЛАССИФИКАЦИЯ СИТУАЦИЙ ЯЗЫКОВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ И ВОЕННОМ ДИСКУРСЕ

Представляется важным установить характер таксономических отношений между междисциплинарными понятиями «речевая манипуляция» и «речевая агрессия». Под манипуляцией предлагается, вслед за Е. Л. Доценко и Г. А. Копниной, понимать вид психологического воздействия, которое в соответствии с интенцией автора воздействия ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями [Копнина, 2012]. Данное высказывание описывает речевую манипуляцию как не физическое, незаметное объекту и выгодное для манипулятора явление в пределах речевого акта, т. е. двустороннего процесса порождения и восприятия текста.

Речевую агрессию в данном исследовании предлагается понимать как одну из форм проявления манипулятивного поведения и в связи с этим рассматривать ее в контексте американской лингвистической школы. В ее традициях акт речевой агрессии представляется высказыванием, цель которого заключается не в передаче информации, а в провоцировании у слушающего немедленной отрицательной реакции [Nowak, 1986]. Н. А. Купина указывает, что речевая агрессия проявляется в таких речевых действиях, как

наклеивание ярлыков, обыгрывание имени объекта речевой агрессии, нагнетание отталкивающих сравнений и ассоциаций, смакование непривлекательных и неприятных для объекта речевой агрессии деталей, подробностей, обстоятельств и др. [Купина, 2001]. Данное определение подчеркивает, что речевая агрессия осуществляется посредством приемов, которые используются для речевой манипуляции [Навасартян, 2016]. Е. Н. Басовская пишет, что в максимально широкой интерпретации вербальная агрессия – это все виды наступательного, доминирующего речевого поведения, эксплицитно выраженная оппозиционность говорящего по отношению к собеседнику [Басовская, 2004].

Одной из проблем дискурсивного исследования становится определение того, является ли высказывание вербальной агрессией и речевой манипуляцией в целом. Изощренный исследователь с хорошей силой воображения, способный на яркие интерпретации, может рассматривать практически любое высказывание в военно-политическом и военном медиадискурсе как речевую агрессию и попытку манипулировать мнением реципиента информации. Однако это не всегда оправдано. Речевой акт и его продуцент могут быть «ошибочно уличены» в агрессии и манипулятивном поведении. Во избежание ошибок представляется важным вопрос о классификации явлений речевой агрессии и манипуляции. Классификация позволит выявить те не входящие в предложенные выше определения критерии и признаки, на основании которых исследователь может делать заключение об отнесении речевого акта к агрессивным и манипулятивным. Потенциальные случаи манипуляции и использования средств речевой агрессии могут быть классифицированы: по месту в речи – на дискурсивные и текстовые; по повторяемости – на инвариантные в дискурсивном мире, многократные в текстовом мире, ритмичные в текстовом мире (использование приемов манипуляции с определенной частотой в тексте само по себе является формой манипуляции) и одиночные; по степени внешнего проявления – на эксплицитные и имплицитные; по исходному языку – на оригинальные или переводные; по целеполаганию – на преднамеренные, непреднамеренные и ошибочные (например, связанные с ошибками перевода); по достижению цели – на удачные и неудачные.

Потенциальные случаи манипулирования и применения средств речевой агрессии в текстах могут быть классифицированы по модуляции. Предлагается выделять лексические, грамматические, пунктуационные, орфографические, орфоэпические, интонационные, синтаксические и другие модуляции. Термин «модуляция» из области радиосвязи – изменение изначального гармонического колебания, не несущего смыслового содержания сигнала при помощи добавления к нему информативного сигнала – в данном случае лучше отражает суть речевой манипуляции, чем более привычный филологам, лингвистам и переводчикам термин «трансформация».

Для случаев манипулирования и речевой агрессии в дискурсе основанием для классификации может стать отнесение их к стратегиям и тактикам манипулирования.

Необходимо отметить, что подобная классификация может быть полезной для анализа текстов и дискурсов, не относящихся к военно-политической и военной тематике.

АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ СЛУЧАЕВ РЕЧЕВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ И РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В БРАЗИЛЬСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ И ВАРИАНТЫ ИХ ПЕРЕВОДА

Прагматическая задача перевода в работе с текстами современного медиадискурса является одной из наиболее важных. Одна из ситуаций, когда прагматически верный перевод на основе анализа текста и дискурса является принципиально важным, – это информационное обеспечение и обеспечение информационной безопасности деятельности государственных органов, и мониторинг СМИ на иностранных языках [Лешин, Рулькова, Фахретдинова, 2021]. При этом прагматически точный перевод актов речевой агрессии и языковых манипуляций представляет собой большой теоретический и практический интерес.

Серьезной проблемой представляется определение преднамеренности речевой манипуляции и использования речевой агрессии. Особо сложными для распознавания являются случаи с неочевидной сигнатурой (заметностью) – случаи имплицитной речевой агрессии. В то же время, такие случаи могут представлять первоочередную важность для переводчика – специалиста в сфере обеспечения информационной безопасности. Наиболее простыми для распознавания являются случаи с лексической модуляцией, когда для речевой агрессии используются слова и словосочетания, создающие намеки на агрессию, а также с пунктуационной модуляцией, при которой смысл слова искажается при помощи кавычек.

Более сложными представляются случаи с грамматической, орфографической, модуляциями. Самыми сложными, вероятно, являются случаи со стилистической или текстовой модуляцией, в которых речевая агрессия может быть замечена

внимательным исследователем в грамматических конструкциях или особом построении всего текста. При этом исследователь не может утверждать наверняка, что предполагаемый случай речевой агрессии на самом деле является таковым, если он знаком только с отдельным текстом, но при этом не знаком с фоновыми обстоятельствами, позицией данного конкретного автора (и даже издания), дискурсивным контекстом.

В рамках данного исследования рассмотрим несколько примеров текстов, содержащих приемы манипуляции и, в частности, речевой агрессии с разными модуляциями и наиболее высокой степенью сигнатуры, чтобы в дальнейшем обратиться к менее явным и заметным случаям:

(1) Entre 1964 e 1968, eles ***mandaram embora*** milhares de militares, inclusive de altas patentes. Quem não defendia essa visão era ***defenestrado***. Quem está lá até hoje são as pessoas que defendem isso ... como é a (visão) de Bolsonaro. Ouvi muito que o Brasil iria se transformar em uma imensa Cuba. Acho que ***incutiram*** isso na cabeça.[1] – «С 1964 по 1968 годы из вооруженных сил ***выгнали*** тысячи военных, в том числе с высших должностей. Тех, кто не поддерживал эту точку зрения (коммунизм является угрозой для Бразилии. – *прим. переводчика*), ***просто выбрасывали на улицу***. И до сегодняшнего дня там (в ВС Бразилии – *прим. переводчика*) продолжают оставаться люди, отстаивающие такую точку зрения. Ее же поддерживает и президент Болсонару. Я часто слышала, что Бразилия может превратиться в огромную Кубу. Я думаю, эту *идею* ***вдолбили в голову***»[2] (*перевод авторов*).

Приведенное выше высказывание бразильского прокурора Эужении Гонзага представляется целесообразным назвать примером повторяющейся в дискурсивном мире, ритмичной на текстовом уровне преднамеренной непереводной речевой манипуляции посредством имплицитной вербальной агрессии с лексической модуляцией и достаточно высокой степенью сигнатуры. Информационным фоном для появления такого высказывания является возобновление антикоммунистических высказываний представителей высших эшелонов власти в Бразилии на фоне призывов к вмешательству военных в разрешение кризиса власти в Бразилии в 2020–2021 годах, напоминающих риторику, предшествующую установлению военной диктатуры 1964–1985 годов в этой стране. Коммуникативной ситуацией данного дискурса является интервью женщины-прокурора оппозиционному по отношению к президенту страны изданию. Манипулятивная интенция заключается в пейоризации образа представителей вооруженных сил Бразилии, поддерживающих необходимость вмешательства этого института в политический кризис, в том числе верховного главнокомандующего. Тактика речевой агрессии заключается в использовании слов, не характерных ни для публицистического, ни для разговорного стилей речи (*defenestrar – выбрасывать в окно; incutir na cabeça – вдолбить / вбить / втесать в голову*). Данный речевой принцип определяет лексическую модуляцию манипулятивного приема. Повторяемость в дискурсивном мире заключается в воспроизводстве интенции в дискурсе оппозиционеров президенту Бразилии. Ритмичность на текстовом уровне – в повторе средств речевой агрессии с определенной периодичностью в тексте опубликованного материала. Достаточно высокая заметность речевой агрессии в данном высказывании, несмотря на имплицитность используемых средств, вынуждает признать высказывание манипулятивным только на уровне дискурса – на уровне текста интенция автора слишком очевидна.

(2) Parte dos apoiadores de Bolsonaro compartilham mensagens defendendo a cassação dos ministros do STF e o fechamento do Congresso, inclusive ***propondo ações violentas*** no dia 7 de setembro, enquanto outros repudiam esses discursos e reforçam que os atos devem ser pacíficos e trazer a bandeira da "***liberdade***" em contraponto ao que veem como investigações autoritárias ... do Supremo contra aliados do presidente.[3] – «Некоторые сторонники Болсонару пересылают друг другу сообщения, в которых говорят о необходимости роспуска Федерального верховного суда, закрытии Конгресса и призывают совершать акты насилия 7 сентября. В то же время другие отказываются участвовать в подобных обсуждениях и настаивают на проведении мирных акций, которые проходили бы под знаменем «***свободы***» / ***так называемой свободы***, которая противопоставляется, на их взгляд, расследованиям авторитарного верховного суда против сторонников президента».

Данный фрагмент из материала Марианны Шрайбер, португалоговорящего корреспондента

[1] URL: https://noticias.uol.com.br/politica/ultimas-noticias/2019/10/01/brasil-esteve-a-beira-do-comunismo-nos-anos-1960-historia-nao-mostra-isso.htm

[2] Зд. и далее перевод наш. – *А. Л., К. Н., А. Л.*

[3] URL: https://www.bbc.com/portuguese/brasil-58468165

бразильского филиала компании «Би-Би-Си» (BBC Brasil) можно считать примером повторяющейся в дискурсивном мире, одиночной на текстовом уровне преднамеренной непереводной речевой манипуляции посредством имплицитной вербальной агрессии с пунктуационной и лексической модуляциями и очень высокой степенью сигнатуры. Информационный фон высказывания – противостояние президента Бразилии и исполнительной власти органам законодательной и судебной власти в ходе политического кризиса в Бразилии в 2020–2021 годах. Коммуникативная ситуация – репортаж журналиста из столицы страны – города Бразилиа, где на 7 сентября 2020 года по случаю Дня независимости страны были намечены и прошли акции в поддержку президента Жаира Болсонару и против представителей Федерального верховного суда. Манипулятивная интенция заключается в дискредитации позиции сторонников президента посредствам пейоризации образа радикально настроенной части «болсонаристов» за счет использования слов с негативной окраской (*ações violentas – насильственные действия*), создания безальтернативной позиции по отношению к более миролюбивым сторонникам президента за счет использования слова «свобода» в кавычках (sob bandeira da *«liberdade» – под знаменем «свободы» / под знаменем так называемой свободы*), в результате чего создается впечатление неправильности и фальшивости их политической позиции, особенно на фоне противопоставления действиям Федерального верховного суда, названным авторитарными, однако с немаловажной оговоркой «на их взгляд» – взгляд сторонников президента. Таким образом, манипулятивный эффект достигается сочетанием мер вербального характера, осознаваемых в контексте.

Перевод приведенных в примерах высказываний на русский язык будет зависеть от поставленных задач. Для информирования руководства о намерениях, мнении, позиции автора или средства массовой информации, об объективности и ангажированности отражения событий, перевод должен быть выполнен с прагматической точностью. При этом переводчик может прибегнуть к некоторым трансформациям для достижения необходимого результата – отражения предполагаемых авторских интенций. Так, в первом примере, глагол *defenestrar* может быть переведен словосочетанием *выставить за дверь* или *выбросить на улицу*. Во втором примере представляется целесообразным раскрыть интенцию употребления автором кавычек при помощи определения *так называемый*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Специалисты когнитивной и социолингвистики, гуманитарии, занимающиеся дискурс-анализом, и переводчики оказываются на передней линии информационного противостояния. Переводчик, работающий в интересах информационного обеспечения, при анализе данного высказывания может делать выводы о позиции автора высказывания, излагающего эту позицию журналиста, издания, в котором материал был опубликован, а также других СМИ, цитирующих этот материал, и даже определенной социальной группы, приверженной конкретному набору средств массовой информации, в том числе по оставляемым в качестве реакции на публикацию комментариям.

Лингвистический и предпереводческий анализ проявлений речевой манипуляции и ее средств представляется важным для достижения целей перевода. При этом необходимо помнить, что переводчик не участвует в создании речевой манипуляции, но перед ним может быть поставлена задача по выявлению вербальных средств манипуляции в тексте на исходном языке. В таком случае, ему предстоит ознакомиться с коммуникативной обстановкой в рамках дискурса, расширив свои экстралингвистические представления о теме текста, проанализировать текст и при необходимости подобрать адекватный вариант перевода использованного продуцентом манипулятивного приема. В этом стремлении переводчик может, но не обязан, прибегать к определенным трансформациям и допущениям, которые могут не удовлетворять требованиям к переводу в классических представлениях.

В некоторых случаях переводчик не может быть уверен в том, сталкивается ли он с актом манипуляции и средством речевой агрессии. Заблуждения могут возникать в связи с неправильной интерпретацией выбранных автором текста на исходном языке речевых средств или непреднамеренной ошибкой автора текста. Такие случаи представляют интерес для анализа в отдельном исследовании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Николаева Е. С. Средства речевой агрессии в выступлениях бразильских политиков (на материале теле дебатов) // Древняя и Новая Романия. 2018. Вып. 21. С. 151–160. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=35077701

2. Кушнерук С. Л. Теория текстовых миров как исследовательская программа в рамках когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1. С. 45–51.
3. Кушнерук С. Л. Дискурсивный и текстовый миры: возможности уровневой стратификации дискурс // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 93–102.
4. Кубрякова Е. С. О связях когнитивной науки с семиотикой // Язык и культура: факты и ценности: к 70-летию Ю. С. Степанова: сборник статей. 2001. С. 283–291.
5. Добросклонская Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2006. № 2. С. 20–33
6. Марков Н. Д. Факторы формирования военно-политической обстановки в мире в первой половине XXI века // Зарубежное военное обозрение. 2005. №1. С. 2–8.
7. Махонин В. А. К вопросу о понятии «Военно-политическая обстановка» // Военная мысль. 2011. № 4. С. 3–10.
8. Подберезкин А. И. Стратегическая обстановка в XXI веке и информационная война против правящей элиты с целью искажения системы ценностей и национальных интересов // Центр военно-политических исследований. 31.08.2015. URL: http://eurasian-defence.ru/?q=node/34310&
9. Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учеб. пособие. 4-е изд., испр. М.: Флинта, 2012.
10. Nowak J. Constitutional law. St. Paul, MN: West, 1986.
11. Купина Н. А. Лингвокультурологические проблемы толерантности // Толерантность в современной цивилизации: материалы международной конференции. 2001. С. 50–69.
12. Навасартян Л. Г. «Наклеивание ярлыков» как один из приемов манипуляции информацией в СМИ // Известия Саратовского университета. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 459–463.
13. Басовская Е. Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 257–263.
14. Лешин А. Г. Рулькова С.М., Фахретдинова Э.А. Роль переводчика при мониторинге зарубежных СМИ в интересах информационного обеспечения органов государственной власти // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 5 (847). С. 95–103.

REFERENCES

1. Nikolaeva, E. S. (2018). Means of verbal aggression in the speeches of Brazilian politicians (on the material of the TV debates). Drevnjaja i Novaja Romanija, 21, 151–160. https://elibrary.ru/item.asp?id=35077701 (in Russ.).
2. Kushneruk, S. L. (2011). Text world theory as a research program of cognitive linguistics. Issues of cognitive linguistics, 1, 45–51. (In Russ.)
3. Kushneruk, S. L. (2012). Diskursivnyj i tekstovyj miry: vozmozhnosti urovnevoj stratifikacii diskurs = Discoursive and text worlds: possibilities of level stratification of discourse Politicheskaja lingvistika, 2(40), 93–102. (In Russ.)
4. Kubrjakova, E. S. (2001). O svjazjah kognitivnoj nauki s semiotikoj = On the connections of cognitive science with semiotics. Jazyk i kul'tura: fakty i cennosti: k 70-letiju Ju. S. Stepanova (pp. 283–291): the digest of articles. (In Russ.)
5. Dobrosklonskaja, T. G. (2006). Mediadiskurs kak ob#ekt lingvistiki i mezhkul'turnoj kommunikacii = Media discourse as an object of linguistics and intercultural communication. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10. Zhurnalistika, 2, 20–33 (In Russ.)
6. Markov, N. D. (2005). Markov N. D. Faktory formirovanija voenno-politicheskoj obstanovki v mire v pervoj polovine HHI veka = Factors in the Formation of the Military-Political Situation in the World in the First Half of the 21st Century. Zarubezhnoe voennoe obozrenie, 1, 2–8. (In Russ.)
7. Makhonin, V. A. (2011). Mahonin V. A. K voprosu o ponjatii «Voenno-politicheskaja obstanovka» = To the question of the concept of "military-political environment". Voennaya my'sl', 4, 3–10. (In Russ.)
8. Podberezkin, A. I. (2015, August 31). Strategicheskaja obstanovka v XXI veke i informacionnaja vojna protiv pravjashhej jelity s cel'ju iskazhenija sistemy cennostej i nacional'nyh interesov = The strategic environment in the XXI century and the information war against the ruling elite in order to distort the system of values and national interests. Centr voenno-politicheskih issledovanij. http://eurasian-defence.ru/?q=node/34310& (In Russ.)
9. Kopnina, G. A. (2012). Rechevoe manipulirovanie = Speech manipulation: textbook. 4th ed., rev. Moscow: Flinta. (In Russ.)
10. Nowak, J. (1986). Constitutional law. St. Paul, MN: West.
11. Kupina, N. A. (2002). Lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti = Linguistic and cultural problems of tolerance. Tolerantnost' v sovremennoj civilizacii (pp. 50–69): The digest of article of international conference. (In Russ.)

12. Navasartyan, L. G. (2016). Labeling as one of the methods of information manipulation in the media. News of Saratov University. Philology. Journalism, 16, 4, 459–463. (In Russ.)
13. Basovskaya, E. N. (2004). Tvorcy cherno-beloj real'nosti: o verbal'noj agressii v sredstvah massovoj informacii = Creators of black and white reality: about verbal aggression in the media. Kritika i semiotika, 7, 257–263. (In Russ.)
14. Leshin, A. G., Rulkova, S. M., Fakhretdinova, E. A. (2021). The role of an interpreter in monitoring foreign media in the interests of information support of public authorities. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(847), 95–103. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лешин Александр Геннадьевич

начальник цикла, старший преподаватель Военного учебного центра
Московского государственного лингвистического университета

Нечаева Ксения Кирилловна

кандидат филологических наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой португальского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

Любяницкая Алина Алексеевна

преподаватель Военного учебного центра
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Leshin Alexandre Gennadievich

Senior Lecturer of the Military Training Centre,
Moscow State Linguistic University

Nechaeva Kseniia Kirillovna

PhD (Philology), Associate Professor,
Acting Head of the Department of the Portuguese Language,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Lyubianitskaya Alina Aleksandrovna

Lecturer of the Military Training Centre,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 06.05.2022
одобрена после рецензирования 29.05.2022
принята к публикации 09.06.2022

The article was submitted 06.05.2022
approved after reviewing 29.05.2022
accepted for publication 09.06.2022

Научная статья
УДК 811.113.4
DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_67

Особенности датской лингвопрагматики как отражение датского менталитета

Д. Б. Никуличева[1,2]

[1]*Институт языкознания РАН, Москва, Россия*
[2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
nikoulitcheva@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние особенностей датского культурного менталитета, отраженных в понятии *dansk fællesskab*, на выражение субъективных лингво-прагматических смыслов грамматическими средствами датского языка. Доказывается, что Дания является малым языковым сообществом с высокой плотностью и устойчивостью социальных связей, в котором закономерно происходит усложнение языковых показателей межличностной коммуникации.

Ключевые слова: датский язык, датская общность, dansk fællesskab, антропоцентрированные смыслы, аналитические маркеры

Для цитирования: Никуличева Д. Б. Особенности датской лингвопрагматики как отражение датского менталитета // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 12 (867). С. 67–73. DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_67

Original article

Danish Linguopragmatics as a Reflection of the Danish Mentality

Dina B. Nikulicheva[1,2]

[1]*Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russia*
[2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
nikoulitcheva@yandex.ru

Abstract. The article discusses how the Danish cultural mentality, reflected in the *dansk fællesskab* concept, influences subjective linguo-pragmatic meanings, expressed by the analytical means of the Danish language. It is argued that Denmark is a small language community with dense social networks, in which naturally increases the complexity of linguistic markers of interpersonal communication.

Keywords: the Danish language, Danish community, dansk fællesskab, anthropocentric meanings, analytical means of expression

For citation: Nikulicheva, D. B. (2022). Danish Linguopragmatics as a Reflection of the Danish Mentality. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(867), 67–73. 10.52070/2542-2197_2022_12_867_67

ВВЕДЕНИЕ

Рубеж XX и XXI века знаменовался возрождением интереса к антропоцентрической проблематике, что определялось действием целого ряда факторов. Принципы антропоцентризма оказываются созвучными современному научному видению роли и места человека в мире и становятся не просто некоторым исходным пунктом исследований, но также влияют на возникновение новых научных методов.

Антропоцентрический подход понимается нами в русле идей Ю. С. Степанова, писавшего во вступительной статье к изданию «Общей лингвистики» Э. Бенвениста о том, что: «язык создан по мерке человека, этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться» [цит. по: Бенвенист, 1974, с. 15]. Отмеченный Ю. С. Степановым «человеческий масштаб» в организации языка предполагает и наличие языковых средств, обслуживающих ориентацию человека в окружающем его мире и в коммуникативной ситуации. Проявление этих средств в грамматической системе датского языка является предметом нашего исследования в рамках проекта «Антропоцентрическая грамматика датского языка».

Данная статья задумана в социолингвистическом ключе. Цель статьи – показать, как особенности датского культурного менталитета согласуются с нюансами грамматических смыслов, заложенных в датском языке. Они, в свою очередь, связаны с коммуникативными установками адресата и адресанта сообщения, которые взаимодействуют в системе субъектно-объектных отношений и сосуществуют по антропному принципу.

Для исследователя, избравшего антропоцентрический ракурс описания, датский язык представляет благодатное поле деятельности в силу во многом уникального сочетания ряда и экстралингвистических и внутриструктурных факторов.

МАЛОЕ СООБЩЕСТВО С ПЛОТНОЙ СЕТЬЮ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

По меткой характеристике сэра Джеймса Мэллона, бывшего посла Великобритании в Дании (1983–1986), «датчане – это не нация, датчане – это племя; и в этом сила их общности и объяснение того, насколько незыблемо они полагаются друг на друга. У племени есть внутренняя сила, есть гомогенность в той степени, какой никогда не достичь нации, и именно это племенное чувство полностью определяет то, как датчане воспринимают окружающий их мир».[1] – «Danskerne er ikke en nation, de er en stamme; det er styrken i deres fællesskab og grunden til, at de stoler urokkeligt på hinanden. En stamme har en indre styrke, er homogen i en grad en nation aldrig kan nå, og netop stammefølelsen er altafgørende for danskernes syn på verden omkring dem». Эту цитату приводит в качестве эпиграфа к своей книге «Den danske stamme – en befolkningshistorie» датский социолог Ханс Корнё-Расмуссен [Цит. по: Kornø-Rasmussen, 2008].

Исследователь отмечает, что вплоть до 1950 года Дания оставалась, как в религиозном, так и в культурном отношении, экстремально гомогенным обществом (ekstremt homogent samfund). Иностранцами в Дании, по большому счету, были немцы и жители других скандинавских стран. И только с 70-х годов прошлого века Дания «превращается в страну иммиграции». Но, несмотря на это, а возможно, и в связи с этим, понятие *dansk fællesskab* «датская общность», «датское единство», «датская социальная сплоченность», отмеченное Джеймсом Мэллоном, и до наших дней остается одним из ключевых концептов датской культуры.

Именно понятие *historisk-folkeligt-nationalt fællesskab* стало одним из ключевых для философской концепции Н. Ф. С. Грундтвига, который, по признанию датских исследователей, во многом заложил идейные основы современного датского менталитета [Litteraturhåndbogen, 1995, с. 156].

Понятие *fællesskab* является важной составной частью коллективного позитивного имиджа, активно поддерживаемого датскими политиками и датскими СМИ. Наглядным примером явилась реакция датских СМИ на инцидент на Чемпионате Европы по футболу 2021 года, когда игрок датской команды Кристиан Эриксен потерял сознание во время матча. Сплоченные действия датской команды вызвали позитивный отклик во всем мире, но, как пишет Ю. М. Авакова в статье, посвященной политическому разбору данного инцидента, «интерес к данной теме подогревался СМИ и другими субъектами на протяжении нескольких месяцев» [Авакова, 2021, с. 31], поскольку способствовал продвижению позитивного образа Дании в окружающем мире, как общества, для которого характерны *единение, сплоченность и коллективизм*. Именно так, разбирая множество посвященных этой теме датских публикаций, она переводит постоянно фигурирующее в них слово *fællesskab:* «...у игроков присутствуют черты, которые, в понимании Юльманна "характерны для датчан" (dansk særkende). Это "*единение*, желание учиться новому и доверие"

[1] Здесь и далее перевод наш. – *Д. Н.*

(*fællesskab*, lærevillighed og tillid). <…> Иностранцы отмечают в игре датчан "солидарность и *коллективизм*" (kollektive præsentation og *fællesskab*). <…> Бренд-менеджер и консультант в области коммуникаций Ханне Фельдтхус утверждает, что действия сборной "создали привлекательный образ Дании в глазах всего мира" (har givet et fantastisk billede af Danmark til hele verden). В нем присутствуют "человеколюбие, забота, отзывчивость, *единение*, солидарность и товарищеский дух" (medmenneskelighed, omsorg, betænksomhed, *fællesskab*, solidaritet og godt kammeratskab)» [Авакова, 2021, с. 35] (цитаты из статьи [Karkov, 2021]).

Позитивные коннотации, сопровождающие слово *fællesskab,* являются неотъемлемой частью датской «политики мягкой силы», определяемой как «возможность получить желаемое за счет привлекательности, а не посредством принуждения или финансовых вливаний» [Nye 2004, IX. Цит. по: Авакова, 2021, с. 28].

Предпринятый нами анализ контекстов употребления словосочетания *dansk fællesskab* в Корпусе современного датского языка[1] свидетельствует о том, что *dansk fællesskab*:

– это «очень датское» понятие:

Dansk fællesskab. Dannebrog vajer over fælleshuset midt i den nye bebyggelse, som er *meget dansk* i sin stil, både når det gælder arkitekturen og andels-boligtanken.[2] – «Датская общность. Даннеброг (датский флаг) развевается над зданием общественного центра посреди новых домов, *очень датских* по стилю, как с точки зрения архитектуры, так и с точки зрения концепции кооперативного жилья».

– игнорирование *dansk fællesskab* порицается в обществе:

Det er, som om Socialdemokratiet er stivnet i " Internationale " og røde faner og er havnet på et sidespor: De store visioner og fremsyn er gået fløjten, og ledelsen er blevet en flok vatnisser hvis eneste mål er at vælte den siddende regering, og selv det tarveligste skyts kan anvendes, hvilket tydeligst sås den 1. maj hvor den tidligere statsminister og øvrige trosfæller benyttede lejligheden til at tømme skraldespanden. Respekten for Danmark er dalet betydeligt i udlandet på trods af regeringens bestræbelser. Mon ikke *partiet på længere sigt har sat sig uden for det danske fællesskab*, *og straffen venter forude*.[3] – «Похоже, что социал-демократическая партия закоснела в своем пристрастии к «Интернационалу» и красным знаменам и оказалась на обочине. Великие устремления и предвидение пошли насмарку, и руководство превратилось в кучку кукольных гномов, единственная цель которых – свергнуть действующее правительство, и можно использовать даже самое безвкусное оружие, что наиболее ярко проявилось 1-го мая, когда бывший премьер-министр и другие единоверцы воспользовались возможностью, чтобы вынести мусор. Уважение к Дании за рубежом значительно снизилось, несмотря на усилия правительства. Неужто и правда, партия *поставила себя вне датской общности, и ее ждет наказание*».

– даже тот, кто ставит *dansk fællesskab* под сомнение, признает, что у этого понятия есть общие для всех датчан составляющие:

Det danske kulturelle fællesskab formuleres gennem en række myter, som vor moderne mediekultur uophørligt producerer, for i virkeligheden er det det eneste, der *holder os sammen som nation*: *Danske triumfer inden for Tour de France, herrefodbold og kvindehåndbold; ved filmfestivals og modemesser, Peter Høegs romaners succes, danske topmodeller o.s.v.* Alt kan bruges til at højne *vores selvværd som danskere*, og tilsyneladende er der ingen grænser for vores konsum af selvbekræftende myter, som medierne kappes om at producere, og som de sælger med store fortjenester.[4] – «Датская культурная общность сформирована рядом мифов, которые постоянно порождаются нашей современной медиа-культурой, потому что, на самом деле, это единственное, что *объединяет нас как нацию*: *победы Дании на Тур де Франс, мужском футболе и женском гандболе; на кинофестивалях и ярмарках мод, успех романов Питера Хёга, датские топ-модели и т. д.* Все это можно использовать для *повышения нашей самооценки как датчан*, и, по-видимому, нет никаких ограничений для нашего потребления самоутверждающих мифов, за создание которых конкурируют СМИ, и которые они продают с большой прибылью».

– важнейшей составляющей *dansk fællesskab* является язык:

Sproget rummer vores allervigtigste identitet, og det er *sproget, der giver os et fællesskab*. Det er en ulykkelig misforståelse at tro, at vi kan erstatte denne danske identitet og sproglige fællesskab med noget andet, f.eks. blive europæere.[5] – «В языке заключена важнейшая часть нашей идентичности, и *именно язык дает нам нашу общность*. Досадное недораз-

[1] KorpusDK. URL: https://ordnet.dk/korpusdk
[2] KorpusDK. Реклама кондоминиума в «Bo bedre». 1992.
[3] KorpusDK. Berlingske Tidende. 1991.
[4] KorpusDK. Jyllands-Posten. 1998.
[5] KorpusDK. Jyllands-Posten. 2001.

умение думать, что мы можем заменить эту датскую идентичность и языковую общность чем-то другим, например, стать европейцами».

– выходцам из других стран, живущим в Дании, приходится признавать, как нелегко стать частью этой *dansk fællesskab*:

Så dansk – om at høre til stammen. Det siges at danskerne er som en termoflaske: kolde udenpå, men varme indeni. *Danmark er bygget på og af en lille stamme*, som aldrig helt har accepteret, at stammen ikke kan isolere sig selv fra omverdenen. Derfor er det hårdt at blive en del af det danske fællesskab. Det giver anledning til mange misforståelse, men også morsomme situationer, når man som fremmed forsøger at blive en del af stammen. *Kulturelle koder* – især dansk humor og ironi – *er for viderekomne*, men det kan læres. Og stammen viser sig at være både åben og venlig.[1] – «*Это так по-датски – принадлежать к племени*. Говорят, датчане похожи на термос: снаружи холод, а внутри тепло. *Дания основана на малом племени*, которое никогда полностью не признавало, что это племя не может изолировать себя от внешнего мира. Вот почему так сложно стать частью датской общности. Это порождает множество недоразумений, но также и забавные ситуации, когда ты как чужой пытаешься стать частью племени. *Культурные коды* – особенно датский юмор и ирония – это для продвинутых пользователей, но им можно научиться. И племя оказывается одновременно открытым и дружелюбным».

Это высказывание принадлежит Насеру Хадеру, датскому политику сирийско-палестинского происхождения, приехавшему в Данию с родителями в 11-летнем возрасте, члену датского парламента с 2015 года. В Фолькетинге он выступает сейчас как спикер по делам иностранцев (udlændingeordfører) [Korsgaard, 2017]. Несмотря на свои неоднозначные политические взгляды и взрывной темперамент, часто становящийся причиной скандалов, Насер Хадер очень точно формулирует важную для нашего исследования мысль о том, что датская общность строится на культурных кодах, усвоить которые весьма сложно даже «продвинутому пользователю» – выходцу из другой культуры, хорошо знакомому с Данией.

Упоминаемый Н. Хадером датский юмор и ирония – лишь поверхностная часть айсберга. Культурные коды коммуникации глубоко «вшиты» в сам датский язык. Но, как справедливо отмечает Хадер, – им можно научиться. Именно поэтому мета-целью нашего проекта служит создание в будущем антропоцентрированного учебника по грамматике датского языка, позволяющего изучающим этот язык иностранцам примерить на себя грамматическую ориентацию в пространстве, времени и коммуникации, характерную для носителей языка *малого сообщества с плотной сетью социального взаимодействия его членов, сохраняющейся на протяжении долгого времени*.

Это определение принадлежит американской исследовательнице Мариан Митун, которая, выступая с докладом «Shaping Grammar: The Emergence of Grammatical Distinctions» в Институте языкознания РАН (19 сентября 2019 г.), отмечала, что «в малых сообществах с плотной системой социального взаимодействия, сохраняющейся на протяжении долгого времени, происходит возрастание языковой сложности» («you get increase of complexity in small communities with dense social networks over long periods of time»), и что «со временем прагматические контексты кристаллизуются в грамматические конструкты» («pragmatic contexts with time solidify into grammar constructs»).

Такой «кристаллизации прагматических контекстов в грамматические конструкты» способствует структурная специфика современного датского языка. Благодаря последовательной реализации диахронической константы германских языков к аналитизму [Гухман, 1981], в современном датском языке развивается широкий дополнительный инструментарий служебных аналитических маркеров (служебных глаголов, модальных частиц, предлогов, союзов, дейктических местоимений, наречий пространственной ориентации и т. п.) для выражения антропоцентрированных смыслов, приобретающих особую значимость для такого «малого сообщества с широкой сетью социального взаимодействия», каковым, как мы показали выше, является современное датское общество.

ДАТСКИЙ ЯЗЫК И КОММУНИКАТИВНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ ПЕРА ДУРСТ-АНДЕРСЕНА

Теория коммуникативных супертипов складывалась на протяжении многих лет. Ее системное академическое представление содержится в книге «Linguistic Supertypes. A cognitive theory of human communication» [Durst-Andersen, 2011a]. Но наиболее целостно и компактно то новое, что привносит теория коммуникативных супертипов излагается в книге Дурст-Андерсена «Bag om sproget» [Durst-Andersen, 2011б], которая и по стилистике, и по широте поднимаемых проблем продолжает философско-культурологическую и

[1] KorpusDK. Den flerkulturelle udfordring. Naser Khader. 2001.

коммуникативную традицию осмысления грамматики, начатую в датской лингвистике книгой Отто Есперсена «Философия грамматики».

Базовым для книги «Bag om sproget» является понятие «культурно-ментальной вселенной»: культура и национальное сознание входят в плоть и кровь его носителей через родной язык, по-особому настраивающий не только их мозг (когницию), но и их сенсорное восприятие (перцепцию) и то, как они организуют речевое общение (коммуникацию).

Любая коммуникация включает трех участников, а именно говорящего, слушающего и действительность. Основной тезис книги состоит в том, что языки можно подразделить на *супертипы* в зависимости от того, насколько грамматическая система того или иного из них настроена на отображение (1) объективной реальности, одинаковой для говорящего и слушающего, (2) восприятия ситуации говорящим, (3) восприятия ситуации слушающим. В качестве примеров языков, ориентированных на реальность, автор рассматривает русский язык, китайский язык и хинди. В качестве языков, ориентированных на говорящего, в книге приводятся болгарский, грузинский и испанский языки. В качестве языков, ориентированных на слушающего, исследуются датский и английский языки.

> In hearer-oriented language the sentence is designed to be a means for transmitting the information to the hearer by the speaker. This means that there must be an important distinction between old and new information. The determinant category is tense or more specifically the distinction between the imperfect / simple past (e. g. Eng. *said*) and the perfect / present perfect (e. g. Eng. *has said*). The article system is anchored in the notion of familiarity (e. g. Eng. *a book*) vs. unfamiliarity (e. g. Eng. *a book*) and thus functions as the nominal equivalent to tense» [Durst-Andresen, 2011a, c. 206–207].

Как видим, основной и общей чертой языков, ориентированных на слушающего, П. Дурст-Андерсен считает грамматическое противопоставление вербальных категорий *претерит* vs. *перфект* и симметричное им противопоставление номинативных категорий *определенный артикль* vs. *неопределенный артикль* как маркеров *знакомой слушающему* vs. *незнакомой информации*. Такое базовое грамматическое противопоставление он называет «объективным голосом» языка:

> In Danish there is an obligatory choice between the speaker's use of the objective voice, the principal voice, and his use of the subjective voice, the secondary voice. <…> One might say, that the Danish speaker has to show the hearer whether or not his old or new pieces of information presented to him are *objectively* or *subjectively founded*. And this choice is obligatory in any utterance [там же, с. 252].

То есть в датском языке в любом высказывании говорящий обязательно дает понять слушающему, объективно или субъективно обоснована та информация, которая сообщается слушающему. Создается специфический «языковой код культуры», когда «между строк» за счет использования широкого спектра служебных слов говорящий сообщает адресату массу лингвопрагматической информации. Исследованию разных типов этой субъективной информации «вшитой» в грамматическую систему датского языка и был посвящен проект «Антропоцентрическая грамматика датского языка». Разные его участники изучали проявление субъективного фактора на разных участках датской языковой системы.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЯВЛЕНИЙ СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА В РАМКАХ ПРОЕКТА «АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА ДАТСКОГО ЯЗЫКА»

Антропоцентрическое представление человека в языке оказывается даже шире, чем исследуемое П. Дурст-Андерсеном отношение между говорящим, слушающим и денотативной реальностью. Это также ориентация человека в мире и учет отношения субъектов коммуникации к субъектам повествования. Особыми языковыми средствами говорящий может подчеркнуть согласие со взглядами адресата или, наоборот, отстраниться от них, или отмежеваться от достоверности сообщаемой информации: он может также – языковыми средствами – поместить себя в позицию персонажа (субъекта повествования) или отстраниться от нее. Это значит, что языковое выражение совмещения (*англ.* view-point blanding) или, наоборот, дистанцирования позиций восприятия говорящего, адресата и третьего лица также является предметом исследования в «Антропоцентрической грамматике».

В связи со спецификой передачи пространственной ориентации была описана антропоцентрированная организация пространства средствами датских пространственных наречий [Никуличева, 2021], а также субъективная ориентация в пространстве посредством датских дейктических местоименных биномов, типа *denne her – den her – den der*.

В связи с ориентацией в «пространстве мысли» исследовалась квазисинонимия датских подчинительных союзов как средство нюансирования

грамматических смыслов в зависимости от возложения ответственности за сообщаемое на говорящего, слушающего или объективную реальность [Nikulicheva, 2021].

В плане ориентации в «пространстве коммуникации» были проанализированы особенности функционирования средств, выражающих различные значения эпистемической (*достоверно / недостоверно*), аксиологической (*хорошо / плохо*, *желательно / нежелательно*) и адмиративной (*ожидаемо / неожиданно*) модальностей. Анализ системы датских модальных частиц показал, что в центре датскоязычной коммуникации находится коммуникативная модель, состоящая из говорящего, слушающего и третьего лица, включенного в ситуацию. [Крылова, 2021]. Также исследовалась роль, которую эпистемические средства датского языка играют в формировании стратегий говорящего: при оформлении косвенных речевых актов, разграничении различных модальных контекстов и речевых ситуаций, при передаче чужой речи и в других аспектах речевой коммуникации. В частности, были проанализированы языковые средства, выражающие категорию вежливости в датском языке, связанные с различными речевыми актами, предполагающими экспликацию социального взаимоотношения между коммуникантами [Гурова, 2020; Гурова, 2021].

Проявление фактора говорящего в выражении номинативных категорий датского языка было исследовано на примере местоименного выражения неопределенности и на примере нарушения атрибутивного согласования неопределенных местоимений по роду и числу. В результате было отмечено развитие таких понятийных категорий субъективной категоризации на базе грамматических, как категории интенсивности, партитивности и дискретности / недискретности.

Исследование композитного словообразования на основе композитных окказионализмов позволило эксплицировать релевантные для языковой картины мира датчан смыслы (в частности, установить оценочные смыслы, выражаемые средствами окказионального композитного словообразования), а также выявить продуктивные словообразовательные модели, которые участвуют в создании таких смыслов [Краснова, 2019].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье было показано, что широкое разнообразие субъективных лингвопрагматических смыслов, передаваемое служебными словами в датском языке, органически связано с лингвокультурным менталитетом носителей датского языка как языка малого сообщества (*fællesskab*) с широкой и устойчивой сетью социального взаимодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / пер. с фр. ; под ред., со вступ. ст. и комм. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974.
2. Kornø-Rasmussen H. Den danske stamme. En befolkningshistorie. Kbh.: Politikens Forlag, 2008.
3. Litteraturhåndbogen. Red. Af I. Fisher Hansen, J. A. Jørgensen, K. Mikkelsen, J. Sørensen, L.Tonnesen. 4.udg., 8 oplag. København: Gyldendal, 1995.
4. Авакова Ю. М. Национальная модель «мягкой силы» Дании и казус Кристиана Эриксена на Евро-2020 // Гуманитарный полилог: сб. статей к юбилею Е. М.Чекалиной / отв. ред. И. В. Матыцина. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 27–39.
5. Karkov R. EM 84, EM 92, EM 2020 – det danske kollektiv sprudler ofte uden den bedste spiller. 29 juni 2021. URL: https://www.berlingske.dk/samfund/em-84-em-92-em-2020-det-danske-kollektiv-sprudler-ofte-uden-den-bedste.
6. Nye J. Soft Power. The means to success in world politics. New York: Public Affairs, 2004.
7. Korsgaard Kr. Portræt: Drev de store fælelser værdikrigeren Khader ud i stormvejr? 7 dec. 2017. URL: https://www.altinget.dk/artikel/portraet-drev-de-store-foelelser-vaerdikrigeren-khader-ud-i-stormvejr
8. Гухман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М.: Наука 1981.
9. Durst-Andersen P. Linguistic supertypes. A cognitive-semiotic theory of human communication. Berlin: de Gruyter Mouton, 2011a.
10. Durst-Andersen P. Bag om sproget. Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation. København: Hans Reitzels Forlag, 2011б.
11. Никуличева Д. Б. Антропоцентрированная организация пространства средствами датских пространственных наречий в зеркале перевода // Гуманитарный полилог: сб. статей к юбилею Е. М. Чекалиной / отв. ред. И. В. Матыцина. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 186–197.
12. Nikulicheva D. Quasi-synonymy of Danish causal conjunctions from the speaker's perspective // Scandinavian Philology. Скандинавская филология. 2021. Т. 19. Вып. 1. С. 42–60.
13. Крылова Э. Б. Коммуникативные функции модальных частиц в датском языке. М.: МАКС Пресс, 2021.
14. Гурова Е. А. Способы выражения вежливости в побудительных речевых актах датского языка // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 5 (834). С. 69–83.

15. Гурова Е. А. Похвала, комплимент и лесть в датском языке и культуре Гуманитарный полилог: сб. статей к юбилею Е. М.Чекалиной / отв. ред. И. В. Матыцина. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 78–88.
16. Краснова Е. В. Types of novel compounds in Danish // Скандинавская филология. 2019. Т. 17. Вып. 2. P. 207–216.

REFERENCES

1. Benvenist, E. (1974). Obshchaya lingvistika = General linguistics, transl. from French, ed. by Yu. S. Stepanov. Moscow: Progress. (In Russ.)
2. Kornø-Rasmussen, H. (2008). Den danske stamme. En befolkningshistorie. Kbh.: Politikens Forlag.
3. I. Fisher Hansen, J. A. Jørgensen, K. Mikkelsen, J. Sørensen, L.Tonnesen (red. af.). (1995). Litteraturhåndbogen. København: Gyldendal, 4.udg., 8 oplag.
4. Avakova, Yu. (2021). Nacional'naya model' «myagkoj sily» Danii i kazus Kristiana Eriksena na Evro-2020 = The national model of "soft power" of Denmark and the incident of Christian Eriksen at Euro 2020. In Gumanitarnyj polilog (pp. 27–39): collection of papers to the anniversary of E. M. Chekalina. Moscow: MAKS Press. (In Russ.)
5. Karkov, R. (2021). EM 84, EM 92, EM 2020 – det danske kollektiv sprudler ofte uden den bedste spiller. https://www.berlingske.dk/samfund/em-84-em-92-em-2020-det-danske-kollektiv-sprudler-ofte-uden-den-bedste
6. Nye, J. (2004). Soft Power. The means to success in world politics. New York: Public Affairs.
7. Korsgaard, Kr. (2017). Portræt: Drev de store fælelser værdikrigeren Khader ud i stormvejr? https://www.altinget.dk/artikel/portraet-drev-de-store-foelelser-vaerdikrigeren-khader-ud-i-stormvejr
8. Guhman, M. (1981). Istoricheskaya tipologiya i problema diahronicheskih constant = Historical typology and the problem of diachronic constants. Moscow: Nauka. (In Russ.)
9. Durst-Andersen, P. (2011a). Linguistic supertypes. A cognitive-semiotic theory of human communication. Berlin: de Gruyter Mouton.
10. Durst-Andersen, P. (2011b). Bag om sproget. Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation. København: Hans Reitzels Forlag.
11. Nikulicheva, D. (2021). Antorpocentrirovannaya organizaciya prostranstva sredstvami datskih prostranstvennyh narechij v zerkale perevoda = Anthorpocentric organization of space by means of Danish spatial adverbs in the mirror of translation. In Gumanitarnyj polilog (pp. 186–197): collection of papers to the anniversary of E. M. Chekalina. Moscow: MAKS Press. (In Russ.)
12. Nikulicheva, D. (2021). Quasi-synonymy of Danish causal conjunctions from the speaker's perspective. Scandinavian Philology, 19(1), 42–60.
13. Krylova, E. (2021). Kommunikativnye funkcii modal'nyh chastic v datskom yazyke = Communicative functions of modal particles in the Danish language. Moscow: MAKS Press. (In Russ.)
14. Gurova, E. (2020). Ways of expressing politeness in incentive speech acts in Danish. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 5(834), 69–83. (In Russ.)
15. Gurova, E. (2021). Pohvala, kompliment i lest' v datskom yazyke i kul'ture = Praise, compliment and flattery in the Danish language and culture. In Gumanitarnyj polilog (pp. 78–88): collection of papers to the anniversary of E. M. Chekalina. Moscow: MAKS Press. (In Russ.)
16. Krasnova, E. (2019). Types of novel compounds in Danish. Skandinavskaya filologiya, 17(2), 207–216.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никуличева Дина Борисовна

доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЯ РАН,
профессор Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikulicheva Dina Borisovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor,
Chief Researcher, IYaz RAN, Professor, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 10.05.2022
одобрена после рецензирования 19.05.2022
принята к публикации 10.09.2022

The article was submitted 10.05.2022
approved after reviewing 19.05.2022
accepted for publication 10.09.2022

Научная статья
УДК 81'342, 81'37
DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_74

Фоносемантика и возможности ее современной интерпретации

Р. К. Потапова[1], В. В. Потапов[2], Н. Д. Померанцев[3]

[1,3]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[2]*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, Volikpotapov@gmail.com*
[1]*RKpotapova@yandex.ru*
[3]*nicetes@gmail.com*

Аннотация. В статье представлены результаты экспериментального изучения фоносемантики. Фоносемантическое исследование включало в себя два эксперимента: опрос информантов и анализ фоносемантических особенностей молитв *«Отче наш»* и *«Богородице Дево...»* на русском, сербском и греческом языках на основе специальной программы на языке программирования Python 3. Была установлена четкая связь между планом выражения и планом содержания языка. Результаты исследования православных молитв позволяют судить об осознанном использовании определенных приемов для создания эмоционального воздействия на слушающего, что особенно прослеживается в греческих молитвах. В исследовании звук определяется как устно-речевой коррелят фонем того или иного языка.

Ключевые слова: фоносемантика, звукоцветовые соответствия, ассоциации по сходству, звуковые ассоциации, ассоциации с геометрическими формами, язык программирования Python 3, звукоцветовой анализ православных молитв на русском, сербском и греческом языках

Для цитирования: Потапова Р. К., Потапов В. В., Померанцев Н. Д. Фоносемантика и возможности ее современной интерпретации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 12 (867). С. 74–82. DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_74

Original article

Phonosemantics and Its Possible Modern Interpretation

Rodmonga K. Potapova[1], Vsevolod V. Potapov[2], Nikita D. Pomerantsev[3]

[1,3]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[2]*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, Volikpotapov@gmail.com*
[1]*RKpotapova@yandex.ru*
[3]*nicetes@gmail.com*

Abstract. The article presents the results of an experimental study of phonosemantics. The phonosemantic study included two experiments: a survey of subjects (informants) and an analysis of the phonosemantic features of the prayers "Our Father" and "Hail Mary..." in Russian, Serbian and Greek based on a special program in the Python 3 programming language. A clear connection was established between the plane of expression and the plane of content for the languages under study. The results of the study of these Orthodox prayers make it possible to suggest the conscious use of certain techniques to create an emotional impact on the listener, which is especially evident in Greek prayers. In the study, sound is defined as a spoken-language correlate of the phonemes of a particular language.

Keywords: phonosemantics, sound-color correspondences, similarity associations, sound associations, associations with geometric shapes, Python 3 programming language, sound-color analysis of Orthodox prayers in Russian, Serbian and Greek

For citation: Potapova, R. K., Potapov, V. V., Pomerantsev, N. D. (2022). Phonosemantics and its possible modern interpretation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(867), 74–82. 10.52070/2542-2197_2022_12_867_74

INTRODUCTION

Despite the fact that phonosemantics was formed not so long ago as a separate field of knowledge, the phenomena and principles it considers have been observed and applied by priests, scientists, speakers, philosophers and poets for many centuries. Relevant supporting is found in the oldest surviving written texts: in the Vedas, in the works of ancient Greek authors (for example, the Stoics); the property of sound representation (tone-painting) has been especially widely used in poetry (see, for example, [Вишневская, Егорова, 2009]), and most often it is used by the authors unconsciously.

The issue of the relationship between a phonetic sound and the meaning of a word has been discussed by scientists for a long time; however, even in our time the proper answer still has not been received, and the issue continues to cause numerous disputes. Phonosemantics, as a science, studies the connection between the sound of a word and the emotional sensations that it causes in the mind of a person who is a native speaker. Phonosemantics pays attention not so much to the lexical meaning of a word as to the totality of its phonetic elements and their *psychological impact* [Лурия, 1975] on the recipient. Research in this field of knowledge indicates the presence of some possible patterns in the perception of sounds associated with a particular color (see, for example, [Плахова, 2018]).

At the end of the 19th century, *musical-color synesthesia* [Simner, Hubbard, 2006; Dael, Sierro, Mohr, 2013; Price, Mattingley, 2013] was considered by scientists a variety of *chromesthesia* or "colored hearing", that is, a feature in which musical sounds evoke certain color associations in a person (see, for example, [Greenwald, McGhee, Schwartz, 1998]). Many musicians had "colored hearing": Russian composers N.A. Rimsky-Korsakov, A. A. Kenel and B. V. Asafiev, Lithuanian artist and composer M. K. Čiurlionis, French composer O. Messiaen and Austrian composer A. Schoenberg. Each musician "perceived" the keys as differently colored ones. For example, B. V. Asafiev, D-major took on an emerald hue, and for N. A. Rimsky-Korsakov it was golden. A. A. Kenel visualized D flat as lemon yellow, while for B. V. Asafiev it was red, flaming – a kind of fiery glow[1].

The system of intuitive connection between a musical work and the perception of color was very specific for each composer. So, N. A. Rimsky-Korsakov created very pictorial music, endowing it with "graphic sound writing", based on his own feelings and ideas, while A. Schoenberg correlated colors with the musical timbres of various instruments of a symphony orchestra.

Composer Alexander Scriabin's attempts to combine several types of art into a single whole resulted in creation of *color music*. In the history of world musical culture, Alexander Scriabin became the first to combine *sound*, *color* and *light* in one work[2].

To perform the poem "Prometheus", an orchestra, choir, organ, piano and a special light apparatus were needed. The latter was assigned a special role – to reproduce the part of the light "Luce", in which the symbols of colors were recorded with ordinary notes. In the score of the work, A. N. Scriabin wrote the "light line" for performance in two voices. The upper voice was more mobile and was responsible for changing the harmony. The lower voice was responsible for the philosophical component. The light line was also dominated by two colors, purple and red. The first was associated with the realm of the spirit and the non-material principle, the second acted as its opposite and denoted matter. According to the composer's idea, at the end of the part of the light, it traveled beyond the material world, so the finale of the work was presented in purple. And the system of the "Prometheus" was generally represented by the musician in the form of a ring "spirit-matter-spirit"[3] [Бальмонт, 1917].

The method of *phonosemantic analysis* (PhSA) is based on numerous facts of tone-painting accumulated during the development of linguistics [Марухина, 2013]. Studying linguistic and speech material, linguists recorded phenomena that required theoretical understanding. Moreover, as it turned out, it was impossible to explain the obtained data solely within the principles of phonetics or semantics, and this served as one of the factors in the creation of the "interdisciplinary" science of *phonosemantics*.

Its founder S. V. Voronin contributed to the development of the main research method [Воронин, 1982]. The method of PhSA consists in the analysis of a word through interrelated operations aimed at establishing the presence / absence of tone-painting in a word and identifying its nature.

S.V. Voronin composed glossaries of tone-painting words in various languages of the world. Then the material was analyzed, resulting in classifications of language units (a division into two large sub-classes

[1] Как Александр Скрябин открыл миру светомузыку // Audiomania. URL: https://www.audiomania.ru/content/art-6285.html (дата обращения: 03.05.2022).

[2] Там же.

[3] Там же.

of words was adopted: onomatopoeic (onomatopes) and sound-symbolic).

M. V. Ivanova notes that at present, the following types of analysis are distinguished within the PhSA: determining the presence of sound expression in a word; definition of emotionality (expressiveness of the word); etymological analysis; acoustic-articulatory analysis; typological generalizations [Иванова, 1990].

RESEARCH METHOD

In our study, sound is defined as a spoken-language correlate of the phonemes of a particular language. Within this study, an experiment was conducted, the purpose of which was to determine the "phonosemantic color" of the vowel sounds of the Russian language in the mind of a modern Russian-speaking person. The difference between this experiment and the experiment by A. P. Zhuravlev [Журавлев, 1974] is that, in addition to conducting a color and emotional evaluation of sounds, the subjects were asked to give sound and geometric associations. Repeated color and emotional evaluation seems necessary, since the language is constantly evolving over time, which can lead to a change in the perception of individual sounds by its speakers. Having studied these changes, it will be possible to evaluate the influence of various factors on the course of some intralinguistic processes and to identify the most stable phonosemantic characteristics of sounds.

Due to objective reasons (Covid-19), the experiment was conducted online and included a survey of subjects. The survey involved 52 subjects born in 1946–2002 (49 out of 52 subjects under the age of 35); more than 14,500 responses were received. Russian was the native language of all listeners. In the first part of the survey, the subjects were asked to choose a color with which they associate sound-letters. In the second part, the vowels of the Russian language and 25 antonymous features from the theory of A. P. Zhuravlev were presented, according to which it was necessary to evaluate these sounds. The third part of the survey was aimed at identifying associations with natural sounds. In the fourth part, the subjects were asked to provide associations with geometric shapes.

Sound-color correspondences represent a special aspect of the symbolism of sounds. According to R. Jakobson, only vowels have "color coloring", that is, in his opinion, vowels evoke color representations, while consonants are black and white [Jakobson, 1941; Jacobson, Fant, Halle, 1961].

A. P. Zhuravlev consistently investigated the "color" of vowel sounds in three ways: free choice of color correspondences; choice from six colors; choice from a fixed set of colored cards [Журавлев, 1974].

Each of these methods has its pros and cons. The first method allows the subject to freely choose a color, without limitations, but the downside is that different people can call the same shade differently. The second and third methods strictly limit the subject in decision-making; thus, we get not so much data on the correspondence between the sound and the color of the spectrum, but data on the compatibility of sounds and the proposed colors, which may not always reflect the real perception of the sound by the subject. Despite the differences in approaches, the main identified color and sound correspondences coincided in all three experiments conducted by A. P. Zhuravlev.

Based on this, in this study, it was decided not to limit the subjects in the choice of colors; they had options of nine colors (7 colors of the spectrum + black and white) or could give their own answer.

Also, at the beginning of the survey, instructions had been given in which it was advised to exclude distractions for the duration of the experiment, focus on internal sensations, do not think, do not make unnecessary associations and respond intuitively. In case of difficulties or uncertainty, the subjects were advised not to answer the question.

The data obtained as a result of the experiment clearly indicate the presence of some stable patterns in the perception of the color designation of sounds. The most "brightly" colored sounds were [**а**] and [**я**]. More than half of the listeners called them "red". Their assessments coincided with the assessments obtained in the experiments by A. P. Zhuravlev and G. N. Ivanova-Lukyanova [Журавлев, 1974; Иванова-Лукьянова, 1966].

RESULTS OF THE STUDY
ASSOCIATIONS BY SIMILARITY

The free choice of color options increased the scatter of answers; however, the definition of the color of sounds was the same for many subjects. The most frequent responses were selected that give an idea about the color of sounds.

Basic colors of sound-letters: **а** – 59.6 % red, 21.2 % white; **е** – 26.9 % green, 17.3% yellow, 13.5% orange, 13.5 % red, 9.6 % blue; **ё** – 23.1 % green, 13.5 % red, 11.5 % blue, 9.6 % yellow, 7.7 % orange, 7.7 % blue, 7.7 % purple; **и** – 21.2 % green, 17.3 % yellow, 17.3 % blue, 15.4 % blue, 11.5 % white; **о** – 30.8 % white,

19.2 % orange, 9.6 % blue, 9.6 % blue, 6 % yellow; **у** – 32.7 % yellow, 15.4 % blue, 15.4 % purple, 13.5 % orange, 13.5 % green; **ы** – 28.8 % black, 11.5 % yellow, 11.5 % purple, 9.6 % blue; **э** –25 % orange, 21.2 % purple, 7.7 % yellow, 7.7 % green, 7.7 % black, 7.7 % white; **я** – 52 % red, 12 % white; **ю** – 28.8 % purple, 11.5 % blue, 9.6 % orange, 5.8 % blue, 7.7 % pink / raspberry.

When comparing the results of the survey with the research data obtained by A. P. Zhuravlev, an observation was made that the primary colors and the proportional ratio of colors in the assessments of many vowels almost did not change [Журавлев, 1974]; however, some vowels began to be colored noticeably more often in those colors that were not characteristic of them before.

According to the results of the study, it can be judged that the sounds [**а**], [**я**], [**ю**], [**и**], [**е**], [**о**], [**ы**] practically did not change their color. There are some minor changes, but they are not so unambiguous. The sound of [**о**] became a little darker; the orange color was replaced by yellow. The sound [**ы**] has become a little lighter, yellow color has appeared in the estimates. The sound of [**ё**] became a little darker.

Further studies are needed for a more precise assessment. Much more noticeable changes can be observed in the color of the following sounds: [**э**] - the subjects almost did not evaluate this sound as "yellow" or "green", although in past experiments these were its main colors. A fairly large proportion of the subjects called it "purple", which is not found in previous studies. A very interesting correspondence is observed when comparing the format frequencies of the sound [**э**] with the note row and colors. The first formant (440 Hz) corresponds to A of the first octave; it is correlated with the orange color. According to the results of the experiment, it is indeed clear that most often [**э**] was painted in orange. The second formant (1800 Hz) is between A and A-sharp of the third octave, they also correspond to the orange color, but also to the yellow color, in which this sound was most often painted previously. The third formant (2550 Hz) is between D-sharp and E of the fourth octave; they correspond to the violet color observed in the results of the experiment.

For the sound [**у**], there were more associations with a "yellow tint", which were not observed before, and there were fewer associations with a "black tint". When studying the formants of the sound [**у**], it was found that they all correspond to D, D-sharp and E from the second to the fourth octave. These notes correspond to the range of colors from blue to violet, that is, the colors that have always been the main ones for the sound [**у**]. However, during the experiment, a fairly large percentage of the subjects called this sound "yellow". According to A. P. Zhuravlev, many linguists before him considered the sound [**у**] to be bright yellow.

CONCLUSIONS ON COLOR-SOUND ASSOCIATIONS

The results showed that less frequent sounds changed their "color" more intensively.

The front mid-vowel [**э**] has become darker. This may be caused by the large number of borrowings of vocabulary and pronunciation norms that have entered the Russian language in recent years. The sound [**э**] is used mainly in borrowed words, which is confirmed by the fact of its appearance in Russian words of foreign origin.

Despite a fairly stable idea of the sound [**у**] as a "dark and gloomy" sound in previous studies, now more than half of the listeners associated it with light tones of color.

More accurate results require further additional experiments. It is necessary to repeat the survey with a large number of subjects. Possible reasons for such changes may be: the influence of foreign languages, the mixing of dialects, a change in articulation and a change in the picture of the world.

In the second part of the survey, the informants were asked to take an emotional assessment of the vowel sounds of the Russian language. The purpose of the survey was to identify changes in the assessment of the emotional characteristics of vowel sounds. As an indicator of the central tendency in the distribution of informants' answers, the arithmetic mean estimate attributed to each sound was taken. The obtained results were compared with A. P. Zhuravlev's results obtained in 1974 (50 informants).

Based on the results of the survey, it can be assumed that there are indeed partial changes in the perception of sounds by native speakers. The following general trends can be established: 26 vivid emotional assessments were lost, 11 new ones were acquired. Some assessments are almost the same as those of the 1974 study, but many assessments have changed dramatically, some differing by more than 1 and 2 points. For example, the sound [**у**], which has undergone strong changes in its color assessment, has indeed become brighter, happier, faster, and its mobility assessment has increased by almost 2 points. One can also observe averaging of assessments.

SOUND ASSOCIATIONS

In the third part of the experiment, the informants were asked to find a sound association from the natural world with the vowels of the Russian language. The subjects were not given answer options; they had to offer their own options. Despite this, general trends in the construction of some associations were observed.

The main associations with sounds were as follows: **ё**: forest, rustling, crackling, plants, nature; **е**: forest, rustling, crackling, plants, nature; **а**: sounds of animals (mainly birds), the space of the Earth, sounds made by human; **о**: light, sky, clouds, water, space; **у**: howling wind, gloomy sounds, sounds of animals; **ю**: howling wind, prolonged sounds, rustling, plants; **э**: echo, wind, rustling / noise, rumble, murmur of water, repeated and iterative sounds; **я**: sounds of animals, many associations are made with words containing this sound; **и**: associations with murmuring sounds, creaks, rustling, "squeaking" sounds of animals; **ы**: sounds of animals, gloomy sounds associated with nature.

Based on the results of the survey, it can be concluded that native speakers have well-established and regular associations of sound-letters with the natural world. It is interesting that most of the associations reflect the main color of the sounds in one way or another.

ASSOCIATIONS WITH GEOMETRIC SHAPES

In the next part of the experiment, the beholders in the experiment were asked to find associations of geometric shapes with Russian vowels. The subjects were not given answer options; they had to offer their own options. Despite this, general trends in the construction of associations were observed.

The main associations with shapes were as follows: **ы** (47 responses; quadrilaterals: 46.8%; lines: 23.4%); **я** (47 answers; acute-angled: 49%; lines: 29.7%); **ю** (45 responses; rounded: 51%); **ё** (48 answers; quadrilaterals: 41.6%; rounded: 27%); **и** (48 responses; lines: 56.2%; quadrilaterals: 22.9%); **е** (48 answers; lines: 41.6%; quadrilaterals: 33.3%); **а** (48 responses; triangular: 45.8%; lines: 22.9%); **о** (48 responses; rounded: 93.7%); **у** (48 responses; lines: 33.3%; triangular: 35.4%); **э** (47 responses; rounded: 68%).

Based on the results of the survey, it can be concluded that native speakers have well-established and regular associations of sound-letters with geometric shapes. Basically, the associations are similar to the geometric shape of the relevant letter.

ANALYSIS OF THE PRAYERS SOUND-COLOR ANALYSIS OF THE PRAYER "OUR FATHER" IN RUSSIAN, SERBIAN AND GREEK

In this study, a comparative phonosemantic analysis of two common prayers in Russian, Serbian and Greek was carried out. The aim of the study was to identify and compare the phonosemantic features of prayers in the above languages.

The analysis involved the method of poetic ideography, as well as the method of psycholinguistic experiment using the data obtained as a result of the survey. To count the number of vowels and accented stressed vowels, a program was written in the Python 3 programming language [Palach, 2014]. The prayers studied were colored on the website: http://zvukocvet.ru. The experiment was carried out in the following compositional sequence: analysis of the prayer "Our Father" in Russian, Serbian and Greek (in Russian, the version according to St. Matthew was used, which contained stressed vowels with an emphasis); analysis of the prayer "Hail Mary" in Serbian ("Богородице Дјево" in Serbian); analysis of the prayer "Hail Mary" in Greek ("Θεοτόκε Παρθένε" in Greek).

In the Orthodox Church tradition, much attention is paid to the symbolism of the liturgical color. There are no fixed dogmas in this respect, but there is an established tradition in the Church according to which certain symbols are assigned to various colors used in liturgies. This applies to the robes of the clergy, wall paintings, iconography, the Holy Altar decorations and plants (flowers) used on certain holidays.

Therefore, the next step in conducting a phonosemantic analysis of these prayers was to identify their color perception. According to the results of the analysis, the average color of the Russian prayer "Our Father" turned out to be purple. Violet and purple colors correspond to the group of holidays and days of remembrance of the Cross of the Lord [Православная энциклопедия, 2022]. The color of church clothes (vestments) on these holidays is violet or dark red. The violet color combines two colors: red (the color of the Divine Blood and the Resurrection) and blue (symbolically expressing the idea that the road to heaven opens with the Cross). Also, violet is used in church robes (vestments) during Sundays and feast days of Lent. Purple and violet are primordially sacred colors. They are symbols of life and God himself. Traditionally, only the prelacy, including bishops, wore purple and – later – violet robes.

Purple shades came to Russian icon painting from Byzantium. They are used as signs of the presence of God the Father and when creating the image of the Almighty (Christ Pantocrator). Quite often one can see a lot of purple in the scenes of the Last Judgment [Православная энциклопедия, 2022]. An interesting fact is that the prayer addressed to God the Father, the first prayer that Jesus Christ taught his disciples, is colored precisely in purple endowed with such a deep sacred meaning and, moreover, completely coinciding with the main message of the prayer.

If we carefully consider the sound-color analysis of the prayer, we will see that its average color is formed mainly by mixing green, red and blue colors. In the additive synthesis of colors (mixing color rays), they are the main ones: by mixing them, all the other colors may be obtained. Nowadays, violet and purple colors are often specially used in interiors for psychological comfort.

A sound-color analysis of the Greek and Serbian prayers was also carried out. The results of the sound-color analysis of the Serbian and Greek prayers can be considered reliable only when using the data obtained as a result of a survey of native speakers of these languages. However, the results of this analysis turned out to be very interesting and deserve consideration.

The average color of the Serbian prayer differs little from the color of the Russian one. This result was expected, since Russian and Serbian are related languages, and the phonosemantic analysis of the prayers in these languages revealed many similar phonosemantic markers.

According to the results of the analysis, the Greek prayer received the most uniform and rich coloring. This partly confirms the earlier conclusion that the structure of the Greek prayer is the most homogeneous, filled with phonosemantic markers more than the others, and has a stronger effect on the recipient.

To obtain more reliable results, further research is needed with the involvement of native Greek and Serbian speakers.

SOUND-COLOR ANALYSIS OF THE PRAYER "HAIL MARY"

According to the results of the analysis, the average color of the Russian prayer "Hail Mary", as in "Our Father", turned out to be purple. In the sound-color image of the prayer "Hail Mary", there is much more white color, which makes it much lighter and easy-to-perceive. In the lines that convey joy, there are many red sounds [**а**] and [**я**], alternating with blue sounds [**и**] and [**у**]. Red and blue are the main colors of the Mother of God depicted on icons.

As in the analysis of the prayer "Our Father", the Greek prayer has the most uniform coloring among all the three prayers. For a full-fledged analysis, data on the sound-color correspondences of the Greek and Serbian languages are needed.

CONCLUSIONS

Based on ***Experiment 1***, the following main conclusions can be drawn. The results of the survey show that the correlations of some Russian vowels with colors have changed over time. Emotional assessments of vowels have also changed, that is, some changes in emotional assessment correlate with changes in the color of vowels. From our point of view, the possible reasons for the identified changes may be the following factors: the influence of knowledge of foreign languages, the mixing of languages (according to L. V. Shcherba [Щерба, 1974]), changes in pronunciation norms and transformation of the picture of the world as a whole. Further research is needed to identify the exact causes of the changes. Most vowels have strong associations with sound representations from the natural world. Most of the associations of vowels with geometric shapes reflect the geometric outlines of vowels themselves. To confirm the revealed changes, it is necessary to repeat the experiment and further analyze the results.

Based on ***Experiment 2***, the following main conclusions can be drawn. The information obtained is not complete, since in order to conduct a full-fledged phonosemantic analysis of the Greek and Serbian prayers, further surveys with the participation of native speakers of these languages are necessary. The phonosemantic characteristics of the prayer texts largely depend on the sounds that make them up. A clear connection between the content and sound aspects of the prayer texts has been revealed. The comparison of the prayers in different languages revealed the presence of a large number of identical phonosemantic markers: sound repetitions, alliterations, assonances, rhythm. Greek prayers are distinguished by the presence of a more clearly defined rhythmic structure and a greater concentration of phonosemantic markers. Therefore, it can be assumed that they have a greater impact on the recipient. One of the most interesting phenomena observed in prayers is their common sound representation, which is clearly manifested in the sounds of their names. In

the Greek prayer to the Mother of God, in addition to the image of the name – "Θεοτόκε Παρθένε", – the sound representation of the Mother of God's name is also expressed. Similar techniques are seen in poetry, starting from the era of the ancient Indian Vedas, mantras (prayers) dedicated to certain deities. The sound-color representation of Russian prayers corresponds to the established color images of God and the Mother of God in the Church tradition.

Thus, in the course of the two experiments of the study, a clear connection was established between the plane of expression and the plane of content of the language as a whole. The sound aspect of the language should be studied together with the content aspect.

The results of the study of these Orthodox prayers make it possible to suggest the conscious use of certain techniques to create an emotional impact on the recipient. This can be seen especially clearly in Greek prayers, which, apparently, have retained traces of the most ancient traditions of composing chants (songs) and versification.

From our point of view, further development of this problem is necessary, since a deep understanding of the phonosemantics of a language can be widely used in many areas of human activity. Currently, the role of phonosemantics is increasing when information flows are growing, and the opportunities for "face to face" communication with our interlocutors are narrowing, studies and work activities are increasingly transferred to a remote format (and not only because of the Covid-19 pandemic). A well-written text is very important in terms of achieving maximum efficiency of remote information exchange. Experimental data obtained as a result of research regarding phonosemantics of various language structures will help enhance the required emotional impact of spoken language, form the necessary emotional coloring and, as a result, ensure optimal psychological perception of both written and spoken language by recipients.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вишневская Г. М., Егорова А. А. Звукоизобразительность в традиционной английской детской поэзии. Иваново: Ивановский государственный университет, 2009.
2. Лурия А. Р. Ощущение и восприятие: материалы к курсу лекций по общей психологии. М.: Издательство Московского университета, 1975.
3. Плахова А. Исследование: восприятие цвета зависит от языка. 7 ноября 2018. URL: https://knife.media/language-and-color/ (дата обращения 15.06.2022).
4. Simner J., Hubbard E. M. Variants of synesthesia interact in cognitive tasks: Evidence for implicit associations and late connectivity in cross-talk theories // Neuroscience. 2006. Vol. 143 (3). P. 805–814.
5. Dael N., Sierro G., Mohr C. Affect-related synesthesias: a prospective view on their existence, expression and underlying mechanisms // Frontiers in Psychology. 2013. Vol. 4. Article 754. URL: https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00754
6. Price M. C., Mattingley J. B. Automaticity in sequence-space synaesthesia: a critical appraisal of the evidence // Cortex. 2013. Vol. 49 (5). P. 1165–1186.
7. Greenwald A. G., McGhee D. E., Schwartz J. L. K. Measuring individual differences in implicit cognition: The implicit association test // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. Vol. 74 (6). P. 1464–1480.
8. Бальмонт К. Д. Свѣтозвукъ въ природѣ и свѣтовая симфонія Скрябина. М.: Российское музыкальное издательство, 1917.
9. Марухина С. А. Методы фоносемантических исследований // Ярославский педагогический Вестник. 2013. № 4. Т. 1. (Гуманитарные науки). С. 184–187.
10. Воронин С. В. Основы фоносемантики. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1982.
11. Иванова М. В. Звукоизобразительная лексика в англоязычной детской сказке: дис. … канд. филол. наук. Ленинград, 1990.
12. Журавлев А. П. Фонетическое значение. Ленинград: Издательство Ленинградского университета 1974.
13. Jakobson R. Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze. Uppsala: Uppsala: Almqvist och Wiksells Boktryckeri, 1941.
14. Jacobson R., Fant G., Halle M. Preliminaries to Speech Analysis. The Distinctive Features and their Correlates. Introduction to speech analysis. Cambridge; Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology, 1961.
15. Иванова-Лукьянова Г. Н. О восприятии звуков // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966.
16. Palach J. Parallel Programming with Python. Birminghem; Mumbai: Packt Publishing Ltd, 2014.
17. Православная Энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Электронная версия. URL: https://www.pravenc.ru/ (дата обращения: 21.07.2022).
18. Щерба Л. В. О понятии смешения языков // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград: Наука, 1974. С. 60–74.

REFERENCES

1. Vishnevskaya, G. M., Egorova, A. A. (2009). Zvukoizobrazitel'nost' v tradicionnoj anglijskoj detskoj poezii = Sound representation in traditional English children's poetry. Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet. (In Russ.)
2. Luria, A. R. (1975). Oshchushchenije i vosprijatije. Materialy k kursu lekcij po obshchej psikhologii = Sensation and perception. Materials for a series of lectures on general psychology. Moscow: Publishing House of Moscow State University. (In Russ.)
3. Plakhova, A. (2018). Issledovanije: vosprijatie cveta zavisit ot jazyka = Research: the perception of color depends on the language. November 7, 2018. https://knife.media/language-and-color/ (last accessed on 06/15/2022) (In Russ.).
4. Simner, J., Hubbard, E. M. (2006). Variants of synesthesia interact in cognitive tasks: Evidence for implicit associations and late connectivity in cross-talk theories. Neuroscience, 143(3), 805–814.
5. Dael, N., Sierro, G., Mohr, C. (2013). Affect-related synesthesias: a prospective view on their existence, expression and underlying mechanisms. Frontiers in Psychology, Article 754. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00754
6. Price, M. C., Mattingley, J. B. (2013). Automaticity in sequence-space synaesthesia: a critical appraisal of the evidence. Cortex, 49(5), 1165–1186.
7. Greenwald, A. G., McGhee, D. E., Schwartz, J. L. K. (1998). Measuring individual differences in implicit cognition: The implicit association test. Journal of Personality and Social Psychology, 74(6), 1464–1480.
8. Balmont, K. D. (1917). Svetozvuk v prirode i svetovaja simfonija Skrjabina = Light-sound in nature and Scriabin's light symphony. Moscow: Rossijskoe muzykal'noe izdatel'stvo. (In Russ.)
9. Marukhina, S. A. (2013). Methods of phonosemantic study in poetry. Jaroslavskij pedagogicheskij Vestnik. Gumanitarnyje nauki, 4(I) (Gumanitarnyje nauki), 184–187. (In Russ.)
10. Voronin, S. V. (1982). Osnovy fonosemantiki = Fundamentals of phonosemantics. Leningrad: Publishing House of the Leningrad University. Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russ.)
11. Ivanova, M. V. (1990). Zvukoizobrazitel'naja leksika v anglojazychnoj detskoj skazke = Sound-representation vocabulary in the English-language children's fairy tales: PhD in Philology. Leningrad. (In Russ.)
12. Zhuravlev, A. P. (1974). Foneticheskoje znachenije = Phonetic meaning. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russ.)
13. Jakobson, R. (1941). Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze. Uppsala: Uppsala: Almqvist och Wiksells Boktryckeri.
14. Jacobson, R., Fant, G., Halle, M. (1961). Preliminaries to speech analysis. The distinctive features and their correlates. Introduction to speech analysis. Cambridge; Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology.
15. Ivanova-Lukyanova, G. N. (1966). O vosprijatii zvukov = On the perception of sounds. Razvitie fonetiki sovremennogo russkogo jazyka (pp. 136–143). Moscow: Nauka. (In Russ.)
16. Palach, J. (2014). Parallel programming with Python. Birminghem; Mumbai: Packt Publishing Ltd.
17. Pravoslavnaja Enciklopedija = Orthodox Encyclopedia (2022), ed. by Patriarch of Moscow and All Russia Kirill. Electronic version. https://www.pravenc.ru/ (accessed on 07/21/2022). (In Russ.)
18. Shcherba, L. V. (1974). O ponjatii smeshenija jazykov = On the concept of mixing languages. In Shcherba, L. V., Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost' (pp. 60–74). Leningrad: Nauka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Потапова Родмонга Кондратьевна
доктор филологических наук, профессор,
действительный член Международной академии информатизации,
директор Института прикладной и математической лингвистики
Московского государственного лингвистического университета

Потапов Всеволод Викторович
доктор филологических наук, старший научный сотрудник
Учебно-научного компьютерного центра филологического факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Померанцев Никита Дмитриевич
аспирант кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Potapova Rodmonga Kondratyevna
Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor,
Full Member of the International Informatization Academy,
Head of Department of Applied and Experimental Linguistics,
Director of Institute of Applied and Mathematical Linguistics of Moscow State Linguistic University

Potapov Vsevolod Viktorovich
Doctor of Philology (Dr. habil.),
Senior Researcher of the Centre of New Technologies for Humanities,
Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University

Pomerantsev Nikita Dmitrievich
post-graduate student of the Department of Applied and Experimental Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 10.05.2022
одобрена после рецензирования 19.05.2022
принята к публикации 10.09.2022

The article was submitted 10.05.2022
approved after reviewing 19.05.2022
accepted for publication 10.09.2022

Научная статья
УДК 81-139
DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_83

Подходы к сентимент-анализу

М. О. Семенова
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
mariaurahara@mail.ru

Аннотация. Сентимент-анализ – это процесс по анализу эмоциональной тональности фрагментов текста или речи. Согласно используемому подходу, классификация эмоций состоит из двух этапов. На первом этапе текст разделяют на дискурсивные единицы по методу Хёрста, и определяют эмоцию каждой дискурсивной единицы на основе частоты эмоциональных слов, содержащихся в этой единице. На втором этапе осуществляется работа с предложениями, в которых появляется эмоция, и классифицируется эмоция каждого предложения методом, подходящим для такого типа предложения.

Ключевые слова: сентимент-анализ, электронный текст, корпуса, нейролингвистическое программирование, интертекст, сегментирование текста

Для цитирования: Семенова М. О. Подходы к сентимент-анализу // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 12 (867). С. 83–87. DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_83

Original article

Sentiment Analysis Approaches

Mariia O. Semenova
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
mariaurahara@mail.ru

Abstract. Sentiment analysis is the process of analyzing the emotional tonality of fragments of text or speech. According to the approach used, the classification of emotions consists of two stages. At the first stage, the text is divided into discursive units according to the Hearst method, and the emotion of each discursive unit is determined based on the frequency of emotional words contained in this unit. At the second stage, work is carried out with sentences in which an emotion appears, and the emotion of each sentence is classified by a method suitable for this type of sentence.

Keywords: sentiment analysis, E-text, corpora, NLP, intertextuality, segmentation

For citation: Semenova, M. O. (2022). Sentiment Analysis Approaches. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(867). С. 83–87. 10.52070/2542-2197_2022_12_867_83

ВВЕДЕНИЕ

Художественный текст особенно расположен к эмоционально окрашенному содержанию. В литературном жанре сказок такие эмоции, как счастье и гнев, связанные с ними когнитивные состояния, например, любовь или ненависть, становятся неотъемлемыми частями сюжета истории и, следовательно, имеют особое значение. Более того, рассказчик, читающий историю, интерпретирует эмоции, чтобы устно передать историю таким образом, чтобы она ожила и привлекла внимание слушателей.

В речи можно эффективно выражать эмоции, изменяя просодию, высоту тона, интенсивность и длительность сигналов в потоке речи. Таким образом, для того, чтобы синтез текста в речь звучал как можно более естественно и увлекательно, важно сохранить тональную составляющую. Однако это подразумевает, что сначала необходимо определить эмоциональное значение соответствующего отрывка текста, в этом и заключается суть сентимент-анализа.

Учитывая тот факт, что сентимент-анализ применяется к содержащему контекст неструктуризированному тексту, и успех анализа зависит от определённого числа факторов, нужно уметь различать личное мнение автора и факты, идентифицировать ошибки в синтаксисе, отличать иронию и сарказм. Обнаружить такие субъективные моменты достаточно трудно из-за разной интерпретации предложений.

Существует два основных подхода к сентимент-анализу: включающий анализ лексического состава и основанный на написании нейросетей. Согласно лексическому сентимент-анализу составляются списки эмоционально окрашенных слов. Ориентированный на лексику сентимент-анализ подразделяется на основанный на словарях и на корпусах.Большая часть ранних исследований в области сентимент-анализа была сосредоточена на прилагательных или адъективных группах как на основном источнике субъективного содержания в тексте.

В целом, семантическая ориентация текста – это совокупный эффект прилагательных или соответствующих слов, найденных в нем, на основе списка эмоционально окрашенных слов. Словарь может быть создан различными способами: вручную, с использованием соответствующих словарей, таких как General Inquirer или полуавтоматически, используя такие ресурсы, как WordNet. Словарь также может быть создан автоматически с помощью ассоциации, где оценка для каждого нового прилагательного рассчитывается с использованием проиндексированной частоты близости этого прилагательного к одному или нескольким ключевым словам.

Ключевые слова – это небольшой набор слов с сильными негативными или позитивными ассоциациями. В принципе, положительное прилагательное должно чаще встречаться рядом с положительными ключевыми словами и, таким образом, оно получит высокий положительный индекс, в то время как отрицательные прилагательные будут чаще всего встречаться рядом с отрицательными ключевыми словами, таким образом, получая отрицательный индекс. Словари, созданные с помощью поисковой системы Google, хотя и пригодны для использования, нестабильны. При повторном запуске системы результаты для каждого слова могут измениться.

Очевидный подход к отрицанию состоит в том, чтобы просто поменять полярность лексического элемента рядом с отрицающим словом, изменив good (+3) на not good (-3). Существуют отрицающие слова, в том числе not, none, nobody, never и nothing, которые имеют эквивалентный эффект, воздействующий на значительном расстоянии от лексического элемента, на который они влияют.

Проблемы со сдвигом полярности, вероятно, были бы решены путем точной настройки значений и модификаторов сентиментальной ориентации.

Одним из интересных аспектов прагматики отрицания является то, что негативные утверждения, как правило, воспринимаются как более выраженные, чем их позитивные аналоги, как с прагматической, так и с психологической точки зрения.

Отрицание, как правило, выражается эвфемистическими способами, что затрудняет выявление негативных настроений в целом.

Корпусный подход тоже начинается со списков эмоционально окрашенных слов, он может включать также анализ синтаксических моделей (например, если два слова соединены конъюнкцией). Начальный список слов генерируется статистическими методами. Для улучшения результатов лексический подход можно комбинировать с методами машинного обучения.

Глубокое обучение появилось десять лет назад и успело стать мощной техникой машинного обучения с очень хорошими результатами во многих областях применения, таких как обработка естественного текста.

Emotion Mining – это компьютерные системы для интеллектуального автоматического извлечения так называемой «субъективной»» информации (эмоций, личной точки зрения и т. д.).

Основной трудностью такого рода исследований является классификация эмоций. Среди

множества классификаций эмоций признание получила модель Экмана, согласно которой различают шесть основных эмоций.

Исследования, направленные на классификацию текста по полярности (положительные / отрицательные), доминируют в сентимент-анализе.

При компьютерной обработке в сентимент-анализе текст без четкой структуры приводит к ошибкам. Неправильно написанные слова, ирония и сарказм, сложноподчиненные предложения, сравнительные обороты, нейтральные (объективные) предложения затрудняют удачный анализ.

АНАЛИЗ ТОНАЛЬНОСТИ СЛОВ

В работах Гордона Олпорта акцент сделан на том, что для идентификации отдельных эмоций нет нужды в эволюционном взгляде на эмоции [Allport, 1924]. Сентимент-анализ в наше время ориентирован на фиксирование определенных ключевых слов, статистические показатели по которым могут служить основой определения эмоциональной тональности [Ekman, 1972].

Отслеживание таких показателей в электронных библиотеках может служить нескольким целям:

1) поиск и отбор по заданным эмоциональным характеристикам (какие из сказок братьев Гримм больше всего внушают ужас? пятая или же шестая серия Шерлока является образчиком британского юмора?);
2) социальный анализ (по дистрибуции тех или иных эмоционально окрашенных слов можно проанализировать отношение к определенным слоям населения в конкретный временной период);
3) компаративный анализ литературных работ (в какой степени отличается использование эмоционально окрашенной лексики женщинами-авторами и мужчинами-авторами).

Различные показатели эмоций для целевого термина были найдены путем определения класса интенсивности эмоций. Для определенной пары термин-эмоция класс интенсивности – это степень эмоций, которые вызывает слово.

Значительный процент существительных, глаголов, прилагательных и наречий вызывает ассоциации. Наречия и прилагательные являются одними из самых провокативных в плане эмоций, и это неудивительно, учитывая, что они используются для обозначения существительного или глагола.

Классификация эмоций включает два этапа. На первом этапе текст разбивается на дискурсивные единицы методом, часто используемым при сегментации текста, а эмоции каждой дискурсивной единицы классифицируются на основе частоты эмоциональных слов, содержащихся в такой единице. На втором этапе осуществляется категоризация эмоции каждого предложения с учетом типа предложения и эмоциональных слов, содержащихся в предложении.

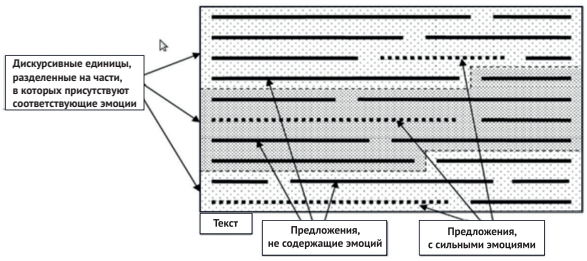


Рис. 1. Разбивка текста

На рисунке 1 представлена иллюстрация разбивки текста. Каждой единице дискурса соответствует определенная эмоция. Предельные значения интонационных параметров, высоты и силы тона, а также темпа речи не приписывают для всей единицы дискурса, поскольку цель этого этапа – передать атмосферу каждой единицы дискурса. Между тем озвучивание предложения с более сильной эмоциональной составляющей в рамках единицы дискурса осуществляется со строго контролируемыми интонационными параметрами, при этом может быть выражена более сильная эмоция.

АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В последние годы было написано множество работ по анализу тональности больших массивов текстов. Чем длиннее предложение, тем легче оценить его структуру с точки зрения эмоциональной тональности.

На этапе объективной категоризации эмоций текст разбивают на единицы дискурса и определяют эмоцию, выраженную в каждой такой единице. При разбивке текста на дискурсивные единицы применялся алгоритм разбивки текста на ячейки (text tiling) [Hearst, 1994]. Часть текста делится путем размещения двух блоков в тексте; аналогичный уровень между двумя блоками рассчитывается по уравнению (1).

$$sim(b_1, b_2) = \frac{\sum_t w_{t,b_1} w_{t,b_2}}{\sqrt{\sum_t w_{t,b_1}{}^2 \sum_t w_{t,b_2}{}^2}} \qquad (1)$$

Где *t* — это слова, которые встречаются в тексте, а *wtbi* — вес слова *t* в контексте блока *i*. Такой вес, как

правило, рассчитывается как частота слова в блоке. Наконец, точки разделения определяются в тех точках, где аналогичный уровень ниже критерия.

Хотя слово *t* обычно относится к одному слову, относят его к группе слов с одинаковым значением с учетом данных тезауруса [National Language Laboratory in Japan, 2002]. Такое расширение от слов к синонимам может повысить значение сходства в уравнении (1).

Для определения эмоции, выраженной в каждой дискурсивной единице, помечают все существительные, прилагательные и наречия, встречающиеся в такой единице, как приятные, неприятные или нейтральные, используя словарь эмоциональных слов, и определяют эмоцию каждой единицы с учетом частоты приятности или неприятности.

Для точного анализа эмоциональной тональности необходимо анализировать тексты в более широком контексте, т. е. в больших коллекциях.

С учётом целевого текста система должна определять, какие слова существуют в нашем лексиконе эмоций и вычислять такие отношения, как количество слов, связанных с эмоциями, к общему количеству слов в тексте. Этот простой подход может быть ненадежным при определении того, выражает ли конкретное предложение определенную эмоцию, но он надежен в определении того, какой кусок текста имеет больше эмоциональных выражений.

Классификация эмоций разделена на два процесса. В ходе одного процесса текст разбивается на дискурсивные единицы с помощью метода, который часто используется при сегментации текста, и эмоции каждой единицы дискурса просто классифицируются на основе частоты употребления эмоциональных слов, распределенных по всему тексту. В результате второго процесса эмоция каждого предложения классифицируются по типу предложения.

Грамматическая структура простого предложения получается путем морфологического анализа и анализа зависимостей. Морфологический анализ — это метод разделения предложения на морфемы, которые являются примитивами предложения, причем каждой морфеме соответствует та или иная часть речи. С другой стороны, анализ зависимостей определяет зависимость между предложениями. О структуре предложения можно судить на основе результатов этих двух анализов. Используют три типа предложений: предложение с прилагательным, предложение с существительным и предложение с глаголом.

После того, как был определен тип предложения, осуществляется его классификация по одной из вышеупомянутых пяти эмоций с использованием словаря эмоциональных элементов.

Предложение с прилагательным и предложение с существительным соответствуют английскому предложению, S + V + C. В прилагательном предложении C – это прилагательное, а в предложении с существительным – существительное. Глагольное предложение соответствует модели S + V или S + V + O. На эмоцию предложений с прилагательным / существительным влияет эмоция прилагательного или существительного в роли дополнения, как показано на примерах ниже. В этих случаях прилагательное и существительное становятся элементами, содержащими эмоцию.

This book is interesting. –
«Эта книга является интересной».
эмоция предложения = Радость 1.0
S : Эта (This) (нейтральное)
книга (book) = Нейтральное
V : является (is)
C : интересной (interesting) = Радость 1.0

Эмоция предложений с глаголами определяется сочетанием существительного в роли подлежащего и глаголом в роли сказуемого, как в примере ниже. В таком случае эмоциональный тон задается комбинацией.

A hateful enemy loses. –
«Ненавистный враг проигрывает».
эмоция предложения = Радость 0,7
S : Ненавистный (A hateful) (Злость 0,9)
враг (enemy) = Враждебность
V : проигрывает (loses) = Горе 0,8

Как видно из этих примеров, эмоция предложения с глаголом изменяется с эмоции глагола в зависимости от подлежащего. Словарь эмоциональных элементов также содержит эти комбинации.

Чтобы определить эмоцию, которая выражается в каждом блоке дискурса, помечают все существительные, прилагательные и наречия, появившиеся в единице дискурса, маркерами приятных эмоций, неприятных или нейтральных, и определение эмоций каждой единицы происходит на основе частоты встречаемости в тексте приятных или неприятных эмоций.

В классификации локальных эмоций простое предложение относится к одной из пяти эмоций: радость, печаль, гнев, удивление и нейтральная эмоция, такое соотнесение основано на грамматической структуре и эмоционально окрашенных словах.

Морфологический анализ – это метод разделения предложения на морфемы, которые являются элементарными частями предложения. После обнаружения шаблона предложения оно соотносится с одной из пяти эмоций, упомянутых выше.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отталкиваясь от процедур морфологического анализа и анализа эмоционально окрашенных слов, можно провести первичный сентимент-анализ. Система, предложенная в этой статье, позволяет объективно классифицировать эмоцию текста согласно распределению эмоциональных слов и классифицировать эмоцию предложения согласно эмоции существительных, прилагательных или глаголов, включенных в предложение, не стремясь к пониманию смысла текста. Отсутствие размеченных данных – один из важных тормозов для более быстрого развития добычи эмоций.

Одно предложение может содержать одновременно и удивление, и гнев, и, возможно, страх, поэтому соотнесение фрагмента текста с той или иной эмоцией иногда невозможно. В последнее время метод глубокого обучения становится все более и более популярен в сентимент-анализе. Применяются в глубоком обучении и искусственные нейронные сети, распознающие семантические отношения в тексте.

Технология искусственного интеллекта была разработана достаточно давно, однако понимание смысла текста до сих пор не всегда представляется возможным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Allport F. H. Social psychology. Boston: Houghton Mifflin, 1924.
2. Ekman P. Universals and cultural differences in facial expressions of emotion. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1972. P. 207–283.
3. Hearst M. A. Multi-Paragraph Segmentation of Expository Text. Proceedings of the 32nd Annual Meeting of Association for Computational Linguistics. 1994. P. 9–16.
4. National Language Laboratory in Japan. Bunrui Goi Hyou. Dainihon Tosyo, 2002.

REFERENCES

1. Allport, F. H. (1924). Social psychology. Boston: Houghton Mifflin.
2. Ekman, P. (1972). Universals and cultural differences in facial expressions of emotion (pp. 207–283). Lincoln, NE: University of Nebraska Press.
3. Hearst, M. A. (1994). Multi-paragraph segmentation of expository text. Proceedings of the 32nd Annual Meeting of Association for Computational Linguistics (pp. 9–16).
4. National Language Laboratory in Japan. (2002). Bunrui Goi Hyou. Dainihon Tosyo.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенова Мария Олеговна

аспирант кафедры переводоведения и практики перевода английского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Semenova Mariia Olegovna

Postgraduate Student of the Department of Translation Studies and Practice of English Translation, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 15.05.2022
одобрена после рецензирования 23.05.2022
принята к публикации 10.09.2022

The article was submitted 15.05.2022
approved after reviewing 23.05.2022
accepted for publication 10.09.2022

Научная статья
УДК 811.113.4
DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_88

Культурологические и лингвистические особенности подготовки синхронного переводчика на примере редкого языка (датского)

А. А. Скачкова[1], А. А. Липачева [2]

[1,2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*skachkowa.anastasya@yandex.ru*
[2]*lalexli@bk.ru*

Аннотация. В статье рассматривается работа синхронного переводчика в рамках языковой пары датский-русский. Цель исследования состоит в описании и разборе лингвистических трудностей, с которыми сталкивается специалист в рамках подготовки к синхронному переводу с редкого языка, с учетом культурологической специфики региона (Гренландия). В статье дается описание различных аспектов подготовки, через которые проходят синхронные переводчики с редким языком.

Ключевые слова: синхронный перевод, датский язык, Гренландия, культурологический аспект, лингвистический аспект, инуитская мифология, гренландская культура, нетождественные когнитивные модели

Для цитирования: Скачкова А. А. Липачева А. А. Культурологические и лингвистические аспекты подготовки синхронного переводчика на примере редкого языка (датского) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 12 (867). С. 88–94. DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_88

Original article

Cultural and Linguistic Aspects of the Preparation of a Simultaneous Interpreter on the Example of a Rare Language (Danish)

Anastasia A. Skachkova[1], Aleksandra A. Lipacheva[2]

[1,2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[1]*skachkowa.anastasya@yandex.ru*
[2]*lalexli@bk.ru*

Abstract. The article describes the work of a simultaneous interpreter within the framework of the Danish-Russian language pair. The purpose of the study is to describe and analyze linguistic difficulties that a specialist faces while preparing for simultaneous interpreting with a rare language, taking into account cultural specifics of the region (Greenland). The article deals with various stages of preparation that simultaneous interpreters with a rare language go through.

Keywords: simultaneous interpreting, Danish, Greenland, cultural aspect, linguistic aspect, Inuit mythology, Greenlandic culture, non-identical cognitive models

For citation: Skachkova, A. A. Lipacheva, A. A. (2022). Cultural and linguistic aspects of the preparation of a simultaneous interpreter on the example of a rare language (Danish). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(867), 88–94. 10.52070/2542-2197_2022_12_867_88

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей статье рассматриваются культурологические особенности подготовки синхронного переводчика в языковой паре датский-русский. Авторы – выпускники магистратуры Московского государственного лингвистического университета по направлению «Устный перевод на международных конференциях», что является уникальным случаем в России, где образовательных программ синхронного перевода с датского языка на данный момент больше нет. Вышесказанное дает основания полагать, что синхронный перевод с датского языка – это уникальный опыт, который может быть спроецирован как на подготовку к дальнейшим переводам с датского, так и с любого редкого языка, поскольку подходы к сбору материала перед мероприятием при работе с различными редкими языками будут взаимно совпадать.

Поскольку речь в данной статье пойдет о синхронном переводе, представляется необходимым, в первую очередь, привести его определение. Синхронным переводом называют перевод, при котором переводчик воспринимает речь оратора через наушники и переводит ее по мере поступления [Ширяев, 1979]. Синхронный перевод в языковой паре английский-русский не является редкостью – это самый насыщенный переводческий сегмент. Кроме того, существует большое количество справочной литературы, созданной для данной языковой пары, что позволяет подготовить большее количество квалифицированных кадров: книги по двустороннему синхронному переводу И. В. Полуяна, «Теория и практика синхронного перевода» Г. В. Чернова, «Конференц-перевод в международных организациях» Б. П. Погодина и многие другие [Полуян, 2019; Чернов, 1978; Погодин, 2015]. Разумеется, советы и навыки, описываемые в этих книгах, применимы и к редким языкам. Однако, языковая пара датский-русский далеко не так популярна, что при удачном стечении обстоятельств дает переводчикам, прошедшим необходимую подготовку, большое конкурентное преимущество.

В сентябре 2021 года авторам посчастливилось поработать на онлайн-мероприятии в качестве синхронных переводчиков в языковой паре датский-русский. В связи с этим стоит отдельно отметить, что в период пандемии коронавируса значительно возрос спрос на RI (remote interpreting), в частности – на RSI (remote simultaneous interpreting). Можно привести статистику платформы Interprefy, согласно отчету которой к концу июня 2020 г. потребление услуг RSI-платформы Interprefy увеличилось в 7 раз по сравнению с началом того же года [Interprefy Press Release, 2020]. Другие облачные RSI-платформы, например, KUDO, Interactio, Speakus, VERSPEAK, VoiceBoxer и сервис Zoom показали сопоставимый рост.

Институт Финляндии в Санкт-Петербурге решил фактически следовать «трендам» и также организовал мероприятие онлайн: это была презентация детской литературы, посвященной проблемам климата, в которой приняли участие несколько скандинавских авторов (из Швеции, Финляндии и Норвегии). Среди них была и гренландская писательница Лана Хансен, представившая свою книгу «Тулугак – мальчик-ворон» (в оригинале – *Sila*) [Хансен, 2021], интервью с которой переводили авторы данной статьи.

Следует отметить, что проблема изменения климата для Скандинавии очень важна, чем и объясняется трепетное отношение местных жителей к природе вокруг. Поэтому знакомить детей с этой актуальной для Северной Европы проблемой начинают уже с малых лет. В качестве примера можно привести книгу «Мулле Мек и звонкий шмель» шведского писателя Геогра Юхансона: книга рассказывает о том, как мальчик – мастер на все руки Мулле Мек – строит дирижабль, чтобы с его помощью отыскать насекомых, которые внезапно куда-то пропали, а ведь без них не выживут ни растения, ни животные [Юхансон, 2021]; книгу «Вода» финских авторов Лауры Эртимо и Сату Континен, которая рассказывает об удивительных свойствах воды и ее роли в поддержании жизни на Земле и фактически представляет собой энциклопедию для детей среднего школьного возраста [Эртимо, 2019]. Этот список можно продолжать.

Отметим, что Гренландия – это одна и тех скандинавских стран, где экологические проблемы стоят наиболее остро. Жители острова ежедневно наблюдают последствия климатических изменений. Согласно отчету Polar Portal от Всемирной метеорологической организации за 2021 год, уже 25 год подряд ледяной щит Гренландии сокращается. На это, в частности, сильно повлиял нехарактерно теплый для этих широт июль 2021 года [Polar Portal Season Report, 2021]. Вот почему гренландцы пытаются с детства привить своим детям заботу о природе и приобщить их к осознанному образу жизни. Таким образом, участие гренландской писательницы на подобном мероприятии не только не выглядело необычным, но стало важной и актуальной составляющей программы, а также вызвало неподдельный интерес со стороны гостей.

Поскольку авторы статьи являются выпускниками лингвистического вуза и владеют датским языком как вторым иностранным, они достаточно

хорошо знакомы не только со спецификой Дании как региона и принадлежащих ей территорий – Фарерских островов и Гренландии. В свете особой тематической составляющей (экология и климат) и культурных особенностей региона, из которого родом оратор, вопрос подготовки к мероприятию для переводчиков встал особенно остро. Имея представление о формате беседы («вопрос – ответ»), но не получив справочных материалов от писательницы или организаторов, переводчики приняли решение самостоятельно очертить круг вопросов для проработки.

Таким образом, авторы статьи очертили круг вопросов для самостоятельной проработки и определили диапазон трудностей, которые могут возникнуть в процессе перевода, что позволило условно разделить процесс подготовки на два этапа / аспекта: ***культурологический*** и ***лингвистический***. Далее авторы рассмотрят трудности, которые возникли в процессе перевода, возможности их предугадать и способы их разрешения на практике.

Рассмотрим упомянутые аспекты подготовки.

Культурологический аспект

В рамках ***культурологического аспекта*** подготовки осуществлялся поиск информации, которая позволила бы создать базу для фоновых знаний переводчика по теме и способствовала бы: а) «подготовке понимания»; б) незамедлительному подбору адекватного эквивалента в процессе перевода.

Во-первых, важным представилось найти сведения об ораторе – авторе книги. Так как автор из Гренландии априори не может быть широко известным, главной задачей стал поиск информации на всех доступных ресурсах (и на всех доступных для переводчиков языках, соответственно). Чтобы найти хоть какие-то сведения о Лане Хансен, авторам пришлось просмотреть множество датских и гренландских сайтов. Не менее примечателен и тот факт, что книга, которую презентовали на мероприятии, вышла на родине уже давно, в 2009 году, поэтому переводчикам пришлось искать старые статьи по ключевым словам из аннотации на сайте российского издательства «Городец».

По фотографиям и кратким описаниям детства автора, переводчики смогли сделать вывод, что сама Лана Хансен является представителем гренландской инуитской культуры. Инуиты – это группа культурно и лингвистически уникальных коренных народов арктических и субарктических регионов, проживающая, в том числе, на территории Калааллит Нунаат (так местные жители называют Гренландию) [Britannica]. Найденная информация позволила прийти к выводу, что, во-первых, автор может использовать в своей речи инуитские (эскимосские) названия и имена (в частности, названия гренландских городов), а, во-вторых, затронуть в своем выступлении тему инуитской мифологии (которой частично и посвящена ее книга).

Конечно, при подготовке к переводу его авторы дополнительно изучили географию Гренландии, отметив для себя названия самых крупных гренландских городов, которые с большой долей вероятности могли бы быть употреблены в выступлении: *Nuuk* (*Godthåb*), *Ilulissat* (*Jakobshavn*), *Quaanaaq* (*Thule*) и некоторые другие. Стоит отметить, что эти названия являются инуитскими. У них есть датские эквиваленты, причем иногда они совпадают полностью (*Upernavik – Upernavik*), иногда различаются незначительно (*Uummannaq – Umanak*), а в некоторых случаях расходятся довольно серьезно (*Quaanaaq – Thule*). В силу особенности произношения названия выбиваются из полотна датской речи, что, однако, не делает их проще для восприятия. Так, например, было выяснено, что родной город автора это *Quaqortoq*. Логично было бы ожидать, что в том или ином контексте автор его упомянет. И это действительно произошло, однако название было произнесено на гренландский манер и очень быстро. В данном случае только общий контекст повествования подсказал, что здесь было произнесено то самое название родного города по-гренландски, благодаря которому переводчикам удалось сохранить связность в переводе и передать необходимую фактическую информацию.

Во-вторых, необходимо было найти сведения о самой книге. В ходе подготовки к переводу переводчикам также удалось выделить ключевые темы произведения и персонажей, о которых с большей долей вероятности будет говорить автор. Первым материалом, доступным нам, стала аннотация книги, размещенная на сайте российского издательства «Городец». Авторы узнали, что книга повествует о маленьком мальчике по имени Тулугак. Он живет в Гренландии и однажды знакомится с Духом льда, который рассказывает ему, что наша планета находится в большой опасности. Чтобы ее спасти, Тулугак отправляется в увлекательное путешествие, полное приключений и испытаний. В аннотации переводчики в первую очередь обратили внимание на двух мифических героев книги – Матерь морей и Духа льда. Теперь было крайне важным найти их оригинальные датские названия, так как они с большой долей вероятности также прозвучат в выступлении автора. Как

выяснилось, это не просто придумка автора, это известные в инуитской мифологии духи, с которыми гренландцы знакомы с детства. Их имена на датском языке звучат как *Havets moder* (Матерь морей) и *Indlandsisens Ånd* (Дух льда). Отметим, что если бы переводчикам не удалось найти в датских статьях названия этих явлений, то единственным выходом было бы предложить собственный перевод. Такой вариант заведомо был бы проигрышным, поскольку в презентации книги участвует сам автор, которая прекрасно знает, как именно на датском зовут героев ее произведения. Конечно, после своего неверного перевода переводчики бы услышали верное название, но, так или иначе, подобные моменты всегда ставят переводчика в неприятное положение. Интересно, что если бы переводчикам все же пришлось переводить самостоятельно, то первый вариант – *Havets moder* – было бы очень вероятно угадать (вторым, менее популярным вариантом был бы *Søens moder*), а вот со вторым вариантом пришлось бы сложнее, ведь дословным переводом стал бы вариант *Isens ånd*. Но у автора в оригинале имя звучит по-другому – *Indlandsinsens ånd*. Отдельно *Indlandsis* можно перевести как «материковый ледник». Более научным и терминологически точным переводом станет «ледяной щит», что означает покровный ледник большой площади. На планете Земля всего два таких ледяных щита – Антарктический и Гренландский [Glossary of Important Terms in Glacial Geology]. Таким образом, можно сделать вывод, что *indlandsis* для гренландца – это не абстрактное географическое понятие «ледяной щит» (как, например, для жителей центральной части России), а что-то близкое. Это земля, по которой гренландцы ходят. Поэтому логично, что гренландский автор решила назвать мифологическое существо в своей книге именно *Inlandsisens ånd*, а не просто *Isens ånd* (что, по сути, просто означало бы какой-то лед). В русском языке мы видим абсолютно нейтральный вариант, который никак не указывает на тесную связь этого понятия с Гренландией, но с учетом потенциальной целевой аудитории книги, такое решение выглядит оправданным.

Еще один интересный момент, который переводчикам пришлось проработать до мероприятия, это название книги. В оригинале она называется *Sila*, а вот русское название звучит как «Тулугак – мальчик-ворон». В своей статье *Klima som Sila* доктор арктических наук, профессор Ольборгского университета Лилл Растад Бьёрст раскрывает понятие *sila*: оно включает в себя не только климат (хотя в целях упрощения эти два понятия часто используются как синонимы), но и мир в целом, твой взгляд на этот мир, твои знания о нем, природа, воздух, жизнь в балансе с природой. В более общем смысле под понятием *sila* понимают восприятие природы, как чего-то живого, с чем необходимо жить в балансе [Bjørst, 2011, с. 89]. Именно этому и учится мальчик Тулугак в книге. Мы видим, что перевод названия оправдан с учетом целевой аудитории (дети младшего школьного возраста), однако переводчику все равно необходимо знать эти детали, так автор может коснуться их во время своего выступления.

Кроме того, важным этапом подготовки к мероприятию, конечно, стало вычленение потенциальных тем, которые могут быть затронуты автором во время выступления. Разумеется, после изучения информации об авторе и о книге, стало ясно: речь пойдет в первую очередь о том, что автор называет *sila* – то есть, не только о климате как таковом или об изменениях климата, но и о смежных с ним понятиях: осознанном образе жизни, сортировке мусора, экономии электричества и т. д. Очертить эти темы не представляется сложным, если посмотреть хотя бы пару выступлений экологических активистов на различных форумах (здесь можно вспомнить выступления мировых лидеров с трибуны ООН, платформу TED Talks, последнюю встречу, посвященную Парижскому соглашению и борьбе с изменением климата, COP26 в Глазго). Однако стало ясно, что в данном случае важно не столько максимально охватить все темы и найти определения всем терминам, сколько очертить круг проблем региона, о котором пойдет речь, другими словами – выделить климатические проблемы Гренландии. В этом случае переводчик, образно говоря, «подстилает себе соломку». Как нельзя лучше этот процесс подготовки описала в своей книге «Как найти свой путь к иностранным языкам: лингвистические и психологические стратегии полиглотов» профессор Дина Борисовна Никуличева, назвав его «подготовкой понимания» [Никуличева, 2009, с. 189]. Речь, конечно же, идет о фоновых знаниях, только в данном контексте они приобретают довольно узкое значение: фоновые знания не общего характера, а довольно специфического, в нашем случае – проблемы климата в Гренландии. Об этом можно многое узнать из новостей и общественной дискуссии, но что такое *sila* или *Indlandsinsens ånd* кратко расшифровать в ходе синхронного перевода не представляется возможным. В связи с этим переводчики очертили круг климатических проблем, которые связаны непосредственно с Гренландией: таяние ледников, повышение уровня мирового океана, потеря биоразнообразия, переход на возобновляемые источники энергии. Невозможно не учитывать тот факт, что в разных городах Гренландии (которые могут

располагаться в различных природных условиях) могут быть актуальными свои климатические проблемы (например, в зависимости от побережья – восточного или западного). В связи с этим здесь также представляется важным упомянуть необходимость изучения географии и названий гренландских городов.

Лингвистический аспект

В рамках ***лингвистического аспекта*** подготовки авторы остановятся на составлении культурологических глоссариев по общей теме «климат» с включением всех смежных тем, а также глоссария с гренландскими словами и их эквивалентами.

В глоссарий по теме «Климат» вошли, например, такие термины как: «необратимые изменения» (*uværgerlige / uoprettelige ændringer*), «возобновляемые источники энергии» (*vedvarende energikilder*), «таяние ледников» (*afsmeltning* – интересно, что в этом датском слове нет как такового слова «лед» – *is*, есть только глагол «таять» с приставкой *af*, означающей уменьшение; то есть таяние ледников насколько очевидный в регионе процесс, что даже термин избавился от слова «лед»), «устойчивое развитие» (*bærdygtig udvikling*), «повышение уровня мирового океана» (*havniveustigning*) и некоторые другие.

Отдельно стоит выделить сложные слова (композиты). Композитами в языках германской группы называют сложные слова, состоящие из двух и более отдельных слов, объединенных общим значением. В датском языке эта модель является очень продуктивной. Здесь стоит отменить «дискретность элементов в составе целого», что демонстрирует тенденцию к аналитизму в датском словообразовании [Никуличева, 2005, с. 114–115]. В контексте предстоящего перевода его авторов, интересовали, прежде всего, композиты со словом *klima*: *klimaforkæmper, klimarådgiver, klimabenægter* и др.

По результатам поиска информации выяснилось, что Лана Хансен часто позиционирует себя как *klimaforkæmper*. Это емкое датское слово можно перевести как «борец с изменением климата». По-русски это звучит не слишком привычно, поэтому для перевода следовало найти более привычный русскому уху эквивалент. Переводчики остановились на вариантах «экологический активист» или же просто «активист». Предпочтение было отдано более краткому второму варианту, так как перед авторами стояла задача синхронного перевода. Также в данном случае допустимо оставить краткий вариант без пояснений, так как общий контекст в любом случае подскажет, о какой сфере идет речь. То же самое можно сказать и о слове *klimabænegter*, которое переводчики включили в глоссарий в связи с неоднократным упоминанием в интервью Ланы Хансен. Полным переводом служила бы описательная фраза «человек, который, несмотря на научно-доказанные факты, продолжает отрицать факт изменения климата» (именно такое определение дает этому термину датско-датский словарь *Den Danske Ordbog*). Емким русским эквивалентом датского слова мог бы стать, например, «климатический скептик», что в синхронном переводе можно сократить до варианта «скептик», так как опять же будет понятно, о какой сфере идет речь. Еще один термин – *klimarådgiver* – переводится как «советник по вопросам климата», но поскольку это конкретная должность или даже министерский чин, сделать перевод короче не представляется возможным.

СОСТАВЛЕНИЕ ГЛОССАРИЕВ

Для составления ***глоссария гренландских слов*** переводчики изучили названия крупных гренландских городов, которые, как уже было упомянуто, имеют свои датские эквиваленты: *Quaanaaq* – *Thule* (Каанаак – Туле, известен во многом тем, что был основан, когда США решили расширить свою военную базу, и часть населения переселилось из соседнего города *Pituffik* на новое место), *Nuuk* – *Godthåb* (датское название используется сейчас довольно редко), *Ilulissat* – *Jakobshavn*. Родной город писательницы – *Quaqortoq* – также имеет датское название: *Julianehåb*.

Культурологический глоссарий был составлен исходя из вопросов автору, подготовленных заранее, которые переводчикам предоставил заказчик.

1) Ваша книга *Sila* (в русском переводе «Тулугак – мальчик-ворон») рассказывает об истории современного мальчика, но в ней есть и герои гренландских мифов: Матерь Морей, Дух льда. Как воспринимают дети в Гренландии эти мифологические сюжеты?
2) Знакомы ли детям эти мифологические образы с раннего детства, из сказок, которые им читают родители?
3) В книге затронута очень важная тема – необходимости бережного отношения к природе. Наверное, для Гренландии эта тема очень актуальна. Как сказывается глобальное потепление на жизни людей в Гренландии? – и многие другие.

Таким образом, глоссарий охватил лексику, касающуюся, в первую очередь,

культурологических различий и слов с широкой семантикой, которые вынуждают синхронного переводчика прибегать к описательному переводу (его переводчик-синхронист использует, когда не удается найти аналог малознакомой или и вовсе неизвестной слушателю реалии [Комиссаров, 1990]). Здесь можно упомянуть и гренландское понятие *sila* (напоминаем, что оно является не просто языковым концептом, но и элементом сознания – инуиты верят в *sila* – в то, что природа живая и имеет свой разум, такой же, как у человека). Здесь интересен еще один пример: человека, потерявшего рассудок, по-гренландски назовут *Silaaruppoq* , так же они назовут и плохую погоду. Таким образом, можно лишний раз убедиться в тесной связи гренландцев с окружающей их природой.

В глоссарий также вошли названия инуитских духов, упомянутых ранее (*Havets moder, Indlandsisens ånd*), а в целях подстраховки были включены и иные элементы, типичные для инуитской мифологии. К сожалению, авторам не представилось возможности прочитать саму книгу до мероприятия, поэтому переводческая подготовка также включала в себя расширение знаний об инуитской мифологии в целом. Из новых понятий в глоссарий вошли: женская сущность *Anarkuagssak*, мужская сущность *Anakkoq*. Все это не столько пригождается в самом переводе, сколько погружает в саму культуру, «подготавливает понимание» и тем самым облегчает перевод. Впоследствии во время своего выступлении автор действительно много говорила об инуитской культуре, об отношении к природе и о том, что детей с малых лет приучают холить и лелеять природу, вести осознанный образ жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бесценный опыт, которому посвящена данная статья, позволил авторам лишний раз убедиться в том, что «за словом в разных языках стоят нетождественные когнитивные модели, а именно эти модели и надо «переводить»» [Пищальникова, 2001]. Для синхронного перевода характерен значительно более высокий уровень потери информации как раз в случае нетождественных когнитивных моделей, однако при качественной подготовке переводчика в рамках культурологического метода, количество этих потерь удается значительно снизить. Глубокое понимание сути дискуссии переводчиком обеспечивает тесное взаимодействие оратора с аудиторией и помогает преодолеть культурологические барьеры между различными собеседниками.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ширяев А. Ф. Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979.
2. Полуян И. В. Очерки по практике перевода 1. М.: Р. Валент, 2019.
3. Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода. М.: Международные отношения, 1978.
4. Погодин Б. П. Конференц-перевод в международных организациях. Рабочие форматы и сценарии. Документация. Лексика. С аудиоприложением. М.: Р. Валент, 2015.
5. Interprefy Press Release. Remote Interpretation Technology Provider Interprefy Witnesses Exponential Growth During Global Lockdown. Press release. 12 August 2020. URL: https://slator.com/press- releases/remote-interpretation-technology-provider-interprefy-witnesses-exponential-growth- during-global-lockdown/
6. Хансен Л. Тулугак. Мальчик-ворон. М.: Городец (НордБук), 2021.
7. Юхансон Г. Мулле Мек и «Звонкий шмель». М.: Мелик-Пашаев, 2021.
8. Эртимо Л. Вода. Книга о самом важном веществе в мире. С иллюстрациями Сату Континен. М.: КомпасГид, 2019.
9. Polar Portal Season Report 2021 // WMO's annual State of the Climate report, January 7, 2022. URL: http://polarportal.dk/fileadmin/user_upload/PolarPortal/season_report/polarportal_saesonrapport_2021_EN.pdf (дата обращения: 17.05.2022).
10. Electronic encyclopedia Britannica // North American Indians. URL: https://www.britannica.com/topic/Inuit-people (дата обращения: 17.05.2022).
11. Glossary of Important Terms in Glacial Geology // Glossary of Glacier Terminology – Text Version. January 12, 2013. URL: https://pubs.usgs.gov/of/2004/1216/text.html (дата обращения: 17.05.2022).
12. Bjørst L. R. Klima som Sila // Tidsskriftet Antropologi nr. 64, 2011. P. 89–101.
13. Никуличева Д. Б. Как найти свой путь к иностранным языкам: лингвистические и психологические стратегии полиглотов: учебно-методическое пособие. М.: Флинта: Наука, 2009.
14. Никуличева Д. Б. Диахронические контрасты в словосложении и аффиксации деривации. Проявление тенденции к аналитической номинации в композитном словообразовании датского языка. Новосибирск, 2005. С. 113–131.
15. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1990.

16. Пищальникова В. А. Диалог культур как программа исследования когнитивных процессов в межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация и перевод: материалы Межвузовской научной конференции. Москва: Московский открытый социальный университет, Институт языкознания РАН, 2002.

REFERENCES

1. Shiryaev, A. F. (1979). Sinkhronnij perevod = Simultaneous interpreting: the activity of a simultaneous interpreter and the teaching methodology of simultaneous interpreting. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
2. Poluyan, I. V. (2019). Ochekri po praktike perevoda 1 = Notes on translation practice 1. Moscow: R.Valent. (In Russ.)
3. Chernov, G. (1978). Teorija i praktika sinkhronnogo perevoda = Theory and practice of simultaneous interpreting. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ).
4. Pogodin, B. (2015). Konferents-perevod v mezhdunarodnykh organizatsyjakh = Conference interpreting in international organizations: Working formats and scenarios. Documentation. Vocabulary. With audio. Moscow: R.Valent. (In Russ).
5. Interprefy Press Release. Remote Interpretation Technology Provider Interprefy Witnesses Exponential Growth During Global Lockdown. Press release. 12 August 2020. https://slator.com/press-releases/remote-interpretation-technology-provider-interprefy-witnesses-exponential-growth- during-global-lockdown/
6. Hansen, L. (2021). Tulugak mal'chik-voron (original "Sila"). Moscow: Gorodez (NordBook). (In Russ.)
7. Johansson, G. (2021). Mulle Meck i zvonkij shmel (original "Mulle Meck och luftskeppet Rummelhumlan"). Moscow: Melik-Pashaev. (In Russ.)
8. Ertimo, L. (2019). Voda: kniga o samom vazhnom veschestve v mire (original "Vesi"). Moscow: KompasGid. (In Russ.)
9. Polar Portal Season Report 2021. WMO's annual State of the Climate report. January 7, 2022. http://polarportal.dk/fileadmin/user_upload/PolarPortal/season_report/polarportal_saesonrapport_2021_EN.pdf
10. Electronic encyclopedia Britannica. North American Indians. https://www.britannica.com/topic/Inuit-people
11. Glossary of Important Terms in Glacial Geology. Glossary of Glacier Terminology – Text Version. January 12, 2013. https://pubs.usgs.gov/of/2004/1216/text.html
12. Bjørst, L. R. (2011). Klima som Sila. Tidsskriftet Antropologi, 64, 89–101.
13. Nikoulicheva, D. (2009). Kak najti svoj put' k inostrannym jazykam = How to find your way to foreign languages: linguistic and psychological strategies of polyglots. Educational and methodical manual. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)
14. Nikoulicheva, D. (2005). Diachronicheskije konstanty v slovoslozhenii i affiksatsii derivatsii = Diachronic constants in composition and derivation affixation. Manifestation of a tendency towards analytical nomination in the composite word-formation in the Danish language. Novosibirsk. (In Russ.)
15. Komissarov, V. (1990). Teorija perevoda = Translation theory (linguistic aspects). The manual for high educational institutions and faculties of foreign languages. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.)
16. Pichal'nikova, V. (2002). Dialog kul'tur = Dialogue of cultures as a program to research cognitive processes in intercultural communication. Intercultural communication and translation: materials of the interinstitutional scientific conference. Moscow Open Social University. Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Скачкова Анастасия Алексеевна

преподаватель кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков
переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

Липачева Александра Андреевна

преподаватель кафедры английского языка как второго
переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Skachkova Anastasia Alekseevna

Lecturer at the Department of Scandinavian, Dutch and Finnish languages,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Lipacheva Aleksandra Andreevna

Lecturer at the Department of English as a second foreign language,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 06.05.2022
одобрена после рецензирования 29.05.2022
принята к публикации 10.09.2022

The article was submitted 06.05.2022
approved after reviewing 29.05.2022
accepted for publication 10.09.2022

Научная статья
УДК 81'25
DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_95

Из истории специального перевода с русского языка на английский в XVIII веке

К. И. Таунзенд[1], М. В. Полубоярова[2]

[1,2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*townsendX@yandex.ru*
[2]*mvp1410@gmail.com*

Аннотация. Авторы статьи вводят в научный оборот истории перевода английский перевод 1764 года русского научного труда С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», изданного в Санкт-Петербурге в 1755 году. Анализ переводческой ситуации и стратегии данного перевода показал, что переводчик Джеймс Грив выполнял задание английских властей, рассматривавших Камчатку как стратегически важную локацию на пути в Америку.

Ключевые слова: история перевода, перевод научных текстов, С. П. Крашенинников «Описание земли Камчатки», Джеймс Грив, история России, XVIII век

Для цитирования: Таунзенд К. И., Полубоярова М. В. Из истории специального перевода с русского языка на английский в XVIII веке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 12 (867). С. 95–105. DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_95

Original article

Scientific Translation from Russian into English: A Case in 18th Century History

Ksenia I. Taunzend[1], Marina V. Poluboyarova[2]

[1,2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[1]*townsendX@yandex.ru*
[2]*mvp1410@gmail.com*

Abstract. The article introduces to scholars the English translation, dating back to 1764, of the Russian scientific work by S. P. Krasheninnikov "The Description of Kamchatka", published in St. Petersburgh in 1755. The study of the translation act and its strategy has revealed that James Grieve, the translator, was carrying out the task, set by the British government, who viewed Kamchatka as a strategically important point on the way to America.

Keywords: ranslation history, scientific translation, S. P. Krasheninnikov "The Description of Kamchatka", James Grieve, history of Russia, 18th century

For citation: Taunzend, K. I., Poluboyarova, M. V. (2022). Scientific translation from Russian into English: A case in 18th century history. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(867), 95–105. 10.52070/2542-2197_2022_12_867_95

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к истории перевода в России петровских и послепетровских времен ясно показывает, что почти все переводы осуществлялись с иностранных языков на русский язык.Данная тенденция была обусловлена четко обозначившимся ориентиром на Запад в государственной, общественной и культурной жизни. Переводческая деятельность в России XVIII века явилась прямым проявлением и ясным отражением происходивших изменений мировоззрения наших соотечественников. Стремление развивать отечественную науку и технику, к примеру, потребовало обращения к научным трудам, учебникам и практическим руководствам на иностранных языках, что породило специальный, или отраслевой перевод как особый вид работы переводчика. Русская художественная литература, начиная с конца XVII века, развивалась и формировала свое жанровое разнообразие во многом под влиянием переводов с французского, немецкого и латинского языков. Итак, переводческая деятельность в России этого периода отвечала интеллектуальным, культурным и практическим запросам общества на иноземные знания, опыт и формы художественного выражения, поэтому речь идет преимущественно о переводах в одном направлении – с иностранного на русский язык.

Закономерно возникает вопрос о наличии фактов перевода с русского на европейские языки. И хотя вектор мировоззрения эпохи априори показывает их исключительный характер, такой факт представлен, например, переводом русского научного сочинения XVIII века на несколько западноевропейских языков. Это труд Степана Петровича Крашенинникова «Описание земли Камчатки», изданный в Санкт-Петербурге в 1755 году и переведенный на английский язык в 1764 году, на немецкий в 1766 году, на французский в 1767 году и на голландский в 1770 году. Обращение европейских переводчиков к русскому оригиналу было вызвано интересом к его теме, ставшей весьма актуальной в контексте кругосветных путешествий, географических открытий и колониальной политики Англии, Франции и Голландии. В качестве подтверждения сказанного вспомним, что знаменитый мореплаватель Джеймс Кук взял с собой в третье и последнее для него кругосветное плавание 1776–1780 годов английский перевод труда С. П. Крашенинникова [Епатко, 2011, с. 109].

Однако несмотря на уникальность подобных переводов, ни один из выше перечисленных переводных текстов не получил научного описания с позиций современного переводоведения, поэтому целью данной статьи является введение в научный оборот английского перевода, выполненного Джеймсом Гривом в 1764 году с русского издания 1755 года «Описание земли Камчатки». Поскольку это первый шаг на пути изучения данного текста, мы видим свою задачу в представлении общей характеристики указанной ситуации перевода в истории, во-первых, с учетом ее прагматических параметров, охватывающих коммуникативные установки автора и переводчика, их задачи, и, во-вторых, с установлением стратегии перевода, проявляющей себя в структурно-содержательной стороне английского текста в сравнении с русским оригиналом. Будучи ограничены рамками научной статьи, мы оставим вне рассмотрения тактические решения переводчика, касающиеся передачи реалий, терминов, подбора ономастических соответствий, отдельных опущений и т. д. Всё это, на наш взгляд, должно стать предметом дальнейших исследований.

КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ОПИСЫВАЕМОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ XVIII ВЕКА

Степан Петрович Крашенинников (1711–1755), автор первого в России монографического труда о Камчатке, был не просто коллегой и современником М. В. Ломоносова, но, наверное, единственным человеком в Академии наук того времени, с кем великий русский ученый имел по-настоящему дружеские отношения. Это говорит о том, как много общего было между ними. Объединяет их и сходство происхождения (один был выходец из крестьян, другой – солдатский сын), и филологическая направленность первичного образования в Славяно-греко-латинской академии, и приверженность идеям национально-культурной самобытности России (оба русских ученых выступили против норманнской теории Миллера и противостояли немецкому засилью в академических кругах). Но, возможно, главным, что объединяло М. В. Ломоносова и С. П. Крашенинникова, было самоотверженное служение своими научными трудами на благо Отечества.

Именно в этом смысле следует рассматривать «Описание земли Камчатки», явившееся результатом участия автора во Второй Камчатской экспедиции 1733–1743 годов и его многолетних полевых исследований. Выехав из Петербурга по заданию Академии наук в 1733 году, С. П. Крашенинников провел три года научной работы в Сибири под руководством профессоров Миллера и Гмелина, а затем последовало четыре года (1737–1741) самостоятельного всестороннего изучения географии,

этнографии, природы и возможностей Камчатки. В 1748 году по официальному поручению академии С. П. Крашенинников приступил к обработке и систематизации собранных материалов, а также к дополнению их наработками покойного профессора Стеллера, изучавшего морской путь от Камчатки до Америки. Так появилась на свет монография «Описание земли Камчатки», которая прошла рецензирование, получив положительный отзыв М. В. Ломоносова и длинный придирчивый отзыв Миллера. После нескольких редакций и одобрения академической комиссией Исторического собрания рукопись поступила в печать в 1755 году. Как следует из истории создания этого труда, он задуман как научная монография, охватывающая масштабный материал и выполненная по государственному заданию.

Согласно критическому изданию этого сочинения с приложением рапортов, донесений и других рукописных материалов С. П. Крашенинникова, осуществленному советскими учеными в 1949 году, «Описание земли Камчатки» вобрало в себя и обобщило результаты множества разноплановых исследований, решения частных научных задач. По словам профессора Н. Н. Степанова, «Крашенинников ездит по Камчатке и пишет "описания путей"; записывает от "иноземцов" – ительменов, коряков и курилов – слова их языка, расспрашивает об их занятиях, быте и верованиях и сочиняет "вокабуляриумы" и этнографические работы; расспрашивает старожилов русских и "иноземцов" о прошлом, о завоевании Камчатки и восстаниях местного населения и пишет историю Камчатки; производит метеорологические обсервации и наблюдает прилив и отлив моря; собирает вещи, характеризующие быт местного населения, и отсылает их в Кунсткамеру; изучает рыб и морских зверей, изучает растительность Камчатки, устраивает опытное поле и производит опыты по выращиванию на Камчатке злаков и овощей и т. д. Будучи не в состоянии охватить сам лично всех направлений и участков развернутой работы, Крашенинников обучает прикомандированных к нему служивых людей, инструктирует, посылает их с отдельными поручениями и получает от них ценный материал. Крашенинников проявил себя на Камчатке не только как прекрасный полевой работник, но и как талантливый организатор научной работы» [Степанов, 1949, с. 34].

Для анализа переводческой ситуации необходимо определить коммуникативное намерение автора оригинала. Исходя из приведенных фактов, мы можем сказать, что С. П. Крашенинников излагал собранную им информацию в разных областях знания для всестороннего научного описания одного из самых удаленных мест своей страны, чтобы такое изучение послужило для развития государственной политики, хозяйства и торговли на Камчатке.

Теперь обратимся к установлению соответствующих параметров английского перевода 1764-го года. Английский переводчик Джеймс Грив (James Grieve, ? – 1773) по профессии был врачом, достигшим немалых высот в своей специальности. Окончив в 1733 году Эдинбургский университет со степенью доктора медицины, он уже на следующий год получил право медицинской практики в России, где проработал много лет в разных городах – Казани, Оренбурге, Санкт-Петербурге, а с 1751 года в Москве. Временно вернувшись на родину в 1753 году и став там членом двух королевских обществ врачей, Дж. Грив снова отправился в Россию теперь уже на должность личного врача императрицы, где прослужил до 1763-го года.[1] По возвращении в Англию он издал свой перевод «The History of Kamtschatka», представлявший монографию С. П. Крашенинникова на английском языке. В течение жизни Дж. Грив выполнил еще один перевод, который был непосредственно связан с его профессией. Это трактат Авла Корнелия Цельса «О медицине», переданный английским врачом с латинского языка и возрождавший античные знания по медицине в его стране.

При обращении к переводческой деятельности Грива закономерно встает вопрос о его мотивации к созданию перевода о Камчатке. В предисловии к своему английскому тексту он пишет:

> The gentleman, who undertook this translation only for his amusement, was frequently interrupted in the course of the work by the necessary duty of his profession… [The History … 1764].

Однако такая форма развлечения или досуга для врача, занятого большую часть времени своим основным делом, кажется маловероятной в качестве мотивации к переводу двухтомного научного сочинения, затрагивающего области самых разных наук. При отсутствии иных сведений о деятельности Дж. Грива в России любой ответ на поставленный вопрос будет носить гипотетический характер. И в таком случае мы не исключаем выполнение доктором этого перевода по заданию английских властей. Косвенным подтверждением сказанного может служить факт предоставления этого перевода капитану Куку вместе с задачей его третьей экспедиции найти сообщение между Атлантическим и Тихим океаном в северной его

[1] URL: www.wikipedia.org/wiki/James_Grieve_(Scottish_translator)

части, чтобы обеспечить Великобритании более короткий путь в Азию и Америку.

В этой связи вспомним судьбу одного из участников того плавания – капрала морской пехоты Джона Ледиарда, который по возвращении из кругосветного путешествия снова приехал в Россию, чтобы открыть торговый путь через Камчатку и Аляску в США. Однако ему не удалось доехать дальше Урала, поскольку Екатерина II распорядилась выслать его из страны [Епатко, 2011, с. 109]. Но это было уже в конце XVIII века. А в середине 1730-х годов, когда Джеймс Грив начал свою врачебную практику в России, господство иноземцев в государственной и общественной жизни страны было повсеместным. Тут можно назвать имена Э. И. Бирона, А. И. Остермана, Х. Г. Манштейна, Б. Х. Миниха и др. В данном контексте версия о разведывательном характере деятельности английского доктора Джеймса Грива как в гвардейском госпитале, так и в статусе личного врача императрицы Елизаветы Петровны не представляется совершенно невероятной. Тогда принятие им столь сложной задачи по переводу книги С. П. Крашенинникова становится вполне понятным.

Подобная мотивация переводчика смещает его коммуникативную установку в сторону утилитарного подхода, т. е. цель перевода смещается с необходимости передать всю фактическую информацию научного оригинала к стремлению выбрать те части содержания, которые потенциально могут служить интересам своей страны. Изучив таким образом коммуникативно-функциональные параметры данной переводческой ситуации, обратимся к сопоставительному анализу структуры и содержания русского оригинала и английского перевода XVIII века.

СТРАТЕГИЯ АНГЛИЙСКОГО ПЕРЕВОДА 1764 ГОДА

В предисловии к своему тексту английский переводчик довольно ясно излагает общую направленность своих действий. А поскольку данный текст не введен в научный оборот истории перевода и не известен широкому кругу филологов, приведем слова Джеймса Грива с небольшими сокращениями:

> This work is divided into four parts. The first, which is entirely geographical, and in the original makes eleven chapters, is here abridged and reduced to four, as the author had minutely described a great number of hills and rivers which did not serve to illustrate the subject. <...> The second part contains the natural history. This part has also been greatly contracted, from the design of offering to the reader nothing but what was really useful, curious or entertaining; <...> The third part of this work has been most considerably abridged, as in treating of the manners, customs and religion of this barbarous nation it was loaded with absurd practices, idle ceremonies and unaccountable superstitions. <...> The fourth contains the first discovery, conquest and planting of Russian colonies in the country of Kamtschatka. This part is divided into eight chapters, giving a relation of several expeditions both by sea and land made into that country. <...> It likewise gives a particular account of the forts built there by the Russians as well for the protection of their settlements as to keep the natives in awe [The History ... 1764].

Как показывает приведенное описание переводчиком своих действий по передаче содержания оригинала, ключевыми словами у Дж. Грива являются *abridged*, *reduced*, *contracted*, что означает, что русский текст подвергся переструктурированию и компрессии в английском переводе. Объяснением такого подхода служит опущение тех частей содержания оригинала, которые, по мнению переводчика, были признаны нерелевантными по критерию утилитарности.

Проиллюстрируем подход Дж. Грива сопоставлением оглавления русского сочинения С. П. Крашенинникова с порядком следования глав в переводе, поскольку оглавление как отдельный элемент отсутствует в доступном нам английском издании 1764 года.

Таблица 1

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА

С. П. Крашенинников «Описание земли Камчатки» (1755)		**“The History of Kamtschatka and the Kurilski islands” translated into English by James Grieve (1764)**	
№ главы	**Название**	**Chapter**	**Title**
Часть I. О Камчатке и о странах, которые в соседстве с нею находятся		Part I. A geographical description of Kamtschatka and of the coasts and islands adjacent to it	

С. П. Крашенинников «Описание земли Камчатки» (1755)		"The History of Kamtschatka and the Kurilski islands" translated into English by James Grieve (1764)	
№ главы	Название	Chapter	Title
Глава 1	О положении Камчатки, о пределах ея и о состоянии вообще	Ch. 1	Of Kamtschatka
Глава 2	О реке Камчатке		
Глава 3	О реке Тигиле		
Глава 4	О Кыкше или о большой реке		
Глава 5	О реке Аваче		
Глава 6	О реках, текущих в Восточный океан от Авачи на север до реки Камчатки и от Камчатки до реки Кораги и до Анадыря		
Глава 7	О реках, впадающих в то же море от Авачи на юг до Курильской лопатки, и от Курильской лопатки в Пенжинское море на север до Тигиля и до Пустой реки		
Глава 8	О реках, текущих в Пенжинское море от Пустой до реки Пенжины и оттуду до Охотского острога и до реки Амура		
Глава 9	О Курильских островах	Ch. 2	Of the roads in Kamtschatka
Глава 10	О Америке и о некоторых островах, лежащих между Америкою и Камчаткою	Ch. 3	Of the Kurilski islands
Глава 11	О проезжих камчатских дорогах	Ch. 4	Of America
Часть II. О выгоде и о недостатках земли Камчатской		Part II. The natural history of Kamtschatka	
Глава 1	О свойствах камчатской земли в рассуждении недостатков ея и изобилия	Ch. 1	Of the soil
Глава 2	О огнедышущих горах и происходящих от них опасностях	Ch. 2	Of the volcano's or burning mountains
Глава 3	О горячих ключах	Ch. 3	Of the hot springs
Глава 4	О металлах и минералах камчатских	Ch. 4	Of the metals and minerals
Глава 5	О произрастающих особливо, которые до содержания тамошних народов касаются	Ch. 5	Of trees and plants
Глава 6	О зверях земных	Ch. 6	Of the land animals
Глава 7	О Витимском соболином промысле	Ch. 7	Of the Vitimsky sables and the method of bunting them
Глава 8	О зверях морских	Ch. 8	Of the sea beasts
Глава 9	О рыбах	Ch. 9	Of fishes
Глава 10	О птицах	Ch. 10	Of the birds
Глава 11	О насекомых и гадах	Ch. 11	Of insects
Глава 12	О приливе и отливе Пенжинского моря и Восточного океана	Ch. 12	Of the tides in the Penschinska Sea and Eastern Ocean

С. П. Крашенинников «Описание земли Камчатки» (1755)		"The History of Kamtschatka and the Kurilski islands" translated into English by James Grieve (1764)	
№ главы	**Название**	**Chapter**	**Title**
Часть III. О камчатских народах		Part III. Of the natives of Kamtschatka and their customs and manners	
Глава 1	О камчатских народах вообще	Ch. 1	Of the natives of Kamtschatka in general
Глава 2	О камчадалах и от чего имя камчадал происходит	Ch. 2	Some conjectures concerning the names of the Kamtschadales and the other inhabitants of Kamtschatka
Глава 3	О прежнем состоянии камчатского народа, о нынешнем виде и о поступках их	Ch. 3	Of the ancient state of the natives of Kamtschatka
Глава 4	О камчатских острожках	Ch. 4	Of the ostrogs or habitations of the Kamtschadales
Глава 5	О домовой посуде и других потребностях	Ch. 5	Of their household furniture and other necessary utensils
Глава 6	О мужских и женских трудах	Ch. 6	Of the labour appropriated to the different sexes
Глава 7	О платье	Ch. 7	Of their dress
Глава 8	О пище и питии камчатского народа и о приуготовлении оныя	Ch. 8	Of their diet and liquors together with their method of cooking
Глава 9	О езде на собаках	Ch. 9	The method of travelling with dogs and the furniture necessary thereto
Глава 10	О военном ополчении камчадалов	Ch. 10	Of the Kamtschadales' method of making war
Глава 11	О боге и о сотворении земли по их мнению	Ch. 11	The opinion of the Kamtschadales concerning God, the formation of the world and other articles of religion
Глава 12	О шаманах	Ch. 12	Of their shamans or conjurers
Глава 13	О праздниках и церемониях	Ch. 13	Of their ceremonies
Глава 14	О пирах и забавах	Ch. 14	Of their feasts and diversions
Глава 15	О сведении дружества	Ch. 15	Of their friendship and hospitality
Глава 16	О сватанье и свадьбах	Ch. 16	Of their courtship, marriages etc
Глава 17	О плодородии камчадалов, о родах жен их и именах мужских и женских	Ch. 17	Of the birth of their children
Глава 18	О болезнях и лечении	Ch. 18	Of their diseases and remedies
Глава 19	О погребении умерших	Ch. 19	Of the burial of the dead
Глава 20	О разных наречиях камчатского народа	Ch. 20	---------- /no title/
Глава 21	О коряцком народе	Ch. 21	Of the nation of the Koreki
Глава 22	О курилах	Ch. 22	Account of the nation of the Kuriles

С. П. Крашенинников «Описание земли Камчатки» (1755)		"The History of Kamtschatka and the Kurilski islands" translated into English by James Grieve (1764)	
№ главы	Название	Chapter	Title
Часть IV. О покорении Камчатки, о бывших в разные времена бунтах, изменах и о нынешнем состоянии тамошних российских острогов		Part IV. Of the conquest of Kamtschatka	
Глава 1	О первом покорении Камчатки	Ch. 1	Of the first discoveries made of Kamtschatka and the planting of Russian colonies there
Глава 2	О бунте тамошних казаков, о убийстве трех приказчиков и о следствии того убийства	Ch. 2	Of the mutiny of the Cossacks and their discovery of the islands lying between Kamtschatka and Japan
Глава 3	О приказчиках, бывших после Василья Колесова до главного Камчатского бунта, что при котором достойного примечания сделалось; о приключении при вывозе ясашной казны с Камчатки; и о проведании пути из Охотска на Камчатку чрез Пенжинское море	Ch. 3	Of the commissaries who succeeded Vasili Kolesof until the great insurrection at Kamtschatka with the discovery of a passage through the Penschinska Sea from Ochotska to Kamtschatka
Глава 4	О измене камчадалов и о сожжении Нижнего камчатского острога, о покорении их и о бывшем по тому делу следствии и розыске	Ch. 4	Of the rebellion of Kamtschatka, the burning of the Lower Fort, the subjection of the rebels and their punishment
Глава 5	О камчатских острогах, о их преимуществе и недостатках и о нынешнем их состоянии	Ch. 5	The present state of the forts and villages of Kamtschatka with a particular account of each
Глава 6	О тамошних жителях и о их содержании	Ch. 6	Of the manner in which the Cossacks live there, of their distillery, provisions etc
Глава 7	О подчиненных каждому острогу камчатских и коряжских острожках, о ясачном сборе с них и о казенных доходах	Ch. 7	Of their trade
Глава 8	О купечестве	Ch. 8	The different roads between Yakutski and Kamtschatka
Глава 9	О разных дорогах, которыми из Якутска на Камчатку переезжать можно		

Здесь наибольший интерес представляет первая часть, в которой восемь глав оригинала сокращаются до одной главы в переводе. Попутно заметим, что опущения, иногда значительные по объему, присутствуют во всех разделах перевода, как явствует из сопоставления объемов этих книг – два тома по 456 и 368 страниц соответственно в русском оригинале и один том в 322 страницы в переводе. Однако сокращение первой части наиболее очевидно даже при беглом взгляде, поэтому попробуем установить критерии, по которым переводчик избирательно подходил к передаче содержания оригинала.

Сопоставление первых восьми глав оригинала и первой главы перевода позволило установить, что английский переводчик передает описание только крупных рек – Камчатки, Тигила, Большой реки (Кыкши) и Авачи. Всю информацию об их притоках, озерцах и озерах, протоках, болотах, сопках, оврагах, а также об острожках и возможностях транспортного сообщения во внутренней части этой земли Дж. Грив опускает. С одной стороны, такие действия переводчика вполне объяснимы, если обратиться к русскому тексту этих описаний. Вот наиболее типичный пример:

> В версте от речки Еелля следует речка Кромаун, от Кромауна в 6 верстах Геккааль, от Геккааля верстах в 4 Чиде-Кыг, от Чиде-Кыга в версте другая Чиде-Кыг, от ней в 2 верстах Кахун-камак, от Кахун-камака в версте Рану-кухольчь, оттуду верстах в 8 Кейлюгычь, а напоследок другой Кейлюгычь, который от первого в 2 верстах. Сия речка хотя и не больше прочих, однако ж достойнее примечания, 1) потому что над нею стоит последний острожек присуду верхнего Камчатского острога, 2) что в 5 верстах от ея устья к северу начинается Кроноцкой нос, по-камчатски Кураякун, который по объявлению камчадалов выдался в море столько же далеко, как Шипунской, а шириною оной около пятидесяти верст [Крашенинников, 1755, т. 1, с. 47].

Приведенный фрагмент сочинения С. П. Крашенинникова как самый распространенный пример описания внутренней части полуострова буквально соткан из гидронимов камчатского происхождения, которые перемежаются русскими реалиями (верста, острожек, острог, присуд). Очевидно, что перевод подобного текста на любой язык потребует обширной прагматической адаптации в виде сопутствующих карт и пояснительных примечаний. А учитывая, что русская монография С. П. Крашенинникова включала в себя сведения из многих областей знания, такой перевод в современном представлении должен был бы осуществляться несколькими переводчиками при участии научного редактора. Однако в XVIII веке такая практика отсутствовала, поэтому можно предположить, что Джеймс Грив опускал фрагменты оригинала, которые являлись непереводимыми без прагматической адаптации.

С другой стороны, в переводе первой части мы встречаем отрезки весьма сходные с приведенным по содержанию, но переданные переводчиком довольно точно с небольшими сокращениями. Рассмотрим такой пример в сопоставлении с оригиналом.

«Описание земли Камчатки» (1755)	“The History of Kamtschatka” (1764)
Покача течет из одного места с рекою Глотовою, которая с северо-восточной стороны в Олютору впала. От устья реки Калкиной, где был построен первый Олюторский острог, до реки Покачи пять дней ходу вьюшными оленями, считая на каждый день по 30 и по 40 верст. Между Катыркою и Анадырем вытянулся далеко в море каменный нос, называемый Катырский, которого изголовь в том месте, где так именуемая Анадырская Корга против Анадырского устья кончится, которое в 64°45’ находится. А всего расстояния от Петропавловской гавани до устья Анадыря считается по долготе к востоку 19°20’, что касается до морского берега, то оной от самого Чукотского носу, которого конец по примечанию морской экспедиции от Курильской Лопатки в северо-восточной стороне в 67° ширины, по большей части гористо, особливо же в тех местах, где носы вытянулись в море [Крашенинников, 1755, т. 1, с. 62–63]	The Pockatska rises in the same plain with the river Glotova, which runs from the north-east into the Olutora. From the Kalkina, where was built the first Olutorsky fort, to the river Pockatska is five days’ journey with rein-deer, reckoning for each day between 30 and 40 versts. Between the Katurka and the land opposite to Anadir, there projects into the sea a rocky cape called Kateerskoy in 64° 45’ north latitude. The distance from the Petropavlovskaya haven to the mouth of the Anadir, as observed by the sea officers, is 19° 20’; and the sea coast from the Kurilskaya Lopatka to the Tchukotskoi cape, north east, which lies in 67°, is for the most part mountainous, especially in those places where the capes project into the sea [The History of Kamtschatka … 1764, c. 18]

В приведенном примере мы видим также обилие топонимов, совершенно чуждых английскому языку, и часто встречающиеся у автора реалии (острог, верста, вьючные олени). Но в отличие от приведенного ранее фрагмента все это не препятствовало переводчику передать топонимы и «версту» транслитерацией, а другие реалии – подбором функционального аналога. В чем же заключается различие, побуждавшее Дж. Грива опускать полностью одни и довольно точно переводить другие фрагменты аналогичного содержания?

Сначала посмотрим, как объясняет свои решения сам переводчик. В разных местах первой части английского перевода мы встречаем следующие строки, не имеющие соответствия в русском оригинале:

> There are a multitude of rivulets that fall into the Eastern Ocean <…> but being of small notice we shall only remark anything that may be curious relating to them [Крашенинников, 1755, т. 1, с. 15].

> There is little worth notice after you pass the above-mentioned island, till you come… [там же, с. 18].

В научном труде С. П. Крашенинникова как в подлинном исследовании ничего не сказано о

природных объектах, недостойных упоминания. Значит, английский переводчик выбирал «достойные передачи» части содержания по собственному усмотрению, о критериях которого можно судить по следующему небольшому добавлению Дж. Грива при переводе описания реки Авачи.

«Описание земли Камчатки» (1755)	"The History of Kamtschatka" (1764)
Сия река величиною почти не уступает большой реке, однако не принимает в себя столько знатных речек, как оная, но вместо того славна помянутою губою, в которую течет, и которая по ней Авачинскою называется [Крашенинников, 1755, т. 1, с. 36].	This river is very near as large as the last and of more utility [The History of Kamtschatka ... 1764, с. 14].

В географическом описании в оригинале ничего не говорится о практической ценности реки, а переводчик делает краткое добавление о ее полезности. Чем же она могла быть полезна в представлении англичанина? Ответ заключается в последующем описании Авачинской губы, или Петропавловской гавани, которое Джеймс Грив переводит со скрупулезной точностью. Ведь именно сюда уже после смерти и автора, и переводчика пришли корабли экспедиции капитана Кука, и им была весьма полезна подробная информация о гаванях и поселениях на побережье, куда можно пристать, пополнить запасы и пр.

Итак, выбор переводчика при опущении одних отрезков оригинала и сохранении других был продиктован утилитарными соображениями, согласно которым географическое описание внутренней части полуострова не представляло интереса, а знание рельефа и ресурсов морского побережья Камчатки было необходимо английским мореплавателям, бороздившим просторы океанов и присматривавшим новые земли во владение своей страны. Именно поэтому Джеймс Грив не упустил ничего из «Описания земли Камчатки», что касалось ее морских берегов и крупных рек, по которым возможна навигация.

В рамках того же утилитарного подхода английский переводчик сохраняет структуру и основное содержание второй и третьей частей оригинала, описывающих природные ресурсы Камчатки, ее население, быт и нравы. Ведь в состав экспедиции любого кругосветного плавания обязательно входили астроном, ученый-натуралист и художник, которые должны были фиксировать любые факты из натуральной истории неизведанной земли, куда на короткий срок приходили их корабли. А труд С. П. Крашенинникова представлял собой результат четырехлетних полевых исследований только в пределах Камчатки, что в глазах английского переводчика давало готовые сведения для будущих экспедиций его страны.

Только одна глава третьей части была им опущена полностью. Это глава 20, в оригинале посвященная «собранию слов разных камчатских наречий», которые С. П. Крашенинников представил в виде таблицы:

> В столбе А содержится наречие северных камчадалов, Б – южных, а в столбе В – живущих от Воровской реки на север почти до Тигиля [Крашенинников, 1755, т. 2, с. 138].

Английский переводчик передает содержание этой главы следующими несколькими строками:

> This chapter in the original contains an account of three different dialects of the Kamtschadales; which, as they are very unintelligible to an English reader, we thought proper to omit [The History of Kamtschatka ... 1764, с. 222].

Действительно, сравнительное изучение местных наречий представляло исключительно научный интерес и не имело практической пользы, что еще раз показывает целевую установку английского переводчика.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги сопоставительного изучения английского перевода 1764 года «The History of Kamtschatka» и русского научного труда С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» 1755 года, мы можем заключить, что данный перевод нельзя признать эквивалентным, так как он передает содержание оригинала выборочно. Таким образом, указание в «Словаре русских писателей XVIII века» на этот текст как на полный перевод [Мальцева, 1999] является ошибочным. Работа Джеймса Грива по созданию английского варианта русского научного сочинения выполнялась, как показал анализ прагматической ситуации перевода, согласно заранее поставленной сверхзадаче – получить всю необходимую английским властям информацию о возможности пребывания на Камчатке как стратегически важной локации на пути в Америку. По

соответствию ей данный переводной текст можно считать адекватным и обладающим определенной прагматической ценностью (В. Н. Комиссаров), поскольку в конкретных исторических условиях он представлял английскому получателю необходимые для него части содержания оригинала.

С позиций современной науки английский перевод Джеймса Грива нельзя назвать реферативным, хотя последнее предполагает переструктурирование и компрессию оригинала в процессе межъязыковой коммуникации. Реферирование как разновидность переводческой деятельности означает передачу основных мыслей исходного текста при опущении второстепенной информации и частных деталей. Критерии выбора английского переводчика определялись не степенью важности фактических сведений, излагаемых в русском оригинале, а соображениями утилитарного характера. На этом основании перевод Дж. Грива можно назвать выборочным.

В заключении следует отметить, что сопоставление немецкого, французского и голландского переводов XVIII века с русским текстом С. П. Крашенинникова могло бы пролить свет на стратегии других переводчиков, что позволило бы сделать интересные наблюдения о сходстве или различии их прагматических установок, о традициях передачи научных сочинений, о видении и представлении русской науки в других странах. Хочется верить, что подобное изучение истории перевода в Европе XVIII века найдет своих исследователей в недалеком будущем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Епатко А. Ю. Экспедиция Джеймса Кука на Камчатке // Гангут. 2011. Т. 66. С. 107–117.
2. Степанов Н. Н. Степан Петрович Крашенинников и его труд «Описание земли Камчатки» // С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.–Л.: Издательство Главсевморпути, 1949. С. 13–86.
3. The History of Kamtschatka and the Kurilski Islands with the countries adjacent, illustrated with maps and cuts. Published at Petersbourg in the Russian language and translated into English by James Grieve. M. D. London, 1764.
4. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки: в 2 т. СПб.: при Императорской Академии наук, 1755.
5. Мальцева И. М. Крашенинников Степан Петрович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. К–П. СПб., 1999. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=1180

REFERENCES

1. Epatko, A. Yu. (2011). Jekspedicija Dzhejmsa Kuka na Kamchatke = J. Cook's expedition in Kamchatka. Gangut, 66, 107–117. (In Russ.)
2. Stepanov, N. N. (1949). Stepan Petrovich Krasheninnikov i ego trud «Opisanie zemli Kamchatki» = Stepan Petrovich Krasheninnikov and his work "The Description of Kamchatka". S. P. Krasheninnikov. Opisanie zemli Kamchatki. S prilozheniem raportov, donesenij i drugih neopublikovannyh materialov (pp. 13–86). Moscow–Leningrad: Izdatel'stvo Glavsevmorputi. (In Russ.)
3. The History of Kamtschatka and the Kurilski Islands with the countries adjacent; illustrated with maps and cuts. Published at Petersbourg in the Russian language and translated into English by James Grieve, M. D. London, 1764.
4. Krasheninnikov, S. P. (1755). Opisanie zemli Kamchatki = The Description of Kamchatka: in 2 vols. St.Petersburg: pri Imperatorskoj Akademii nauk. (In Russ.)
5. Mal'ceva, I. M. (1999). Krasheninnikov Stepan Petrovich. Slovar' russkih pisatelej XVIII veka. St.Petersburg. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Таунзенд Ксения Игоревна
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры переводоведения и практики перевода английского языка
переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

Полубоярова Марина Владимировна
кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой переводоведения и практики перевода
английского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Taunsend Ksenia Igorevna
Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor,
Professor at the Department of Translation Studies and Translation and Interpreting (the English Language),
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Poluboyarova Marina Vladimirovna
PhD (Philology), Associate Professor,
Head of the Department of Translation Studies and Translation and Interpreting (the English Language),
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 06.05.2022
одобрена после рецензирования 29.05.2022
принята к публикации 10.09.2022

The article was submitted 06.05.2022
approved after reviewing 29.05.2022
accepted for publication 10.09.2022

Научная статья
УДК 81'367
DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_106

Шведская модальная частица ju как средство формальной и смысловой связности в диалогическом тексте

Ю. В. Филинова
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
yulia.filinova@mail.ru

Аннотация. Частица ju – наиболее распространенная модальная частица шведского языка. Она употребляется в диалоге в самых разнообразных контекстах и обладает большим количеством прагматических значений и функций. Настоящая статья посвящена способности ju связывать высказывания и реплики, обеспечивая когезию и когерентность диалогического текста. В итоге утверждается, что главной функцией данной частицы является анафорическая.

Ключевые слова: шведский язык, модальные частицы, диалог, связность текста

Для цитирования: Филинова Ю. В. Шведская модальная частица *ju* как средство формальной и смысловой связности в диалогическом тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Год 2022. Вып. 12 (867). С. 106–112. DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_102

Original article

The Swedish Modal Particle ju as a Means of Cohesion and Coherence in Dialogic Texts

Yulia V. Filinova
Moscow State linguistic University, Moscow, Russia
yulia.filinova@mail.ru

Abstract. The particle *ju* is the most common modal particle in the Swedish language. It is used in in a wide variety of dialogic contexts and has various pragmatic meanings and functions. This article focuses on the particle's ability to connect utterances and dialogic turns, thus insuring dialog cohesion and coherence. A conclusion is drawn that the main function of the particle in question is anaphoric.

Keywords: the Swedish language, modal particles, dialog, text coherence

For citation: Filinova, Y. V. (2022). The Swedish modal particle *ju* as a means of cohesion and coherence in dialogic texts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(867), 106–112. 10.52070/2542-2197_2022_12_867_106

ВВЕДЕНИЕ

Частица *ju* – «самая распространенная частица в шведском языке» [Järnefelt, 2019, с. 14]. Она обладает крайне размытой семантикой и, соответственно, «самым большим количеством прагматических значений» [Aijmer, 1977, с. 40; Eriksson, 1988, с. 208]. Модальные частицы – особый класс слов, в которых с наибольшей полнотой представлен весь комплекс модальных значений, – они являются эпистемическими модераторами (эпистемическая модальность – «отношение говорящего к содержанию пропозиции с точки зрения ее достоверности и меры своей ответственности за нее перед слушающим» [Крылова, 2012, с. 16]) и обладают «способностью выражать малым многое, "кодировать" все многообразие прагматических значений, связывать высказывание с отношением говорящего к сообщаемому, с другими высказываниями, соотносить его с ситуацией непосредственного действия» [Николаева, 2005, с. 7]. Одна из основных характерных особенностей модальных частиц в любом языке – «употребление преимущественно в устной речи» [Petersson, 2006, с. 38]. Некоторые исследователи относят модальные частицы к группе дискурсивных частиц (Lindström) или вспомогательных коммуникативных единиц (Викторова), основная функция которых – обеспечивать формальную связность и смысловую целостность текста и, таким образом, «регулировать развитие диалога» [Lindström, 2008, с. 78; Викторова, 2017]. Эта функция оказывается невероятно важной в контексте диалогической речи, поскольку диалог как форма речевого общения, для которой характерно наличие как минимум двух участников, предполагает активное взаимодействие обоих интерактантов – субъекта (говорящего) и объекта (слушающего). Говорящий стремится донести свою мысль до слушающего, а слушающий – воспринять эту мысль как можно более точно.

Диалог строится по определенным правилам, среди всего прочего, «в соответствии с принципами кооперации Г. Грайса, в частности с максимой релевантности, поскольку эта максима определяет, как диалогические шаги собеседников сцепляются в определенную последовательность и формируют диалогический текст» [Володина, 2012, с. 25]; для того, чтобы слушающий смог понять сообщение, задача говорящего – построить связный диалог, причем эта связность должна быть как формальной – между высказываниями или репликами (когезия), так и смысловой – на уровне коммуникативных ситуаций (когерентность). «План выражения категории связности представлен просодическими, лексико-семантическими, морфологическими и синтаксическими средствами. Лексическая и грамматическая когезия наиболее противопоставлены друг другу» [Милевская, 2003, с. 13]. В данной статье мы рассмотрим модальную частицу *ju* с точки зрения ее роли в обеспечении когезии и когерентности текста на формальном – семантическом и логическом – и смысловом – коммуникативном – уровнях. Исследование проводится на материале одной из пьес современного шведского драматурга Л. Нурена – «Тихая музыка» [Norén, 2014, с. 13–56]. Теоретической основой исследования послужили труды как российских, так и зарубежных исследователей: М. С. Володиной, Т. Н. Николаевой, Т. В. Милевской, Э. Б. Крыловой, К. Аймер, Я. Линдстрёма и др.

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ШВЕДСКИХ МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ

Несмотря на различные подходы к рассмотрению класса модальных слов, все шведские лингвисты единогласно относят к модальным частицам три лексемы – *ju*, *väl* и *nog*. Все они (хотя *nog* и с некоторыми оговорками) соответствуют критериям, выработанным К. Аймер [Aijmer, 1977, с. 96], а именно:

- стоят в безударной позиции в предложении (просодический критерий);
- являются одноморфемными образованиями (морфологический критерий);
- выполняют различные модальные и прагматические функции, от которых зависит их семантика (функциональный критерий);
- в большем объеме представлены в устной речи и имеют, помимо модальных, интерактивные функции (стилистический критерий);
- занимают определенную синтаксическую позицию в предложении: после личной формы глагола во вводящей пропозиции (главном предложении), не могут использоваться самостоятельно и выступать в качестве отдельных ответных реплик (синтаксический критерий).

Одной из определяющих особенностей модальных частиц является то, что они «не имеют собственного лексического значения и их семантику можно определить как прагматическую» [Крылова, 2021, с. 31]. «Значение, а также модальная функция частицы определяется актуальным контекстом» [Petersson, 2006, с. 34]. Семантическая гибкость позволяет им привносить в высказывания самые разнообразные оттенки значений. Коммуникативная направленность частиц позволяет отнести их к диалогическим.

Особый интерес представляет способность модальных частиц функционировать в тексте в качестве средства связности как на формальном уровне когезии, так и на смысловом уровне когерентности [Володина, 2012]. Иначе это свойство называют локальной / внутритекстовой и глобальной связностью [Милевская, 2003] или связностью и целостностью текста / дискурса. Шведские исследователи К. Аймер, Я. Линдстрём и др., занимавшиеся исследованием модальных частиц, упоминали эту их способность, однако не анализировали ее на конкретных примерах.

ХАРАКТЕРИСТИКА МОДАЛЬНОЙ ЧАСТИЦЫ JU

Частица *ju* относится к эпистемическим средствам аффирмативной модальности: она призвана помочь говорящему «воздействовать на субъективный мир слушающего, чтобы убедить его в достоверности пропозиции, отвести его сомнения или иную точку зрения. Инвариантной функцией всех средств аффирмативной модальности является функция воздействия на субъективный мир слушающего для подтверждения достоверности высказывания» [Крылова, 2012, с. 88; Aijmer, 1977, с. 400]. В результате этого воздействия у слушателя обычно не остается сомнений в достоверности пропозиции, представленной говорящим, за счет того, что частица *ju* выражает, что «эта пропозиция имеет некий источник, способный доказать ее истинность» [Aijmer, 1977, с. 400]. Этим источником может быть «говорящий, слушающий или некое третье лицо / событие, известное им обоим» [Eriksson, 1988, с. 22].

Как средство аффирмативной модальности частица *ju* употребляется преимущественно в простых предложениях, реже – в главном предложении и никогда в придаточном. Она фигурирует в декларативных речевых актах сообщения и убеждения: говорящий сообщает некий факт о себе, собеседнике или мире в целом, чтобы что-то объяснить собеседнику, или в качестве аргумента, чтобы убедить или переубедить его в чем-то или побудить на какое-то действие. При этом, как пишет Бергквист, «основная ответственность за достоверность пропозиции – ложится на говорящего, говорящий имеет безусловный эпистемический авторитет» [Bergqvist, 2020, с. 491], что обусловливает то, что субъект пропозиции в подобных высказываниях чаще всего выражен местоимением 1-го лица единственного или множественного числа. В проанализированной нами пьесе число таких примеров составило 30 % от общего количества употреблений (18 против восьми примеров с частицей *väl*).

Даже будучи диалогической частицей, *ju* может употребляться и в условно монологических репликах, где мы наблюдаем внутренний монолог или «диалог» говорящего с самим собой. В монологической реплике говорящий относительно долго рассказывает или описывает что-то, не передавая коммуникативную инициативу собеседнику, реплика ориентирована, прежде всего, на него самого. Тем не менее это не значит, что «такая реплика оторвана от взаимодействия с остальными участниками коммуникации» [Svensson, 2009, с. 22] – функция воздействия на собеседника сохраняется, хотя и в несколько ослабленном виде. В подобных репликах субъект пропозиции выражен преимущественно местоимением 1-го лица единственного числа *jag*.

Помимо модальной и коммуникативных функций К. Аймер выделяет анафорическую функцию частицы *ju*, которая означает способность связывать на две ситуации («эксплицировать отношения между предыдущим и настоящим высказываниями» [Aijmer, 1996, с. 212]). Ее выводы находят подтверждение в Шведской академической грамматике, где говорится, что *ju* в составе высказывания отсылает слушателя к источнику, к которому у него есть доступ и которым он может воспользоваться для проверки достоверности высказывания говорящего [Teleman, Hellberg, Andersson, 1999, с. 114]. Предложение с *ju* вводит реакцию говорящего на предыдущую фразу – свою собственную или собеседника.

М. Эрикссон в своем исследовании также делает вывод о том, что *ju* призвана «прояснить связь между высказываниями» [Eriksson, 1988, с. 92].

ЧАСТИЦА JU КАК СРЕДСТВО КОГЕЗИИ И КОГЕРЕНТНОСТИ ТЕКСТА

В проанализированной нами пьесе обнаружилось 58 употреблений частицы *ju*, что составляет 53 % от общего количества обнаруженных частиц (109). В ходе исследования мы анализировали способность частицы обеспечивать связность:

- на семантическом уровне;
- на логическом уровне;
- на коммуникативном уровне

В монологических репликах высказывание с *ju* чаще всего связано с высказыванием говорящего в рамках одной реплики:

Johanna: ...Det var ett recept som jag såg i tidningen. <...> Jag tänkte att vi kunde äta det någon gång. *Jonas*: Ja, det såg jag också. Jag tänkte själv att jag skulle riva ut det. <...> Men jag tror att jag slängde tidningen imorse. Jag tror att jag slängde den utan att tänka på det. Jag vet inte vad jag tänkte på. Jag tänkte **ju** att vi skulle testa det till helgen. <...> Jag glömde bara bort det. *Johanna*: Nu kom du ihåg det.	*Юханна*: ...Я увидела в газете один рецепт. <...> Подумала, что его можно будет как-нибудь опробовать. *Юнас*: Да, я его тоже видел. И тоже подумал, что стоит его вырезать. <...> Но утром я, кажется, выбросил газету. Я ее, кажется, выбросил, не подумав о рецепте. Не знаю, о чем я думал. Я **же** думал опробовать его на выходных. <...> Я просто забыл о нем. *Юханна*: Ну, вот теперь ты о нем вспомнил.

В этом примере говорящий рассуждает о ситуации с рецептом. Мы наблюдаем его внутренний монолог, при этом сама реплика не выключена из диалогического единства – говорящий начинает ее, реагируя на реплику собеседника, а собеседник, в свою очередь, дает на нее определенную реакцию в завершение диалогического единства. Мы наблюдаем много повторов (*tror*, *tänkte*, *slängde*) и синтаксический параллелизм (*Jag tänkte själv att...*; *Men jag tror att...*; *Jag tänkte ju att...*) – эти средства обеспечивают связность реплики и в то же время на коммуникативном уровне отражают растерянность говорящего. В высказывании с *ju* говорящий апеллирует к собственному знанию: он сам помнит, что хотел приготовить блюдо по этому рецепту (*Я **же** думал опробовать его на выходных*). Частица сигнализирует об уверенности говорящего в наличии этого предыдущего знания (*bakgrundskunskap*) и, таким образом, семантически связывает настоящую ситуацию с предыдущей, где было это знание. В то же время на логическом уровне мы наблюдаем каузальную связь высказывания с *ju* с предыдущим высказыванием говорящего (*Не знаю, о чем я думал, потому что я хотел опробовать его*). Убрав частицу, эту связь мы не обнаруживаем. Это свидетельствует о том, что частица является средством связи между высказываниями. При этом мы везде наблюдаем левостороннюю, анафорическую связь: *ju* реализует анафорическую функцию. В коммуникативном плане роль частицы в качестве средства связности не прослеживается, поскольку говорящий апеллирует в первую очередь к собственному знанию.

И всё же большинство случаев употребления частицы относится к диалогическим репликам. Когда говорящий сообщает собеседнику некий факт, относящийся к ним обоим, мы чаще всего также наблюдаем каузальные отношения между высказываниями говорящего:

Johanna: Hon skulle åka någonstans? *Jonas*: Ja. Till Lund, tror jag. Hon kommer hem på lördag... Jag vet inte, det var nån konferens. *Olof*: Det var fint att ni kunde vara med... Vi har **ju** känt varandra sen gymnasiet. Ni är **ju** våra äldsta vänner trots allt. Vi har **ju** gjort så mycket tillsammans. Kommer du ihåg när vi träffades första gången? *Jonas*: På gymnasiet... Ja, det kommer jag ihåg.	*Юханна*: Она [Агнета] собиралась уехать? *Юнас*: Да. Вроде бы, в Лунд. Она вернется в субботу... Какая-то конференция, точно не знаю... *Улоф*: Как хорошо, что вы смогли прийти... Мы **ведь** знаем друг друга со старшей школы. Вы **ведь** как-никак наши самые старые друзья. Мы **ведь** через столько всего прошли вместе. Помнишь, когда мы встретились в первый раз? *Юнас*: В гимназии... Да, помню.

В данном примере Улоф объясняет собеседникам, почему он очень рад их приходу:

> Как хорошо / как я рад, что вы пришли, потому что мы знаем друг друга ... потому что вы наши самые старые друзья...

Таким образом, здесь функция *ju* приближена к функции союзов. С помощью частицы он апеллирует к общему для него и собеседников знанию, чтобы у них не возникло сомнений в его искренности, и семантически связывает данную пропозицию с предыдущей. Связность в коммуникативном плане обеспечивается благодаря тому, что *ju* помогает говорящему выполнить свою коммуникативную задачу – доказать собеседникам искренность своих слов, – апеллируя к общему для него и собеседника знанию. На всех этих уровнях мы также наблюдаем анафорическую функцию *ju*.

В примерах, когда говорящий стремится убедить собеседника в чем-нибудь или побудить его совершить какие-либо действия, высказывание с *ju* звучит в качестве аргумента:

Olof: ...Ska jag dra för gardinerna? <...> *Jonas*: Nej... det är bra. *Olof*: Du sitter **ju** mitt i solskenet. Du ser **ju** ingenting. Jag ser **ju** att du inte ser något. *Jonas*: Nej... det är bra... Jag kan hålla handen för ögonen.	*Улоф*: ...Задернуть шторы? <...> *Юнас*: Нет... так хорошо. *Улоф*: Но ты **же** сидишь прямо на солнце. Ты **же** ничего не видишь. Я **же** вижу, что ты ничего не видишь. *Юнас*: Ничего... все в порядке... Я могу закрыть глаза рукой.

С помощью частицы Улоф апеллирует к чему-то очевидному для него самого и его собеседника в данной ситуации, чтобы убедить его в необходимости задернуть шторы. Таким образом, частица *ju* может выражать значение эвиденциальности, когда говорящий строит свой аргумент на некотором визуальном опыте, в данном случае общем для него и собеседника. При этом первые два высказывания с *ju* связаны с предыдущей репликой собеседника – это реакция говорящего на его отказ: *Мне и так хорошо. – Но ты же ничего не видишь!* В данном случае на логическом уровне *ju* помогает обнаружить противительные отношения между репликами. Третье же высказывание связано с остальными двумя отношениями причины: говорящий дополнительно подчеркивает для собеседника свою правоту: *Я знаю, что ты ничего не видишь, потому что я сижу здесь и наблюдаю это*. Частица связывает текст на коммуникативном уровне, поскольку говорящий обращается к общему для него и собеседника знанию. Однако на семантическом уровне эта функция не реализуется, потому что говорящий апеллирует не к предыдущему знанию, а к тому, что происходит в данный момент. Таким образом, частица реализует анафорическую функцию на логическом и коммуникативном уровнях.

В некоторых случаях высказывание с *ju* может быть связано как с предыдущим высказыванием говорящего, так и с предыдущей репликой собеседника. При этом на логическом уровне частица обнаруживает разные отношения:

Olof: Ni ska väl åka dit... och sitta under... *Johanna*: Nej *Olof*: Lövkronorna... *Karin*: Ja, det är klart. *Johanna*: Jag har **ju** min... jag är **ju** dagpatient...Jag måste gå dit på dagarna. *Karin*: Ja, naturligtvis. *Olof*: Ja, just det... Jaså, gör du det fortfarande...	*Улоф*: Вы поедете туда... будете сидеть под... *Юханна*: Нет. *Улоф*: Кронами деревьев... *Карин*: Да, точно. *Юханна*: У меня **же**... Я **же** лечусь. Должна ходить днем на лечение. *Карин*: Да, конечно. *Улоф*: Да, точно... Значит, ты еще лечишься...

В этом примере Юханна апеллирует к общему для нее и собеседников знанию, которое те в данный момент не учитывают: мы понимаем это из их последующих реплик. С одной стороны, реплика Юханны связана с ее предыдущей репликой ответом «нет» – каузальными отношениями: *Нет,* [*я не могу поехать за город*], *потому что еще лечусь*. С другой стороны, ее реплика связана с высказываниями Улофа и Карин. В последнем случае мы наблюдаем противительные отношения: *Вы поедете туда... – Но я же еще лечусь*. Частица *ju* связывает текст и на семантическом уровне, и на коммуникативном: говорящий отсылает собеседников к их предыдущему знанию. В обоих случаях *ju* реализует анафорическую функцию.

Помимо модальной и коммуникативной функции, частица *ju* может реализовывать связующую функцию в диалоге. Во всех проанализированных нами примерах речь идет об анафорической связи, которая проявляется на разных уровнях и наблюдается как между высказываниями говорящего, так и между репликами говорящего и собеседника.

Следующий пример интересен тем, что на первый взгляд непонятно, к какому знанию обращается говорящий, и требуется проанализировать экстралингвистический контекст:

Karin: Ja. Jag är så glad för att ni kunde komma... *Johanna*: Ja, jag tyckte att jag skulle gå... Vi var **ju** ändå gifta med varandra en gång i tiden... även om det känns nästan overkligt, så länge sedan som det var... *Karin*: Ja.	*Карин*: Да. Я так рада, что вы смогли прийти... *Юханна*: Да, я подумала, что должна прийти... Мы **ведь** все-таки когда-то были супругами... хотя сейчас это кажется почти невозможным, так давно это было... *Карин*: Да.

Этот пример напоминает первый – реплика Юханны имеет отчасти монологический характер. В ней Юханна сообщает некий факт о себе и третьем лице, не участвующем в диалоге. Слушающий реагирует на реплику междометием *ja*, которое можно расценивать как подтверждение слов говорящего и как средство поддержания разговора [Lindström, 2008, с. 89]. Определить, что говорящий обращается к предыдущему знанию, общему для него и собеседника, и рассчитывает на то, что собеседник это знание в данный момент учитывает, можно только прочитав пьесу сначала и узнав, что эти женщины встречаются на похоронах Улофа – бывшего мужа Юханны, который потом женился на Карин, и, соответственно, Карин об этом прекрасно знает.

Таким образом, частица связывает текст как на семантическом, так и на коммуникативном уровне. С точки зрения логики мы снова наблюдаем каузальные отношения («Я подумала, что должна прийти, потому что мы когда-то были супругами»). Здесь *ju* реализует анафорическую функцию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что частица *ju* обладает анафорической функцией, которая проявляется в связывании реплик не только на семантическом и коммуникативном уровнях, что обеспечивается способностью частицы апеллировать к общему для говорящего и собеседника знанию и отсылать как собеседника, так и читателей к некой ситуации в прошлом, но и на уровне логических отношений, что позволяет говорить о наличии у *ju* союзной функции и может стать темой дальнейших исследований. Логическая связь определяется речевым актом, который формирует высказывание с частицей: в речевых актах сообщения и объяснения мы чаще всего наблюдаем каузальную связь между высказыванием с *ju* и предыдущим высказыванием собеседника в рамках одной или нескольких реплик, тогда как в речевых актах возражения и убеждения доминируют противительные отношения между репликой с *ju* и предыдущей репликой собеседника. Все высказывания с *ju* являются анафорическими. Это позволяет предположить, что анафорическая функция является характерной особенностью данной частицы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Järnefelt P. Nog är ju viktigt: The role of modal particles nog and ju in responsibility attribution in L1 and L2 speakers. Master thesis. Stockholm: Stockholm University, 2019.
2. Aijmer K. Partiklarna ju och väl. Nysvenska studier 57. Uppsala, 1977.
3. Eriksson, M. Ju, väl, då, va, alltså – en undersökning av talaktsadverbial i stockholmskt talspråk. Studier i stockholmsspråk 1. Stockholm: Stockholms universitet, 1988.
4. Крылова Э. Б. Система и функции модальных частиц в датском языке: дис. … д-ра филол. наук. М., 2012.
5. Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Едиториал УРСС, 2005.
6. Petersson D. Inte, nog och visst i mittfält och fundament. Lund: Lunds universitet, 2006.
7. Lindström J. Tur och ordning. Introduktion till svensk samtalsgrammatik. Stockholm: Norstedts akademiska förlag, 2008.
8. Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса // Филология и человек. 2017. № 1. С. 162–167.
9. Володина М. С. Средства формальной и смысловой связности в диалогическом тексте: дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2012.
10. Милевская Т. В. Связность как категория дискурса и текста: дис. … д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003.
11. Norén L. Dramer. Stockholm: Albert Bonniers förlag, 2014.
12. Крылова Э. Б. Коммуникативные функции модальных частиц в датском языке. М.: МАКС Пресс, 2021.
13. Bergqvist H. Swedish modal particles as markers of engagement: evidence from distribution and frequency // Folia Linguistica. De Gruyter Mouton, 2020. Vol. 54 (2). P. 469–496.
14. Svensson G. Diskurspartiklar hos ungdomar i mångspråkiga miljöer i Malmö. Lund: Lunds universitet, 2009.
15. Aijmer K. Swedish modal particles in a contrastive perspective // Language Sciences. Elsevier, 1996. Vol. 18 P. 393–427.
16. Teleman U., Hellberg S., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik. Vol. 1, 4. Stockholm: Norstedts, 1999.

REFERENCES

1. Järnefelt, P. (2019). Nog är ju viktigt: The role of modal particles nog and ju in responsibility attribution in L1 and L2 speakers. Master thesis. Stockholm: Stockholm University.
2. Aijmer, K. (1977). Partiklarna ju och väl. Nysvenska studier 57. Uppsala.

3. Eriksson, M. (1988). Ju, väl, då, va, alltså – en undersökning av talaktsadverbial i stockholmskt talspråk. Studier i stockholmsspråk 1. Stockholm: Stockholms universitet.
4. Krylova, E. B. (2012). Sistema i funktsii modal'nykh chastits v datskom iazyke = The system and functions of modal particles in Danish: Senior Doctoral thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
5. Nikolajeva, T. M. (2005). Funktsii chastits v vyskazyvanii (na materiale slavyanskih yazykov) = Functions of particles in an utterance (based on the material of Slavic languages). Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
6. Petersson, D. (2006). Inte, nog och visst i mittfält och fundament. Lund: Lunds universitet.
7. Lindström, J. (2008). Tur och ordning. Introduktion till svensk samtalsgrammatik. Stockholm: Norstedts akademiska förlag.
8. Viktorova, E. Y. (2017). Vspomogatelnaya sistema diskursa = Auxiliary system of discourse. Filologija i chelovek, 1, 162–167. (In Russ.)
9. Volodina M. S. (2012). Sredstva formalnoi i smyslovoi svyaznosti v dialogicheskom tekste = Means of formal and semantic coherence in a dialogical text: PhD in Philology. Rostov-na-Donu. (In Russ.)
10. Milevskaya T. V. (2003). Svyaznost kak kategoriya diskursa i teksta = Coherence as a category of discourse and text: Senior Doctoral thesis in Philology. Rostov-na-Donu. (In Russ.)
11. Norén, L. (2014). Dramer. Stockholm: Albert Bonniers förlag. (In Swed.)
12. Krylova, E. B. (2021). Kommunikativnye funktsii modal'nykh chastits v datskom iazyke = Communicative functions of modal particles in the Danish language. Moscow: MAKS Press. (In Russ.)
13. Bergqvist, H. (2020). Swedish modal particles as markers of engagement: evidence from distribution and frequency. Folia Linguistica, 54(2), 469–496. De Gruyter Mouton.
14. Svensson, G. (2009). Diskurspartiklar hos ungdomar i mångspråkiga miljöer i Malmö. Lund: Lunds universitet.
15. Aijmer, K. (1996). Swedish modal particles in a contrastive perspective. Language Sciences, 18, 393–427. Elsevier.
16. Teleman, U., Hellberg, S., Andersson, E. (1999). Svenska Akademiens grammatik. Vol. 1, 4. Stockholm: Norstedts.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Филинова Юлия Владимировна

преподаватель кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков
переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Filinova Yulia Vladimirovna

Lecturer at the Department of Scandinavian, Dutch and Finnish languages,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 06.05.2022
одобрена после рецензирования 29.05.2022
принята к публикации 10.09.2022

The article was submitted 06.05.2022
approved after reviewing 29.05.2022
accepted for publication 10.09.2022

Научная статья
УДК 81'34+81'33 81'42+811.111+81'221
DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_113

О современных тенденциях развития диалектов Немецкой Швейцарии

Е. А. Юкляева
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
e.yuklyaeva@linguanet.ru

Аннотация. В статье формулируются основные социолингвистические характеристики диалектов Немецкой Швейцарии; диалект определяется как существенный признак национальной идентичности немецкоязычных швейцарцев. Анализируется значимость актуальных трендов социального развития для изменений в диалектном ландшафте Немецкой Швейцарии; делается вывод о том, что происходит эрозия традиционной для этого региона диглоссии. Выявлены основные тенденции и потенциал дальнейшего развития алеманнских диалектов в Швейцарии.

Ключевые слова: швейцарские диалекты, германошвейцарцы, «диалектная гордость», «диалектная дискриминация», «усреднение» диалектов, размывание диглоссии

Для цитирования: Юкляева Е. А. О современных тенденциях развития диалектов Немецкой Швейцарии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 12 (867). С. 113–119. DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_113

Original article

On Current Trends in the Development of Dialects in German Speaking Switzerland

Elena A. Yuklyaeva
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e.yuklyaeva@linguanet.ru

Abstract. The article gives an overview of the basic sociolinguistic characteristics of dialects in German speaking Switzerland; the dialect is defined as an essential feature of the national identity of German speaking Swiss. Further to that the article analyzes the significance of certain current trends of social development for changes in the dialect landscape of German speaking Switzerland; it is concluded that currently an erosion of traditional diglossia is occurring. Main trends and further development potential of Alemannic dialects in Switzerland are revealed.

Keywords: Swiss dialects, German-Swiss, "dialect pride", "dialect discrimination", "averaging" of dialects, erosion of diglossia

For citation: Yuklyaeva, E. A. (2022). On current trends in the development of dialects in German speaking Switzerland. Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanities, 12(867), 113–119. 10.52070/2542-2197_2022_12_867_113

ВВЕДЕНИЕ

Швейцария – страна с уникальным лингвистическим многообразием, которое поддерживается на государственном уровне, а швейцарские диалекты практически получили статус национального достояния. Именно многообразие германских диалектов на такой маленькой территории всегда считалось уникальной и обязательной чертой швейцарской идентичности. Так же, как и швейцарский вариант немецкого литературного языка (*Schweizerhochdeutsch*), диалекты Немецкой Швейцарии подвержены изменениям. Скорость таких изменений особенно увеличивается в эпоху возрастающей мобильности населения. В данной статье предпринимается попытка определить основные тенденции развития диалектов Немецкой Швейцарии и найти взаимосвязь между социальными явлениями современного общества и направлениями развития диалектов. Материалами для исследования послужили работы известных современных швейцарских лингвистов, прежде всего, А. Баура, А. Леманна и К. Ландольдта, а также некоторые материалы официальных бюллетеней Федерального собрания Швейцарии (*die Bundesversammlung*), посвященные языковому многообразию страны[1].

В данной статье для обозначения немецкоязычной Швейцарии мы используем термин «Немецкая Швейцария», предложенный в качестве официального Федеральным ведомством статистики Швейцарии (*Bundesamt für Statistik*) в 2005 году в представляемых статистических данных по результатам голосований, где языковые регионы обозначаются уже не как «немецкоязычные, франкоязычные и италоязычные общины», а как «Немецкая, Французская и Итальянская Швейцария»[2].

ДИАЛЕКТЫ НЕМЕЦКОЙ ШВЕЙЦАРИИ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ПРИЗНАКОВ ШВЕЙЦАРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Новая Федеральная Конституция Швейцарской Конфедерации (*Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft vom 18. April 1999. Stand am 1. Januar 2008*)[3] в статье 18 определяет свободу языков (*Sprachenfreiheit*) как одну из конституционных гарантий основных прав граждан Швейцарии. Юридический статус языков на территории Швейцарии регламентируется Основным законом, так как в Швейцарии отсутствует специальный закон о языке. Федеральная Конституция Швейцарской Конфедерации полагает в качестве национальных языков страны немецкий, французский, итальянский и ретороманский. Что касается немецкого языка в Швейцарии, то на практике он реализуется не в классическом литературном варианте, а в различных диалектах, имеющих свои ареалы распространения и сферы применения в немецкоязычных кантонах.

Именно в этом состоит уникальность языковой ситуации в Немецкой Швейцарии и ее значительные отличия от языковых ситуаций в Германии и Австрии. Так как в процессе исторического развития в немецкоязычных кантонах не произошло формирования единого обиходно-разговорного языка (*Umgangssprache*), эту нишу заполнили локальные варианты швейцарского (алеманнского) диалекта *Schwiitzerdüütsch*. Для так называемых германошвейцарцев, которые, согласно статистическим данным за 2020 год, составляют почти 2/3 населения страны (72,5 %)[4], швейцарский немецкий литературный язык является преимущественно формой письменного общения, в устной же речи в основном используются региональные (локальные) диалекты: происходит функциональное использование двух структур одной языковой системы. Поэтому традиционно при рассмотрении швейцарско-немецкой языковой общности принято говорить о диглоссии или о литературно-диалектном двуязычии.

Диглоссия и многообразие диалектов оказывают значительное влияние на языковое самоощущение жителей страны. Поскольку повседневное общение германошвейцарцев между собой происходит исключительно на диалекте, немецкий литературный язык, изучаемый в школах и обладающий по сравнению с алеманнскими диалектами значительными фонологическими, лексическими и грамматическими отличительными признаками, часто воспринимается ими как иностранный язык, имеющий четко ограниченную сферу общения – официальную.

Не случайно свою национальную идентичность немецкоязычные швейцарцы определяют, прежде всего, через свой нейтралитет и свои диалекты: использование диалектов, это тот признак, который позволяет швейцарцам отличаться в первую очередь от немцев. Поэтому, опасаясь возможной потери языковой идентичности и культурного нивелирования, швейцарское общественное мнение в основном настроено против интеграции в общее немецкое языковое пространство с преобладающим влиянием литературного немецкого языка. Выступая в защиту своих диалектов, жители Немецкой Швейцарии также придают особое

[1] Die Bundesversammlung – das Schweizer Parlament. –Amtliches Bulletin. Nationalrat. Bern, 2022. URL: https://www.parlament.ch/de/suche#k=Sprachenvielfalt

[2] URL:http://www.bfs.admin.ch/bfs/portal/de/index/themen/17/03.html

[3] URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1999/404/de

[4] URL: http://www.bfs.admin.ch/bfs/portal/de/index/themen/

значение позитивной историко-политической функции диалектов для поликультурной Швейцарии, так как диалекты олицетворяют политическое многообразие немецкоязычных швейцарских кантонов [Плотникова, 2009]. Необходимо также отметить, что использование диалектов трактуется гражданами Швейцарии как проявление «глубинной демократии», которая находит свое проявление, в том числе, и при общении разных социальных слоев между собой на равных, на одном диалекте.

Очевидно, что диалекты так же, как и литературные языки, в ходе своего развития подвержены постоянным изменениям. Цель нашего исследования – установить, воздействие каких социальных факторов имеет решающее значение для формирования современных тенденций развития диалектов Немецкой Швейцарии, а также определить собственно эти тенденции.

Методика проведения нашего анализа будет включать в себя следующие шаги:

1) сформулировать основные социолингвистические характеристики диалектов Немецкой Швейцарии;
2) проанализировать значимость некоторых актуальных трендов социального развития для возможных изменений в месте и роли диалектов в лингвистическом ландшафте немецкоязычной Швейцарии;
3) выявить основные тенденции и потенциал дальнейшего развития диалектов в Немецкой Швейцарии на современном этапе.

КРАТКАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИАЛЕКТОВ НЕМЕЦКОЙ ШВЕЙЦАРИИ

Диалекты Немецкой Швейцарии – древнейшие диалекты немецкой языковой области, относящиеся к алеманнским диалектам немецкого языка. В основном их можно разделить на южно-алеманнские (Центральная Швейцария, Северная и Восточная Швейцария), горно-алеманнские (альпийский регион), а также в незначительной мере на нижне-алеманнские (Базель) диалекты. На практике сложная система швейцарско-немецких диалектов реализуется через частные диалектные системы, обладающие своим локальным ареалом: практически каждый регион, каждая городская агломерация имеют свой собственный диалект: в Базеле это *Baaseldiitsch,* в Берне – *Baerndütsch*, в Цюрихе – *Züritüütsch*. Тем не менее часто бывает сложно определить четкие границы между ареалами диалектов, которые далеко не всегда совпадают с административными границами кантонов и округов. Макросистема швейцарско-немецкого диалекта соединяет в себе как лингвистические элементы, свойственные большинству алеманнских диалектов, так и региональные специфические особенности диалектных микросистем. Поскольку все такие общие языковые элементы поддиалектов *Schwiizertüütsch* занимают в макросистеме доминирующее положение, выявляемые расхождения между диалектными микросистемами в области лексики, произношения, ритмической структуры и грамматики не носят принципиального характера и по этой причине не приводят к нарушению процесса коммуникации внутри самой макросистемы [Домашнев, 1983].

Швейцарско-немецкие диалекты по фонетическому составу и просодии, грамматическим формам, лексическим единицам и синтаксису остались близки к средневерхненемецкому языку, а на юге – даже к древневерхненемецкому языку IX–XI веков [Sonderegger, 1962]. Поэтому швейцарские диалекты представляют большой интерес для исследователей с точки зрения лексического состава, структуры и семантики лексических единиц. В немецко-швейцарских диалектах удивительным образом сосуществуют и мирно уживаются лексемы из различных эпох: периода индоевропейского единства, иллирийского, кельтского, романского или неизвестного происхождения, и наряду с этим актуальные немецкие неологизмы [Zinsli, 1998].

На сегодняшний день официально признанная письменная форма швейцарских диалектов отсутствует, более того, любая попытка создать унифицированную письменность до сих пор каждый раз проваливалась.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ НОВЫМИ СОЦИАЛЬНЫМИ ЯВЛЕНИЯМИ И ДИАЛЕКТАМИ НЕМЕЦКОЙ ШВЕЙЦАРИИ

Многообразие диалектов на небольшой территории Немецкой Швейцарии всегда считалось уникальной и неотъемлемой чертой швейцарской идентичности. Актуальные опросы, проводимые лингвистами среди германошвейцарцев, подтверждают правильность этого утверждения: согласно результатам этих опросов для швейцарцев имеет большое значение то, что на основе диалектной окраски можно определить их происхождение [Leemann, 2021]. Швейцарские лингвисты даже составили карту так называемой «диалектной гордости» (*"Dialektstolz"*) [Jeszenszky, Steiner, Leemann, 2021], которая характерна для всей области Немецкой Швейцарии. Однако особую интенсивность данное явление приобретает в предальпийских

и альпийских регионах, а в северной Швейцарии (Цюрих), напротив, интенсивность «диалектной гордости» невелика.

Тем не менее некоторые современные социологи и лингвисты считают, что, какими бы объединяющими и формирующими идентичность не были диалекты, у этой медали есть и своя оборотная сторона. Новейшие исследования швейцарских лингвистов, занимающихся диалектологией, приходят к выводу, что *социальное восприятие различных диалектов Немецкой Швейцарии неоднородно*. Так, команда исследователей под руководством А. Лееманна разработала специальную методику проведения тестов, в ходе которых тестов разыгрывались различные сценарии: прием на работу, выбор врача, компаньона для путешествия и т. д. В процессе тестирования испытуемым из разных немецкоязычных кантонов предлагалось сделать выбор между говорящими на бернском диалекте, цюрихском диалекте и на литературном немецком языке. В результате выяснилось, например, что цюрихский диалект более престижен в социальном восприятии, а говорящие на нем воспринимаются как более компетентные лица [Jeszenszky, Steiner, Leemann, 2021]. Победа цюрихского диалекта с большим отрывом во всех «номинациях» объясняется учеными прежде всего притягательностью агломерации Цюриха с ее высоким уровнем экономического развития. Вообще возрастание экономической роли Цюриха привело к тому, что влияние цюрихского диалекта расширилось далеко за пределы кантона Цюрих; например, звук [*ü*], типичный для цюрихского диалекта, встречается теперь также и в Люцерне, Цуге, Швице и Гларусе. Литературный немецкий язык во всех тестах занял последнее место, что, по словам ученых, свидетельствует о его низком социальном престиже по сравнению с диалектами. Такая ситуация уникальна для немецкоязычной Европы и не характерна ни для Германии, ни для Австрии.

Возрастающая мобильность населения внутри страны вызвала относительно новое явление, а именно, определенную социальную изоляцию на основе диалекта, которую ощущают некоторые швейцарцы при переезде в другой регион, особенно, если они не владеют локальным диалектом данного региона. В последние годы в Швейцарии для обозначения этого явления даже возникло понятие «диалектный экспат» (*Dialekt-Expat*). Опрос, проведенный в 2019 году, свидетельствует о существовании такой внутренней «диалектной дискриминации»: например, сверстники в детских садах и школах дразнят детей, которые не грассируют согласный звук *R* (произносительная норма литературного немецкого языка); профессиональные качества взрослых, говорящих на диалекте, не всегда должным образом оцениваются в студенческой жизни и в последующей карьере [Schmid et al., 2019]. Швейцарцы, подвергающиеся подобной дискриминации, в основном происходят из Центральной (Люцерн) и Восточной Швейцарии. Управления по работе с персоналом некоторых швейцарских концернов и финансовых институтов даже разработали специальные рекомендации для проведения интервью с говорящими на диалекте соискателями; в частности, в ходе интервью рекомендуется не обращать внимание на диалект, а концентрироваться только на профессиональных компетенциях кандидатов.

Еще один негативный фактор многообразия диалектов в Немецкой Швейцарии связан, по мнению исследователей, со *структурой современного швейцарского общества*, гораздо более гетерогенного, чем еще пара десятилетий назад [Jeszenszky, Steiner, Leemann, 2021]. Примерно четверть населения сегодняшней Швейцарии имеет иммигрантское происхождение. Нередко вновь прибывающие мигранты владеют литературным немецким языком (например, 300 тыс. немцев, проживающих постоянно в Швейцарии, составляют самую большую группу иностранцев в Швейцарии), однако не говорят на диалекте, что создает для них определенные проблемы. Особенность ситуации с диглоссией в Немецкой Швейцарии заключается в том, что диалекты занимают не только частную сферу общения, но часто доминируют, по крайней мере в устной форме, также и в формальных областях – например, в профессиональной жизни, в офисе. Поэтому считается, что тот, кто хочет быть успешным в профессиональной жизни, должен владеть двумя вариантами одного языка, что, разумеется, представляет особую сложность для иностранца.

Цифры Федерального ведомства по статистике (*Bundesamt für Statistik*) 2020 года показывают, что стереотипы восприятия диалектов играют в Швейцарии значительную роль: примерно каждый десятый подвергался в Швейцарии дискриминации из-за языка или акцента.[1] В большинстве случаев (более чем 50 %) такая дискриминация происходит на рабочем месте.

Лингвисты даже предлагают специальные стратегии выживания в этих условиях общественного двуязычия для иностранцев, работающих в Швейцарии; одной из них является рекомендация овладения диалектом на уровне понимания. Эта рекомендация базируется на результатах опросов среди

[1] URL:https://www.bfs.admin.ch/bfs/de/home/statistiken/bevoelkerung/migration-integration/zusammenleben-schweiz/diskriminierung.gnpdetail.2021-0195.html

германошвейцарцев, которые показали, что примерно половина из них при общении с иммигрантами-немцами использует швейцарский вариант немецкого языка. Однако другая половина принимает ситуативные решения и в основном использует диалект, реже швейцарский вариант немецкого языка [Jeszenszky, Steiner, Leemann, 2021].

Отдельно следует отметить, что язык иммигрантов также оказывает влияние на диалекты Немецкой Швейцарии. Проявлениями такого влияния является, например, опущение артикля – «*Max chunt hüt au*» (“*Max hat den Hut auf*”) или опускание предлога – *“Gömmer Bahnhof*?” (“*Kommen wir zum Bahnhof?”*). Такие новые явления частично перенимаются в первую очередь молодыми швейцарцами, что создает дальнейшее разнообразие в диалектах немецкоязычной Швейцарии.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДИАЛЕКТОВ НЕМЕЦКОЙ ШВЕЙЦАРИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Разумеется, трудно спрогнозировать, какова будет языковая ситуация в Швейцарии, например, через 30 лет, но некоторые направления развития этого процесса формируются уже на сегодняшнем этапе. К таким направлениям можно отнести приверженность швейцарцев к *сохранению диалектов, смешение диалектов, а также их укрупнение или нивелировка*.

Тренд на сохранение или культивирование диалекта является относительно новым явлением в развитии диалектов Немецкой Швейцарии, проявляющемся в том числе и в так называемой «диалектной волне», в стремлении сохранить фонологические, лексические и грамматические особенности диалектов. Тем не менее «диалектная волна» в своем развитии сталкивается с влиянием немецкого литературного языка и проникновением англицизмов в диалекты. Так, некоторые лингвисты озабочены тем что, напротив, происходит постепенная замена диалектной лексики на письменно-немецкую, в результате чего все большее распространение получает использование стандартного немецкого языка, произносимого на швейцарский лад [Baur, 1990].

Процесс постепенного сглаживания специфических локальных особенностей диалектов и их замены на признаки, свойственные для всех диалектов, также наиболее выраженно проявляется в лексике. Интерференция со стороны литературного немецкого языка и диалектов между собой приводит к вытеснению многочисленных мелких диалектов более престижными и крупными кантональными и региональными диалектами. Вследствие этого формируется тенденция к созданию «усредненных» диалектов (*Durchschnittsdialekte*) и уменьшению их регионального многообразия. В центре этих процессов находятся городские агломерации, такие, как Базель, Берн, Цюрих, сфера влияния которых расширяется; результатом этого является возникновение усредненного цюрихского немецкого, усредненного бернского немецкого, усредненного базельского немецкого и т. д.

Швейцарские лингвисты, изучающие многообразие языковых стилей и структур, считают, что с выравниванием диалектов теряется значительная часть культурного многообразия, а исследователи запаздывают с изучением диалектов и составлением диалектных атласов [Landolt, 2015].

Становится также очевидно, что однозначное деление на литературный язык как письменный язык и швейцарский немецкий как язык устного общения, так называемая *медиальная диглоссия, в будущем станет размываться.* Диалекты Немецкой Швейцарии завоевывают все новые области письменной речи, например, мессенджеры Whatsapp и SMS при неформальном письменном общении. Тенденция к деформализации общения проявляется, прежде всего, в социальных сетях, где стало принятой нормой писать «как попало», не обращая внимания на дательный и винительный падежи. Диалект, который фактически превращается в фонетическую запись произносимого, как раз избавляет от необходимости думать о стандартной грамматике.

Вместе с тем немецкий литературный язык сдает позиции в некоторых сферах устной речи, традиционно считающихся его прерогативой, например, в научном стиле (научных докладах). Последним бастионом литературного языка в СМИ Швейцарии остаются новостные форматы, в рамках которых диалект не используется в связи с официальным и рациональным характером подаваемого контента.

Общим трендом последних 50 лет является значительная экспансия диалекта по сравнению со стандартным языком. Поэтому некоторые современные лингвисты задают вопрос: «Уместно ли по отношению к Швейцарии вообще слово диалект?» Ряд лингвистов высказывают мнение о том, что в настоящее время можно говорить о тенденции превращения диалектов в своего рода койне, относительно единый швейцарско-немецкий язык, с вероятным восточным и западным вариантом [Baur, 1990; Thürer, 1998]. К. Рэбер утверждает: «Диалект, на котором говорят все слои населения и по любому поводу, диалект, который постепенно становится и стал самостоятельным средством коммуникации,

такой диалект больше уже не является диалектом» [Raeber, 1986, с. 45]. Из-за широты диапазона социально-функциональной значимости швейцарско-немецкого диалекта некоторые лингвисты определяют его как «культурный» или «культивированный» диалект (*Kulturdialekt, Ausbaudialekt*) или «развивающийся язык» (*Ausbausprache*) [Baur, 1990], под которым понимается языковое образование, выполняющее, за небольшим исключением, большинство функций полностью сформированного стандартного языка. Некоторые исследователи в последнее время приходят к выводу, что диалекты германошвейцарцев все же являются одним из факторов языкового и этнического разобщения в Швейцарии. Возможным вариантом решения данной проблемы, по их мнению, могло бы стать развитие швейцарского диалекта в направлении полноценного языка [Альтерматт, 2000].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного нами анализа взаимосвязи некоторых факторов современного социального развития и изменений в месте и роли диалектов в Немецкой Швейцарии были выявлены следующие особенности и тенденции:

- диалекты Немецкой Швейцарии являются для их носителей одним из основных признаков швейцарской идентичности, этим объясняется стремление к сохранению и культивированию диалектов;
- социальные факторы, оказывающие наиболее значительное влияние на развитие алеманнских диалектов Швейцарии: возрастающая роль крупных агломераций, прежде всего Цюриха; интенсификация мобильности населения внутри страны; увеличение доли мигрантов в структуре современного швейцарского общества;
- основные современные тенденции развития диалектов Немецкой Швейцарии: «усреднение» диалектов и уменьшение их регионального разнообразия; проникновение немецкого литературного языка в диалекты и экспансия диалектов в область литературного языка; вызванное этими явлениями размывание традиционной диглоссии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Плотникова Н. В. Современные тенденции развития этнополитических процессов в федерализме Швейцарии // Вестник Московского государственного университета. Международные отношения и мировая политика. 2009. Сер. 25(1). Региональные проблемы мировой политики. С. 87–103.
2. Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. М.: Наука, 1983.
3. Sonderegger S. Die schweizerdeutsche Mundartforschung 1800–1959. Bibliographisches Handbuch mit Inhaltsangaben. Frauenfeld: Huber, 1962.
4. Zinsli P. Sprachspuren. Chur: Calven, 1998.
5. Leemann A. Apps for capturing language variation and change in German-speaking Europe: Opportunities, challenges, findings, and future directions//Linguistic Vanguard. 2021. Vol. 7. No. s1. URL: https://doi.org/10.1515/lingvan-2019-0022
6. Jeszensky P., Steiner C., Leemann A. Reduction of survey sites in dialectology. A new methodology based on clustering // Frontiers in Artificial Intelligence. 2021, May 20. URL: https://doi.org/10.3389/frai.2021.642505
7. Schmid S. et al. Areale Variation von /r/-Realisierungen in schweizerdeutschen Dialekten // Linguistik Online. 2019. Vol. 98 (5). URL: https://bop.unibe.ch/linguistik-online/article/view/5923
8. Baur A. Schweizerdeutsch – woher und wohin? Monografie. Deutsche Digitale Bibliotek: 1990. URL: https://d-nb.info/901314951/04
9. Landolt C. Schweizerdeutscher Dialektgebrauch in den neuen Medien // Edition Bayern. Sonderheft 8: Süddeutsch und Bairisch. 2015. S. 107–111.
10. Thuerer G. Gemeinschaft im Staatsleben der Schweiz. Bern: Haupt, 1998.
11. Raeber K. Das Deutsch der Schweizer: Zur Sprach- und Literatursituation der Schweiz. Aarau: Heiner Loeffler, 1986.
12. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: РГГУ, 2000.

REFERENCES

1. Plotnikova, N. V. (2009). Current development trends of ethnopolitical processes in the Swiss federalism. Vestnik of Moscow State University. International Relations and World Politics. Regional problems of world politics, 25(1), 87–103. (In Russ.)

2. Domashnev, A. I. (1983). Sovremennyj nemetskiy yazyk v ego natsionalnykh variantakh = Modern German language in its national variants. Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Sonderegger, S. (1962). Die schweizerdeutsche Mundartforschung 1800–1959. Bibliographisches Handbuch mit Inhaltsangaben. Frauenfeld: Huber.
4. Zinsli, P. (1998). Sprachspuren. Chur: Calven.
5. Leemann, A. (2021). Apps for capturing language variation and change in German-speaking Europe: Opportunities, challenges, findings, and future directions. Linguistic Vanguard, 7(1). https://doi.org/10.1515/lingvan-2019-0022
6. Jeszensky, P., Steiner, C., Leemann, A. (2021, May 20). Reduction of survey sites in dialectology. A new methodology based on clustering. Frontiers in Artificial Intelligence. https://doi.org/10.3389/frai.2021.642505
7. Schmid, S. et al. (2019). Areale Variation von /r/-Realisierungen in schweizerdeutschen Dialekten. Linguistik Online, 98(5). https://bop.unibe.ch/linguistik-online/article/view/5923
8. Baur, A. (1990). Schweizerdeutsch – woher und wohin? Monografie. Deutsche Digitale Bibliotek. https://d-nb.info/901314951/04
9. Landolt, C. (2015). Schweizerdeutscher Dialektgebrauch in den neuen Medien. Sonderheft 8: Süddeutsch und Bairisch (pp. 107–111). Edition Bayern. (In German)
10. Thuerer, G. (1998). Gemeinschaft im Staatsleben der Schweiz. Bern: Haupt.
11. Raeber, K. (1986). Das Deutsch der Schweizer: Zur Sprach- und Literatursituation der Schweiz. Aarau: Heiner Loeffler.
12. Altermatt, U. (2000). Etnonationalism v Evrope = Etnonationalism in Europe. Moscow: RGGU. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юкляева Елена Александровна

кандидат педагогических наук,
и. о. заведующего кафедрой немецкого языка и перевода переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuklyaeva Elena Aleksandrovna

PhD (Pedagogy), Acting Head of the Department of the German Language and Translation,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 11.05.2022
одобрена после рецензирования 23.05.2022
принята к публикации 10.09.2022

The article was submitted 11.05.2022
approved after reviewing 23.05.2022
accepted for publication 10.09.2022

Научная статья
УДК 821
DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_120

Конструируя колониальную историю. Гренландия и ее жители в датскоязычной художественной литературе XX–XXI веков

А. В. Ломагина[1,2]

[1]*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*
[2]*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия*
a.lomagina@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в конструировании колониальной истории Гренландии в датскоязычной художественной литературе XX–XXI вв. За основу берется теория постколониализма и понятие «арктического ориентализма», используемое датскими исследователями вслед за Э. В. Саидом. В статье разрабатывается периодизация художественной литературы о Гренландии в XX и XXI вв., прослеживаются основные элементы колониального нарратива и их деконструкция.

Ключевые слова: Гренландия, Дания, постколониализм, арктический ориентализм, скандинавская литература XX–XXI вв.

Для цитирования: Ломагина А. В. Конструируя колониальную историю. Гренландия и ее жители в датскоязычной художественной литературе XX–XXI вв. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 12 (867). С. 120–129. DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_120

Original article

Constructing the Colonial Past. Greenland and Greenlanders in the Danish Literature of the 20th–21st Centuries

Anastasia V. Lomagina[1,2]

[1]*Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia*
[2]*Herzen University, Saint-Petersburg, Russia*
a.lomagina@spbu.ru

Abstract. The article analyses tendencies and changes in the Danish fiction about Greenland and the history of its colonization during the 20th century. The aim is to show the variety of landscapes that represent Greenland in the texts of Danish speaking writers and to examine how the old stereotypes and myths are deconstructed using the postcolonial theory and the phenomenon of «arctic orientalism».

Keywords: postcolonialism, Arctic orientalism, Greenland, Denmark, Danish literature of the 20th–21st centuries

For citation: Lomagina, A. V. (2022). Constructing the Colonial Past. Greenland and Greenlanders in the Danish Literature of the 20th–21st Centuries. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, , 12(867), 120–129. 10.52070/2542-2197_2022_12_867_120

ВВЕДЕНИЕ

Гренландия – автономная область Дании, занимает особое место в современной политике и культуре объединенного королевства. Благодаря тому, что самый большой остров мира на протяжении более 300 лет входит в состав страны, Дания является самым большим по территории государством Европы, она имеет все преимущества и одновременно несет повышенную геополитическую ответственность, испытывает на себе внешнеполитический риск как Арктическая держава.

Датские историки и социологи расходятся во мнениях по вопросу о том, насколько Гренландия может считаться колонией, а Дания метрополией.

С точки зрения Т. Кьергора, который 13 лет работал в Университете Гренландии, Гренландия не может считаться колонией. Он убежден в том, что идея колониальной датской власти, и вместе с тем датской вины, которая отражается, в частности, в художественной литературе на датском языке последние 20 лет, возникла под влиянием волны европейской деколонизации 1950–1960-х гг. [Baere, 2018].

Противоположную точку зрения высказывает журналист и бывший депутат парламента Д. Традс, он утверждает, что Дания была брутальной метрополией по отношению к Гренландии. По его мнению, многие гренландцы считают, что датчане вели себя как жестокая колониальная власть и даже в настоящее время еще чувствуются отголоски колониального превосходства [Trads, 2020]. Масло в огонь дискуссии об истории Гренландии подливает и националистическое движение в самой Гренландии, которое на протяжении более 50 лет ставит вопрос о полном политическом отсоединении или, как иногда это называет датская пресса, «освобождении» (*løsrivelse*) острова от датского господства.

Современные исследователи, рассматривающие культурные, политические, экономические взаимоотношения между Данией и Гренландией через призму постколониальных исследований, единодушны в том, что характер взаимодействия двух географических ареалов имеют отчетливые постколониальные черты.

Так, одна из основных датских исследовательниц взаимодействия датской и гренландской культуры К. Тистед однозначно заявляет: «Greenland and Denmark represent a typical colonial (and postcolonial) relationship – even after the official termination of colonialism – in that the interaction is characterized by highly asymmetrical power relations»[1] [Цит. по: Sondrup et al., 2017, с. 672].

Датская художественная литература на протяжении XX, начала XXI в по-разному относится к проблеме Гренландии и к 20-м годам нашего столетия конструирует новое отношение к острову и его жителям посредством изменения фокуса, а также предлагает по-новому взглянуть с высот постколониального знания и гуманистического чувства ответственности на историю взаимоотношений Копенгагена и Нуука. Интерес к истокам их взаимоотношений объясняет количество образцов исторической прозы и драмы. В них неизбежно происходит переоценка старых конструктов, отказ от старых мифологем. Авторы новых текстов вступают в дискуссию с предшественниками.

Литература о Гренландии существует издавна. Гренландия и ее жители фигурируют в текстах XVIII–XIX веков. Однако в настоящей статье анализируются основные тенденции и вехи в художественных текстах на датском языке с начала XX по 20-е годы XXI века, когда происходят основные тектонические изменения в изображении природы, людей, их истории в датскоязычных художественных текстах.

ИСТОРИЯ ГРЕНЛАНДИИ В СОСТАВЕ ДАНИИ

История Гренландии в составе Дании начинается с возникновения Датско-норвежского королевства в XIV веке. Однако только с 1721 года с основания лютеранской миссии пастора Ханса Эгеде (1686–1758) начинается процесс осознания Гренландии как части датского королевства и попытки освоения ее богатств, а также постепенное превращение местных жителей в подданных датского короля.

В конце XIX века вплоть до 30 годов XX века длится эпоха арктических экспедиций с целью поисков прохода во льдах вокруг Гренландии и проведения этнографических полевых исследований. За XIX век было осуществлены 24 экспедиции в разные районы острова для того, чтобы нанести на карту его границы, найти возможных жителей неисследованных районов и обнаружить полезные ископаемые.

В XX веке отношение к Гренландии в Дании начинает меняться. Самым знаменитым из датских полярных исследователей XX века, который на долгое время сформировал культурную память датчан и их представления о северных

[1] Отношения Гренландии и Дании представляют собой типичный образец колониальных и постколониальных взаимоотношений, действующий даже после официального завершения колониального периода истории. Их любое взаимодействие характеризуется высокой степенью властной асимметрии. (Здесь и далее перевод наш. – *А. Л.*)

территориях, был Кнуд Расмуссен (1879–1933). Он осуществил девять этнографических экспедиций в Гренландию и познакомил датчан с гренландским фольклором, историей, бытом и традициями. Благодаря ему в датский язык было внесено слово «инуит», которое постепенно вытесняет обозначение «эскимос». Последнее в настоящее время уже получило пометку в датском толковом словаре как «устаревшее» и «оскорбительное».

После Второй Мировой войны, в связи с распадом колониальной системы Европы, изменением законодательства, происходит постепенное изменение в статусе Гренландии:

- с 1953 года начинается период, называемый некоторыми историками «скрытым колониализмом» [Hansen, 2018], Дания меняет конституцию, в результате чего Гренландия становится административной единицей страны, амтом;
- в 1979 году принимается закон о введении местного самоуправления, который становится одним из шагов на пути к возможной независимости Гренландии;
- с 2009 года гренландское самоуправление превращается в автономию, и жители острова могут сами принимать решение о степени интегрированности в объединенное королевство.

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Возникновение в 1960-х годах теории постколониальных исследований, представляющей собой междисциплинарный подход к изучению истории, экономики, социологии, культуры, литературы и искусства государств – бывших колоний, обусловлено распадом мировой колониальной системы, в первую очередь, Британской империи после Второй Мировой войны. Понятие «постколониальные исследования» предполагает акцент на отношения между центром (бывшей метрополией) и периферией (колонией).

«Мы используем термин “пост-колониальный” для обозначения всей культуры затронутой империализмом с момента колонизации по настоящее время» [Ashcroft et al., 2002, с. 2].

Автор вступления к одному из первых больших сборников, посвященных постколониальным литературам «The Empire writes back» (1989), Б. Эшкрофт предложил периодизацию развития литературы колонизованных территорий, прошедших или проходящих через процесс обретения политической самостоятельности. Эти этапы можно выделить и в случае Гренландии.

Первый этап – это тексты на датском языке поселенцев, путешественников и полярных исследователей или тексты о них. В Гренландии это записки, дневники и отчеты датской миссии, священников и чиновников XVIII в и дневники первых экспедиций. Записки и эссе датских полярных путешественников и этнографов второй половины XIX – начала XX веков также относятся к данному этапу существования литературы о Гренландии.

Второй этап связан с возникновением литературы, написанной гренландцами, первоначально при поддержке метрополии. Первые тексты писались на датском языке и переводились на гренландский в 40-х гг. XX в. Затем стала появляться литература на гренландском, которая с ходом времени все больше освобождается от датского влияния и в настоящее время имеет самостоятельный смысл.

Параллельно с этим процессом в художественных текстах, написанных датскоязычными авторами, конструируется новый, меняющийся вместе с набирающей обороты глобализацией, облик Гренландии и ее жителей. Этот образ является отражением концепции, которая видоизменяется вместе с политическим, экономическим и социальным статусом острова и его проблемами.

Введенный теоретиком постколониализма Э. В. Саидом термин «ориентализм» используется для анализа постколониальных отношений культур в целом. Восток в западной культуре имеет больше общего с «западным миром», чем с настоящим Востоком [Саид, 2006]. Гренландия, как ее описывает датская литературная традиция, является отражением датско-европейской идеи.

В Дании с начала 2000 года. постколониальная теория стала очень популярна среди исследователей. Согласно ей основной акцент делается на анализе художественных текстов, в которых отражено взаимодействие двух культур, одна из которых является доминирующей [van der Liet, Surmatz, 2004]. Таким образом, в последнее время появился анализ литературы Фарерских островов, Норвегии, Исландии, Гренландии, Вест-Индии и даже Ютландии через призму постколониальных теорий.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ЖАНРЫ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА О ГРЕНЛАНДИИ

Первая треть XX века прошла в Дании под знаком этнографических полярных путешествий К. Расмуссена, на которого, в свою очередь, оказал сильное влияние Ф. Нансен. В записях Нансена по следам первого путешествия через Гренландию на санях читаются идеи культурного детерминизма

и уважительное, не высокомерное описание жителей Арктического региона [Thisted, 2003].

К. Расмуссен, сам на 1/16 гренландец, проведший в Гренландии детство, оставил после себя дневники экспедиций, описания путешествий, собрания сказок и легенд местных жителей. Несколько поколений датских юношей в период с конца 30-х по 50-е годы получали его книги в подарок на конфирмацию [Kløvedal Reich, 1995]. Все последующие датские авторы, которые обращаются к гренландской теме, знакомы с его путевыми заметками и отчетами из экспедиций, сборниками «Мифы и легенды Гренландии» (1908), «Песни из снежных хижин» (1930), а также его знаменитым травелогом по результатам экспедиций 20-х годов «Великое санное путешествие» (1932). Кроме текстов К. Расмуссена, поколения первой половины XX века росли на травелогах, воспоминаниях и романах других непосредственных участников полярных экспедиций: П. Фройхена (1886–1957), Э. Миккельсена (1880–1971) и Л. Мюлиуса-Эриксена (1872–1907).

Эти авторы в основном изображают принципиально другой, отличный от Дании экзотический мир, полный опасностей и приключений и свидетельствуют о подвигах первопроходцев. К этой же группе авторов, развивающих тему мужественности, воспевающих подвиг первооткрывателей можно отнести и писателей-современников полярных путешествий. Эти тексты относятся в основном к 30–40 годам. В своих эссе, стихах, документальной прозе означенные авторы конструируют миф о героизме европейского мужчины и преодолении трудностей как инициации, реализуемой через подвиг на фоне величественной, но враждебной человеку природы. К этой группе можно отнести Й. В. Йенсена (1873–1950), Т. Кристенсена (1893–1974), отдельные, более поздние эссе Т. Хансена (1927–1989).

Гренландцы в этих текстах выступают чаще всего как органичная часть гренландской природы, спутники европейцев и их помощники. Они предстают в образе «детей природы», ведущего свое происхождение от «добрых дикарей» литературы Просвещения.

Гренландский народ, находящийся в фазе «детства цивилизации», аллегорически представлен на картине 1936–1937 годов, написанной В. Глудом (1872–1946). На ней на коленях премьер-министра Дании Т. Стаунинга, окруженного представителями сословий, профессий и национальностей, населяющих Данию, сидит маленький мальчик в национальной гренландской одежде. Эта картина иллюстрирует наставнические, отеческие права датчан в отношении «примитивных» гренландцев.

В этом смысле примечательна также цитата Й. В. Йенсена из эссе о К. Расмуссене из сборника «Духовный след. Портреты и личности» («Aandens spor. Portrætter og personligheder», 1928). Он характеризует духовные преимущества европейца и физически сильные стороны примитивного гренландца по отношению друг к другу: «Только один раз может случиться такое счастливое сочетание двух кровей – крови примитивного человека с его физическим превосходством и железным нутром и духовной мощи цивилизации».

> Det sker ikke mere end een Gang at en saa lykkelig Blodblanding finder Sted, den primitive Mands overlegne fysiske Udrustning Tarme af Jern, i Forbindelse med Civilisationens aandelige Kapacitet [Jensen, 2016, с. 237].

В стихотворении Т. Кристенсена 1936 года, посвященном смерти К. Расмуссена, скорбящая Гренландия представлена метонимически стереотипно: следы саней и камиков на белом снегу, воющая непогода, белая ездовая собака, красивые девушки с белозубой улыбкой.

В 40-е годы Кнуд Сёнербю (1909–1966) своим романом «Холодное пламя» (Kolde Flammer, 1940) ввел в литературу новую тему – бегство в Гренландию от цивилизации. Его эссе о Гренландии «Лето в Гренландии» («Sommer i Grønland», 1943) отображают разрыв в коммуникации между датчанами и гренландцами.

Окончательно надежда на экономические и социальные изменения в Гренландии умирает в 70-х годах с появлением романа Й. Лильенсё (1943 г.р.) «Бараки» (Barakkerne, 1977), который содержит беспощадную критику положения на острове и является письменным свидетельством гибели «природных», свободных гренландцев от взаимодействия с «цивилизованными» датчанами.

В 60–70-е годы выходят два гренландских эссе датского представителя документальной прозы Т. Хансена. В эссе «Гренландский путешественник Андреас Корнеруп» (1978) снова появляется нарратив о подвиге первопроходцев, автор рассказывает историю экспедиции 1885 года и рассуждает о цене подвига, короткой жизни героя и постигшем его забвении.

В 80-е годы особенно выделяется трилогия Й. Риля (1931 г.р.) «Гимн жизни» («Sangen for livet»): «Хек» (1983), «Арлук» (1984) и «Соре» (1985). Все три романа, повествующие об истории появления инуитов в Гренландии и культурных взаимодействиях – болезненных и мирных с индейцами Северной Америки, с норвежскими викингами и формировании народа в суровых условиях Севера.

К следующей группе авторов, которые, продолжают говорить о цене, заплаченной Гренландией за встречу с цивилизованными европейцами – датчанами, можно отнести авторов, которые пишут с 90-х годов XX века до нашего времени. В них все сильнее звучит мотив ответственности датчан за проблемы гренландцев, вины за высокомерие представителей «цивилизованного мира» перед зависимыми от них жителями бывшей колонии, возникает вопрос, является ли Гренландия после стольких лет колониализма «своей» для датчан.

После 2000 года, когда повсеместным становится увлечение автобиографической прозой, едва ли ни центральным требованием к писателю стало воссоздание его личного опыта. Общим для большинства авторов, которые пишут в последние 20 лет о Гренландии, является многолетнее знакомство с гренландской культурой, многие из них провели детство или работали на острове (К. Лайне, И. Мондруп, Н. М. Айдт, Ф. Йенсен, Ш. Инук, Р. Зола Кристенсен).

Текстам последних десятилетий присущ дидактический тон, осознание образовательной миссии литературы, имеющей давнюю традицию со времен Г. Брандеса (1842–1927) в Дании, и осознанное участие в формировании дискурса Гренландии.

Среди жанров, в основном, лидируют четыре. Это исторический роман и драма, например К. Лайне «Калак» (2007), «Пророки фьорда вечности» (2012), «Черный человек / красный человек» (2018), «Вслед за шаманом» (2021); Л. Лассон «Год надежды» (2011), С. Хольм «Ханс Эгеде или Слово Божье за бочку жира» (1979).

Второй по популярности — это жанр автобиографической прозы. Среди этих текстов выделяется роман Ф. Йенсена «Имака» (1999), текст – ностальгическое воспоминание, рассказывающий о работе учителем датского на маленьком гренландском острове, ироническое повествование о столкновении двух культур. К этой же категории относится и сборник воспоминаний 12 различных авторов, в том числе писательниц Н. М. Айдт (1963 г. р.) и И. Мондруп (1969 г. р.) «Мое детство в Гренландии» (2016), где память о детстве дает новое представление о встрече двух культур на гренландской земле.

Третий жанр – психологический роман и роман-взросления, к которому можно отнести тексты И. Мондруп «Большая Малене» (2013) и «Готхаун» (2014). К этому же жанру относится роман Ш. Инук (1965 г.р.) «Голод и художница» (2013).

И, наконец, есть тексты, в различной степени сочетающие в себе развлекательность и постановку серьезных проблем. Это гибридный постмодернистский роман П. Хега (1957 г.р.) «Смилла и ее чувство снега» (1992) и детективы М. П. Нордбо (1970 г.р.) «Общество Туле» (2014), «Девушка без кожи» (2017), «Женщина в маске смерти» (2019) и Р. Зола Кристенсена (1964 г.р.) «Лед в крови» (2012).

ГРЕНЛАНДИЯ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ

На протяжении XX и в XXI в. Гренландия как литературный ландшафт в датских текстах выполняет разную роль.

Гренландия как место испытания, опасное, чужое и одновременно прекрасное

Роман К. Сёнербю «Холодное пламя» (1966) повествует об испытаниях любви Веры и Кристиана в условиях одиночества, тяжелого быта в маленькой гренландской колонии, окруженной враждебной людям природой.

Гренландец Хансерак, сопровождающий экспедицию Хольма в романе К. Лайне «Вслед за шаманом», «заворожен опасной красотой своей земли» (*sit lands livsfarlige skønhed*) [Leine, 2021, с. 171]

В текстах о Гренландии часто встречается слово страшный: «ужасно страшная зима» (*en frygteligt skræmmende vinter*), выросшие в Гренландии дети навсегда сохраняют страх перед собаками:

> «У всех у них одинаково ужасное количество зубов» (*De har alle sammen frygtelig mange tænder*), а вой собак ночью навевает страх, тоску и чувство неприкаянности [Aidt, Berthelsen, Kleeman, 2016, с. 60].

Гренландия как убежище и место поиска самоидентификации

Персонажи романов К. Лайне уезжают в Гренландию, не найдя себе место в Дании: рассказчик в автобиографическом романе «Калак» уезжает в Гренландию от сексуального насилия; Мортен Фальк, протагонист романа «Пророки из фьорда вечности», отправляется пастором в Гренландию от безысходности, потерпев поражение на личном фронте и поневоле занимаясь богословием. В конце арктической трилогии, семейной саги К. Лайне последний представитель рода, только вернувшись в Гренландию, осознает взаимосвязь разрозненных событий, документов и отдельных личностей, с которыми он оказывается в родстве.

Гренландия – место ностальгии, неразделенной любви и воспоминаний

Такой она предстает в автобиографических эссе «Мое детство в Гренландии», в романах взросления И. Мондруп и романе «Имака» Ф. Йенсена. Примером может служить цитата из эссе Х. Литтауера:

> Med stor smerte og blødende hjerte vende tilbage til Danmark, det var i Grønland vi hørte til [Aidt, Berthelsen, Kleeman, 2016, с. 79]. – «С великой болью и кровоточащим сердцем мы вернулись в Данию. Наш дом была Гренландия».

Гренландия – зеркало, в котором датчане видят недостатки европейской цивилизации

Только взглянув на мораль, жизненные принципы и устои датчан в сравнении с гренландскими, можно увидеть недостатки цивилизованного общества. Учитель датского, приехавший на маленький гренландский остров в романе Ф. Йенсена «Имака», замечает, насколько жители острова не похожи на датчан. Глупость в Дании может сойти, если говорить ее с невозмутимо умным видом, в Гренландии же можно надеяться только на то, что тебя в нелепой ситуации спасет лишь смех и признание своей глупости [Jensen, 2016]. Такую же роль играет и фигура Смиллы в романе П. Хега – с одной стороны она проводник в гренландский мир, с другой – она обнажает недостатки и несправедливость датского общества.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ МИФОЛОГЕМ И КРИТИКА ПРЕЖНИХ ГЕРОЕВ

Одной из отличительных черт проявления колонизации в текстах на языке метрополии считается «ориентализация» или, как этот процесс называют датские исследователи, «арктическая ориентализация» [Thisted, 2003], изображение жителей Гренландии как «значимого другого». Экзотичность жизни в Гренландии для носителей датского языка связана, в частности, с набором стереотипных представлений о гренландцах. Среди них боязнь верхних этажей, отсутствие выносливости к алкоголю, развитые навыки устного рассказа и неспособность к письму (П. Хег); склонность к самоубийству и пьянство (К. Лайне, И. Мондруп), смешливость, амбивалентное отношение к правде и лжи (К. Лайне, Ф. Йенсен, С. Хольм); традиции прошлых веков убивать слабых детей в голод и поощрять самоубийство стариков, любвеобильность (К. Лайне, Й. Риль); гренландские артефакты, присутствующие во всех текстах о гренландцах – тупилаки, фигурки из мыльного камня, камики, штаны из шкуры белого медведя, вышитые скатерти и нашейные украшения.

Попытку вытеснить эту пеструю картину Гренландии, до последнего времени бытовавшую в датскоязычной литературе, можно найти в текстах воспоминаний о гренландском детстве Н. М. Айдт. Для детей нормальным является как раз гренландский образ жизни, а «экзотикой» Дания:

> …[H]vor solen var varm, hvor man kunne gå rundt med bare arme og ben, uden sko, uden kamikker, hvor spiselige ting groede på træer og planter, hvor jordbær var en realitet, hvor mælk var flydende og kom ud af en karton, hvor familie ikke kun var far og mor [Aidt, Berthelsen, Kleeman, 2016, с. 18]. – «…[Г]де солнце грело, где можно было ходить с оголенными руками и ногами и без обуви, без камиков, где росли съедобные плоды, а земляника была реальностью, молоко текло и было в картонной упаковке, а семья была не только мама и папа.»

В тексте романа «Имака» Ф. Йенсена традиционное представление об амбивалентном отношении у гренландцев к правде снимается тем, что рассказчик сам смеется над собой вместе с обманувшим его гренландцем. А суеверия гренландцев, над которыми шутит рассказчик, необъяснимым образом находят себе подтверждение [Jensen, 2016].

Основной критической переоценке в текстах XX века подверглась фигура первого датского миссионера, датско-норвежского священника Ханса Эгеде, крестителя гренландцев. В XIX веке романтическая литература окружила его ореолом святости. В стихотворении Б. С. Ингеманна 1832 года он «апостол Христа», подвижник и герой, отважившегося установить святой крест на холодной земле Гренландии, в чьем «мирном шатре» всегда можно было найти помощь и утешение [Ingemann, 1832].

В сказке Х. К. Андерсена «Хольгер датчанин» 1888 года Х. Эгеде движим единой силой любви, которая звездой горит в его груди [Andersen, 1988].

Характер, деяния и последствия миссионерства Х. Эгеде в Гренландии получают, как правило, отрицательную оценку в художественной литературе XX в. Так, в романе К. Сёндербю «Холодное пламя» (1940) один из персонажей, рассуждая о жизни на острове 40-х годов, приходит к выводу:

> De ville såmænd ha været meget lykkeligere, alle de mennesker her i landet, hvis Hans Egede havde holdt sig i skindet og de andre efter ham [Sønderby, 2016,

с. 63]. – «Все эти люди были бы значительно счастливее, если бы Ханс Эгеде держал себя в руках, да и все другие после него».

Развенчание мифа о святости Х. Эгеде происходит и в пьесе С. Хольма (1940–2019) «Ханс Эгеде или Слово Божье за бочку жира» (1979), которая опирается на многие подлинные исторические факты и говорит о неудачах, преследующих миссионера, о его вспыльчивости и рукоприкладстве, о неспособности принять гренландцев, не пытаясь их исправить. Миссионер терпит поражение, не сумев приблизить гренландцев к вере и открыв ворота торговле, смертельным болезням, жадности и разврату, пришедшими с его благословения вместе с военными и торговыми представителями из Дании.

Х. Эгеде является основным действующим лицом в историческом романе К. Лайне (1961 г. р.) «Красный человек. Черный человек» (2018), где для разоблачения миссионера автор использует прием дневниковых записей, в которых часть является подлинными цитатами из дневников Х. Эгеде. Они предваряют каждую главу романа и представляют его высокомерным, безжалостным пастором, обжорой, сфокусированным на ублажении своего чрева, тираном своей семьи, комическим имитатором жизни Лютера. Другие высказывания о «гренландском апостоле» в арктической трилогии Лайне также противоречат его романтической святости: «Жестокий тип он был. Крутой, как отштукатуренная стена» [Leine, 2021, с. 81].

Исторический роман Л. Лассон (1948 г. р.) «Год надежды» (2011) содержит историю лютеранской миссии, увиденную глазами женской части семьи пастора. Роман фокусирует внимание на фигуре жены пастора Гертруды Раск и ее роли в жизни миссии и в семье. Многоголосье рассказчиков, трех дочерей Х. Эгеде, в письмах и воспоминаниях разоблачают его как бескомпромиссного и жестокого отца, мужа и пастора. В фокусе повествования оказывается череда поражений, преследующих его все время пребывания на острове с 1721 по 1736 год.

Представление о гренландцах как о «примитивных» людях, «наивных детях природы» развенчивается последовательно во всех художественных текстах XX–XXI веков. Некоторые авторы достигают деконструкции этого мифа с помощью введения рассказа от первого лица, где рассказчик – гренландец, и оценка событий дается от его лица. Так, в романе П. Хёга «Смилла и ее чувство снега» расследование убийства ведет интеллектуал, женщина-физик гренландского происхождения, глазами которой читатель видит датских чиновников и ученых и их лицемерное отношение к живущим в Копенгагене социально неблагополучным гренландским семьям. Ее недоверие к датчанам противопоставлено теплоте воспоминаний о гренландском детстве и идеализированном портрете матери – сильной, красивой, независимой и свободной женщины.

Такой же прием использует К. Лайне в своей гренландской трилогии. Среди многоголосья рассказчиков во всех трех романах присутствуют и гренландские голоса. Они создают иллюзию достоверности, с одной стороны, с другой – отчетливо обнаруживают контраст с персонажами-датчанами, оттеняя и разоблачая их. Так в романе «Красный человек. Черный человек» один из голосов многочисленных рассказчиков принадлежит антагонисту Х. Эгеде шаману Аапалуттоку. Его рассказы о путешествиях во времени и пространстве ставят его выше миссионера. Он видит прошлое и будущее – распятие Христа, темную сторону луны, короля в Копенгагене, посещает Папу в Ватикане. Его сверхъестественные возможности делают нелепым и смешным высокомерие Х. Эгеде, уверенного в превосходстве своей религиозной картины мира.

В романе «Вслед за шаманом» знания и размышления Хансерака кажутся значительно глубже, нежели слова потешающихся над ним датских спутников.

В некоторых текстах о Гренландии читатель становится свидетелем постепенного изменение взгляда на гренландскую жизнь и местных жителей, и главного действующего лица под влиянием полученного опыта. Так, в романе К. Сёнербю «Холодное пламя», перед прибытием в Гренландию главные действующие лица уверены в примитивности гренландцев: «некоторые народы никогда не взрослеют» (*noen folk bliver aldrig voksne*), протагонист сам говорит, что местные – совсем другие люди, «они ведь природные люди» (*det er jo naturmennesker*) [Sønderby, 2016, с. 14, 68]. Однако в конце романа наступает осознание, что его датский взгляд на гренландцев мало имеет общего с их настоящей жизнью. Протагонист понимает, что делает фото местных жителей (курящих трубки старух, переворачивающегося в каное охотника), создавая искусственные мизансцены, подстраиваясь под ожидания датских зрителей.

У К. Лайне тоже есть упоминание «детей природы» – один из главных действующих лиц читает это высказывание о гренландцах в толковом словаре 1858 года. На это следует быстрая реакция собеседника: «старый хлам, давно нужно было его сжечь» [Leine, 2021, с. 72].

Представление о превосходстве цивилизации и развитии капитализма как благе для гренландцев начинает ставиться под сомнение уже К. Расмуссеном. В «Холодном пламени» К. Сёндербю звучат критические ноты в отношении европейской цивилизации и ставится вопрос о датской вине за беды островитян:

> Nu er det Ganske vist blevet civiliserede, men er det blevet lykkeligere af det? [Sønderby, 2016, с. 63] – «Теперь они, конечно, стали цивилизованными, но стали ли они от этого счастливее?»

Культурный детерминизм и критическое отношение к цивилизации Т. Хансена заставили его высказать сомнение в том, что все гренландские проблемы можно решить развитием экономики. В эссе «Последнее лето в Ангманссалике» (1978) он пишет:

> En ting var polarnattens snestorme, is og mørke. Det klarede de i et årtusinde. Noget andet er transistorer, dåseøl, spiraler, postnumre, kiks. Det kan ingen overleve [Hansen, 1978, с. 24]. – «Одно дело снежные бури в полярной ночи, лед и мрак. С этим они справлялись тысячелетиями. Совсем другое транзисторы, баночное пиво, спирали, почтовый индекс и печенье. Тут никто не сможет выжить».

Заслуживает особого внимания роман Э. Клевдаль Райха «Очаровательный незнакомец» («Den fremmede fortryller», 1995), который пытается найти точку опоры для мирного сосуществования гренландской и датской культур. Автор ищет ее в судьбе К. Расмуссена, чью историю он называет историей о его двух народах. Нарратив о подвигах К. Расмуссена несколько отходит на задний план, а в фокус авторского внимания попадает его неустанная работа по улучшению условий жизни и защите самобытности арктических народов Гренландии, Канады и Аляски.

К. Лайне в своем последнем романе «Вслед за шаманом», заканчивающем сагу о четырех поколениях детей смешанной датско-гренландской крови, усложняет вопрос до такой степени, что делает невозможным однозначный на него ответ:

> Men de var frie mennesker. Hvad vejer tungest: velfærd, tryghed, mad, tøj på kroppen, handelsbod, kulfyrede ovne, skolegang, tilladelse til at leve et helt liv og dø i en seng med sine børnebørn om sig? Eller: frihed? [Leine, 2021, с. 702] – «Но гренландцы были свободными людьми. Что перевешивает: благосостояние, безопасность, наличие еды, одежды на теле, магазина, угольной печки, школьного образования, возможности прожить долгую жизнь и умереть в постели, окруженной внуками? Или свобода?»

Этим вопросом без ответа автор временно подводит итог критики цивилизации.

В других текстах последних десятилетий вопрос о датской вине принимается как факт, но встреча двух культур имеет травматичные последствия не только для гренландцев – дети датчан, проведшие детство в Гренландии и дети из смешанных браков испытывают большие сложности с самоидентификацией.

В воспоминаниях А. Кнудсен так описывается восприятие Гренландии:

> For mig selv og de fleste af de mennesker, jeg har mødt, der ligesom jeg er opvokset i Grønland, er det faktisk noget helt andet end bare kærlighed, der er tale om. Grønland har mærket os som en tatovering, der aldrig kan fjernes, eller måske snarere sat sig i os som hemmeligt arvæv [Aidt, Berthelsen, Kleeman, 2016, с. 57]. – «Для меня и для большинства тех, кто, как и я, вырос в Гренландии, речь идет не только о любви к ней. Гренландия оставила на нас свой отпечаток как татуировка, которую невозможно удалить или, скорее, как невидимые рубцы».

> Jeg forstod godt danskerhadet i 1980'erne. Så jeg blev i København [там же, с. 25]. – «Я поняла ненависть гренландцев к датчанам в 1980-х. Так что я осталась в Копенгагене».

Колониальное прошлое приносит боль выросшим в Гренландии датчанам и вызывает необходимость отказаться от страны детства. Н. М. Айдт:

> Jeg forstod at jeg ikke havde krav på mit fødeland. Jeg forstod at det ikke var mit land. Og det havde jeg ikke svært med. Det var Danmarks kolonisering af Grønland jeg havde det svært med [там же, с. 25]. – «Я поняла, что не имею прав на страну, где родилась. Что это не моя земля. Но мне не это тяжело. Мне тяжело сознавать колонизацию Данией Гренландии».

А. Кнудсен вторит:

> Grønland er ikke vores og har aldrig været det [там же, с. 57]. – «Гренландия не наша, и никогда нашей не была».

Персонаж романа Ш. Инук «Художница и голод» 13-летняя датская девочка, которая не может вписаться в гренландскую жизнь, понять и принять себя, перестает есть от перенесенной травмы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс колонизации и деколонизации Гренландии на протяжении всего периода времени с начала XX века до конца первой четверти XXI вызывает повышенный интерес у представителей датскоязычной художественной литературы. Отношение к судьбе Гренландии в составе Объединенного королевства меняется в такт изменению политического статуса острова. Особенно сильные изменения происходят после появления гренландского местного самоуправления и принятия им первых самостоятельных политических решений.

В более ранних текстах основными вопросами были вопросы датской вины и ответственности, гибели исконной культуры под натиском европейской «цивилизации», понимаемой как общество потребления. Для авторов текстов последних двух десятилетий вопрос о вине больше не стоит, она очевидна. В романах и автобиографической прозе писатели пытаются преодолеть «арктический ориентализм» предыдущей литературы, Гренландия в их творчестве приобретает общечеловеческое измерение, а жители решают проблемы взросления, старения и одиночества, поисков любви и своего места в окружающем мире. Одновременно создаются тексты (в первую очередь детективы), где остров по-прежнему притягателен как сцена преступления своей экзотичностью и дикостью природы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Baeré M. Har Grønland været en koloni? // Information. 10.03.2018. URL: https://www.information.dk/moti/2018/03/groenland-vaeret-koloni
2. Trads D. Jo, Danmark var en brutal kolonimagt i Grønland. 4.08.2020. URL: https://www.altinget.dk/arktis/artikel/david-trads-jo-danmark-var-en-brutal-kolonimagt-paa-groenland (2020)
3. Sondrup S. et al. Nordic Literature: A Comparative History / S. P. Sondrup, M. B. Sandberg, Th. A. DuBois, D. Ringgaard. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. Vol. I: Spatial Nodes.
4. Hansen K. G. Danmark er fortsat en dansk koloni. 24.10.2018. URL: https://www.highnorthnews.com/nb/kronikk-gronland-er-fortsat-en-dansk-koloni
5. Ashcroft B. et al. The Empire writes back. Theory and practice in post-colonial literatures / B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin, F. M. Ashcroft. Routledge, 2002.
6. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006.
7. van der Liet H., Surmatz A. Indledning: Postkolonialisme og nordisk litteratur – en orientering // Tijdschrift voor Skandinavistiek. 2004. Vol. 25. Nr 2. URL: https://ugp.rug.nl/tvs/article/view/10658/8230
8. Thisted K. Danske grønlandsfiktioner – om billedet af Grønland i dansk litteratur // Kosmorama. 2003. Nr. 232. P. 32–68.
9. Kløvdal Reich E. Den fremmede fortryller: Beretning om Knud Rasmussen og hans to folk. København: Vindrose, 1995.
10. Jensen F. Imaqa. Lindhardt og Ringhof, 2016.
11. Leine K. Efter åndemaneren. København: Gyldendal, 2021.
12. Aidt N. M., Berthelsen J., Kleeman J. Min barndom i Grønland. København: Lindhardt og Ringhof, 2016.
13. Ingemann B. S. Hans Egede // Smaadigte og Reiseminder. Kjöbenhavn, 1832. URL: https://kalliope.org/en/text/ingemann2017100409
14. Andersen H. C. Holger Danske. Samlede eventyr og historier. Odense, 1988.
15. Sønderby K. De kolde flammer. København: Gyldendal, 2016.
16. Hansen Th. Sidste sommer i Angmagssalik. Københavns Bogtrykkerforening, 1978.

REFERENCES

1. Baeré, M. (2018, March 10). Har Grønland været en koloni? Information. https://www.information.dk/moti/2018/03/groenland-vaeret-koloni
2. Trads, D. (2020). Jo, Danmark var en brutal kolonimagt i Grønland. https://www.altinget.dk/arktis/artikel/david-trads-jo-danmark-var-en-brutal-kolonimagt-paa-groenland
3. Sondrup, S. P., Sandberg, M. B., DuBois, Th. A., Ringgaard, D. (2017). Nordic Literature: A comparative history (vol. I: Spatial nodes). Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

4. Hansen, K. G. (2018). Danmark er fortsat en dansk koloni. https://www.highnorthnews.com/nb/kronikk-gronland-er-fortsat-en-dansk-koloni
5. Ashcroft, B., Griffiths, G., Tiffin, H., Ashcroft, F. M. (2002). The empire writes back. Theory and practice in post-colonial literatures. Routledge.
6. Said, E. V. (2006). Orientalizm. Zapadny`e koncepcii Vostoka = Orientalism. Western concepts of the East. St. Petersburg: Russkij mir. (In Russ.)
7. van der Liet, H., Surmatz, A. (2004). Indledning: Postkolonialisme og nordisk litteratur – en orientering. Tijdschrift voor Skandinavistiek, 25(2). https://ugp.rug.nl/tvs/article/view/10658/8230
8. Thisted, K. (2003). Danske grønlandsfiktioner – om billedet af Grønland i dansk litteratur. Kosmorama, 232, 32–68.
9. Kløvdal, Reich E. (1995). Den fremmede fortryller: Beretning om Knud Rasmussen og hans to folk. København: Vindrose.
10. Jensen, F. (2016). Imaqa. Lindhardt og Ringhof.
11. Leine, K. (2021). Efter åndemaneren. København: Gyldendal.
12. Aidt, N. M., Berthelsen, J., Kleeman, J. (2016). Min barndom i Grønland. København: Lindhardt og Ringhof.
13. Ingemann, B. S. (1832). Hans Egede. Smaadigte og Reiseminder. Kjöbenhavn. https://kalliope.org/en/text/ingemann2017100409
14. Andersen, H. C. (1988). Holger Danske. Samlede eventyr og historier. Odense.
15. Sønderby, K. (2016). De kolde flammer. København: Gyldendal.
16. Hansen, Th. (1978). Sidste sommer i Angmagssalik. Københavns Bogtrykkerforening.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ломагина Анастасия Всеволодовна
кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
доцент кафедры языков Северной Европы
Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lomagina Anastasia Vsevolodovna
PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Scandinavian
and Dutch Philology, Saint-Petersburg State University,
Associate Professor at the Department of Languages of Northern Europe,
Herzen University

Статья поступила в редакцию 06.05.2022
одобрена после рецензирования 08.06.2022
принята к публикации 10.09.2022

The article was submitted 06.05.2022
approved after reviewing 08.06.2022
accepted for publication 10.09.2022

Научная статья
УДК 821.113
DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_130

Особенности рецепции древнескандинавской мифологии в современной исландской поэзии: «Кровавокопытный» Герд Кристни Гвюдйоунсдоттир

О. А. Маркелова
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
dimentionen@yahoo.dk

Аннотация. Статья содержит анализ частного случая рецепции древнеисландского литературного наследия в исландской литературе второй половины XX–XXI веков . В основе поэмы Герд Кристни «Кровавокопытный» лежит эддический сюжет о сватовстве Фрейра к великанше Герд. Стратегия автора в обращении со скандинавскими мифами приводит к тому, что интерпретация существующего сюжета перерастает в создание нового сюжета, а связь его с древнеисландской литературой ослабевает, и на первый план выходит универсальность.

Ключевые слова: современная исландская литература, рецепция древнеисландской литературы, исландская поэзия 2010-х гг., Герд Кристни Гвюдйоунсдоттир, древнескандинавская мифология, «Поездка Скирнира»

Для цитирования: Маркелова О. А. Особенности рецепции древнескандинавской мифологии в современной исландской поэзии: «Кровавокопытный» Герд Кристни Гвюдйоунсдоттир // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 12 (867). С. 130–136. DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_40

Original article

Reception of Old Norse Mythology in Modern Icelandic Poetry: the Case of “Blóðhófnir” by Gerður Kristný Guðjónsdóttir

Olga A. Markelova
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
dimentionen@yahoo.dk

Abstract. The article is a case-study of reception of the Old Icelandic literary heritage in the Icelandic literature of the late 20th–21st centuries. The poem “Blóðhófnir” by Gerður Kristný is based on the Eddaic plot of Freyrs wooing to Gerður. The authors strategy in handling Old Norse myths has the result, that interpreting the already existing plot grows into creating a completely new one, its connection to the Old Icelandic literature becomes weaker, but its universality moves to the forefront.

Keywords: contemporary Icelandic literature, reception of Old Icelandic literature, Icelandic poetry of the 2010s, Gerður Kristný Guðjónsdóttir , Old Norse mythology, Skírnismál

For citation: Markelova, O. A. (2022). Reception of Old Norse mythology in modern Icelandic poetry: the case of “Blóðhófnir” by Gerður Kristný Guðjónsdóttir. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(867), 130–136. 10.52070/2542-2197_2022_12_867_130

ВВЕДЕНИЕ

Использование древнескандинавских мифологических сюжетов «Старшей Эдды» современными исландскими поэтами в качестве источников вдохновения представляется закономерным и логичным.

Древнескандинавское (и у́же: древнеисландское) литературное наследие в современной Исландии известно среднестатистическому жителю лучше, чем в других европейских странах; с образцами древней литературы исландцев знакомят в системе образования, их знание считается необходимым для культурного человека. К сказанному надо добавить, что относительно медленная, по сравнению с другими скандинавскими языками, эволюция исландского языка позволяет его носителям читать древние тексты не в переводе, а в подлиннике (как правило, с хорошим лексическим комментарием). Поэтому рецепция древнескандинавского литературного наследия в исландской литературе второй половины XX–XXI веков. имеет по сравнению с другими странами ряд особенностей. В Исландии в данный период количество произведений, где происходит обращение к древнеисландскому литературному наследию, относительно невелико. Впрочем, в последние три десятилетия оно увеличилось настолько, что переработку этого наследия в современной исландской литературе уже можно назвать «течением» [Soffia Auður Birgisdóttir, 2011, с. 132]. Среди подобных текстов преобладают произведения крупных авторов, наделенные большими художественными достоинствами, обращающие на себя внимание критиков и читателей. Как правило, объектом рецепции у современных исландских авторов являются песни о богах «Старшей Эдды», родовые саги и произведения Снорри Стурлусона. Характер рецепции древних текстов в современной исландской литературе варьируется в зависимости от жанра произведения и поколения, к которому принадлежит автор: особые нюансы их восприятия существуют в поэзии, крупной прозе, текстах, адресованных детям. Достойно упоминания то, что среди исландских художественных текстов 1980–2010-х годов, взаимодействующих с древнескандинавским литературным наследием, отсутствуют образцы массовых жанров.

Рецепция древнего литературного наследия в творчестве исландских авторов XX–XXI веков пока мало исследована даже в исландском литературоведении. Ее рецепции в XX веке посвящена монография Йоуна Картля Хельгасона [Jón Karl Helgason, 1998]. В случае произведений, созданных в 2000–2010-е гг. критическая литература часто ограничивается статьями в литературных журналах и рецензиями.

ПОЭМА «КРОВАВОКОПЫТНЫЙ» ГЕРД КРИСТНИ И МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ О СВАТОВСТВЕ ФРЕЙРА К ГЕРД

Данная статья является частью большого исследования рецепции древнеисландской литературы в творчестве исландских писателей 1980–2010-х гг.

Объектом анализа в настоящей статье будет поэма современной исландской поэтессы Герд Кристни «Кровавокопытный» (Blóðhófnir, 2010), созданная на материале скандинавской мифологии. Будет рассмотрен метод обращения поэтессы с древнескандинавским материалом, а также место «Кровавокопытного» в контексте других произведений современной исландской литературы, использующих этот материал.

Литература о «Кровавокопытном» на данный момент исчерпывается только исландскими источниками, среди которых – несколько рецензий, одна дипломная работа из Университета Исландии и рефлексия самого автора по поводу своей поэмы.

Герд Кристни Гвюдйоунсдоттир (Gerður Kristný Guðjónsdóttir) (род. 1970) – заметная величина в литературной жизни современной Исландии. Она является автором большого количества книг, среди которых – романы, сборники новелл, стихи, документальная проза, проза для детей. Для поэзии Герд Кристни характерен простой безыскусный язык, внимание к деталям, на первый взгляд будничным, но чрезвычайно насыщенным в смысловом и эмоциональном отношении, а также форма, представляющая собой верлибр с чертами традиционной исландской аллитерационной поэзии. Универсум ее стихов можно охарактеризовать как суровый и холодный [Íslensk bókmenntasaga, 2006, с. 435–436; Маркелова, 2021, с. 74].

«Кровавокопытный» – одно из наиболее известных и самобытных произведений Герд Кристни. В основу поэмы лег мифологический сюжет о сватовстве бога Фрейра к Герд, дочери великана Гюмира. В древнеисландской литературе этот сюжет известен по двум источникам: по эддической песне «Поездка Скирнира», где он изложен подробно, в основном в форме пространных диалогов персонажей, и по «Эдде» Снорри Стурлусона, где он кратко описывается в «Видении Гюльви». Вспомним этот сюжет. Увидев с утеса Хлидскьяльв прекрасную Герд, живущую в Йётунхейме, в мире великанов, Фрейр впал в любовную тоску; узнав об этом, его слуга Скирнир отправился в Йётунхейм,

чтоб добыть для него Герд. Когда Скирниру не удается добиться согласия от прекрасной великанши посулами, он грозит зарубить мечом ее саму и ее отца, а также наслать на нее проклятье. После этого Герд соглашается на свидание с Фрейром.

Кроме этих двух текстов, других сюжетов о Герд в древнеисландской литературе не известно.

Поэма «Кровавокопытный» – эмоционально насыщенный рассказ от первого лица; он ведется с точки зрения Герд. Всего поэма насчитывает около 120 коротких строф. Часть поэмы представляет пересказ «Поездки Скирнира» (с. 25–51)[1]. Скирнир (и пославший его Фрейр) с самого начала описываются как существа, несущие лишь угрозу. Герд соглашается на брак с Фрейром, чтоб отвести гибель от отца и братьев (с. 52). Через девять дней Скирнир везет девушку в жилище Фрейра, и начинается ее жизнь в замужестве, полная физических и душевных страданий. Герд рожает сына. Однажды, решив показать ему с высоты свою родину вдали, она замечает, что у границ Йётунхейма собрались ее родичи, намеревающиеся «отмстить за пропавших женщин» (bls. 116). Героиня надеется, что они пощадят ее сына в благодарность за то, что сама она когда-то отвела от них гибель.

Время в поэме не полностью линейно: описание событий текущего момента перемежается лирическими воспоминаниями разной степени удаленности во времени, от детства Герд до приезда Скирнира.[2]

Исследователи отмечают, что смещение акцентов в эддическом сюжете с Фрейра и Скирнира на Герд не только привлекает читателя к судьбе женщины, выданной замуж насильно, но и позволяет поставить интересные вопросы к самой эддической песни – и заметить в ней логические несоответствия. Почему Фрейр не едет в Йётунхейм сам, а посылает Скирнира? Почему тот избирает тактику угроз? И самое главное – почему об этом браке, детях, которые могли родиться от него, и о судьбе самой Герд больше в Эдде не говорится ни слова? [Birgisdóttir, 2011, с. 129; Jónsdóttir, 2014, с. 8ff.]. Учитывая неполноту наших знаний о бытовании и вариантах эддических текстов и мифологических сюжетов в дохристианские эпохи, на эти вопросы оказывается крайне непросто ответить средствами филологической науки, но Герд Кристни отвечает на них средствами художественной литературы.

Об истории создания поэмы сама Герд Кристни говорит: «По-моему, поэму “Кровавокопытный“ я сочиняла с самого детства» [Kristný, 2011, с. 423]. Там же она сообщает, что на ее творчество и мировоззрение, в частности, на восприятие скандинавской мифологии, сильно повлияли занятия в Университете Исландии у Хельги Кресс – крупнейшей представительницы исландского феминистического литературоведения [там же, с. 424]. В первой книге стихов Герд Кристни, «Льды на море» (Ísfrétt, 1994), есть короткое стихотворение «К Скирниру», изображающее противостояние Герд и посыльного Фрейра. В нем уже содержатся лейтмотивы будущей поэмы, в первую очередь – мотив угрозы гибели:

Dauðan lít ég svip minn í sverði þínu… (*Kristný G. Ljóðasafn, 2014, с. 18*)	Мёртвым вижу я свой облик в твоем мече.

В поэме очень сильна феминистическая проблематика, заставляющая читателя вспомнить не столько древние мифологические сюжеты, сколько актуальные дебаты современности[3]. Эта особенность поэмы является, бесспорно, яркой и запоминающейся, но всё же до известной степени предсказуемой: переосмысление и «дописывание» древнего сюжета «с поправкой на эпоху» у автора XXI века обычно предполагает, что в центр внимания в ней, скорее всего, попадут те этические и социальные проблемы (и представители тех социальных групп), которые вызывают интерес в текущий момент. В поэме «Кровавокопытный» самым интересным оказывается даже не столько то, чем именно она отличается от своих первоисточников (эти отличия буквально лежат на поверхности), сколько то, в какой мере связь с древними первоисточниками сохраняется при такой вольной трактовке, которую дает ему Герд Кристни.

Читатель, не предупрежденный заранее, что перед ним интерпретация мифологического сюжета, вероятно, не сразу догадается, что в поэме идет речь именно о Герд и Фрейре. Само имя «Герд» в поэме не упоминается ни разу, имя Скирнира появляется только на 26-й странице, а имя Фрейра – на 27-й. (При этом как раз они оказываются самыми частотными в поэме). Имена родичей Герд (в «Видении Гюльви» упоминаются имена ее родителей: Гюмир и Аурбода) не называются, несмотря на то, что героиня часто вспоминает свою семью. Узнаваемые цитаты из «Эдды» в поэме переосмысляются с точки зрения рассказчицы.

[1] Все ссылки на текст поэмы приводятся по изданию: *Krisntý G.* Blóðhófnir. Reykjavík: Forlagið, 2010. Здесь и далее перевод наш. – *О. М.*

[2] О композиции поэмы см.: [Soffia Auður Birgisdóttir, 2011, с. 130–131]

[3] Эту характеристику можно применить ко всему творчеству Герд Кристни: [Íslensk bókmenntasaga 2006, с. 436; Dagný Kristjánsdóttir, 2011, с. 229]. Об этом неоднократно писали исландские рецензенты и исследователи, см.: [Guðný Jónsdóttir, 2014, с.10–24; Soffia Auður Birgisdóttir, 2011, с. 127, 129].

Йётунхейм в поэме описан детально; его пейзажи напоминают Исландию: упоминаются горы, лед и снега. (Об описаниях природы в поэме см.: [Jónsdóttir, 2014, с. 16]). Также описаны (хотя и не названы по известным из «Эдды» именам) его жители и их будничные занятия. Асгард не поименован (как, впрочем, и другие локации из мира богов); скупые описания его ландшафта встречаются в тексте поэмы всего два раза (*Krisntý G. Blóðhófnir, 2010, с. 21, 81*); в основном речь идет о сидении Герд в закрытом помещении. Также мир богов пустынен: кроме Фрейра в нём присутствует лишь некая женщина, предлагающая Герд яблоко (*там же, с. 95*). По этому атрибуту в ней можно узнать Идунн, хотя для богини она ведет себя крайне нерешительно [Jónsdóttir, 2014, с. 21]. Скирнир в этом пространстве не появляется. Облик Фрейра в поэме – угрожающий и зооморфный: у него «волчье-серые глаза» (*úlfgrá augu*, с. 83) и «медвежьи лапищи» (*hrammar*, с. 88).

В строгом смысле, мир, куда попадает Герд после замужества – абстрактен; большинство отсылок к эддическому универсуму в его описании исчезает.

Отдельного рассмотрения заслуживает название поэмы: «Blóðhofnir» вместо предсказуемого «Поездка Герд» или «Речи Герд» («För Gerðar», «Gerðarmál») [Birgisdóttir, 2011, с. 127]. Ни у одного интерпретатора поэмы не вызывает сомнений, что это именно имя коня Скирнира. Однако имя коня в тексте самой поэмы нигде не упоминается. Не упоминается оно также и в эддической «Поездке Скирнира» или описаниях того же сюжета у Снорри Стурлусона.[1]

Конь, на котором едет Скирнир, занимает центральное место среди мотивов поэмы. Героиня в начале видит коня – и лишь потом того, кто приехал на нем (*Krisntý G. Blóðhófnir, 2010, с. 17*). Он описан очень подробно и производит зловещее впечатление:

Hestur hans reistur og rífur á vöxt	Конь его поднявшийся вознесшийся ростом
Dökkur á lit líkt og höggvinn úr myrkri… (с. 20)	Цветом темен словно высечен из мрака…
Þegar hófar skullu á klöppum var sem bein brysti (с. 25).	Когда копыта ударяли по утесам, будто кости трещали.

[1] В «Эдде» Снорри Стурлусона один раз встречается имя «Blóðughofi» [Kristný, 2011, с. 428]. Впрочем, и в заглавии самой эддической песни, легшей в основу поэмы, не фигурируют имена Герд и Фрейра.

Конь Скирнира оказывается силой, которой покоряется земля:

Það dagaði drengurinn var kominn	Рассвело парень приехал
hann kippti mér upp á klárinn	он поднял меня на скакуна
veröldin vaggaði undir mér (с. 65).	мир закачался подо мной.
Land mitt laut þessu hrossi… (с. 66)	Земля моя склонилась перед этим конем.

Ср.: в эддической «Поездке Скирнира» от приезда Скирнира на коне «земля дрожит / и вся трясется / Гюмирова усадьба» [Поездка Скирнира, 1997, с. 55]. Также нельзя не отметить явного созвучия имени коня с исландским словом *blóðfórnir* («кровавые жертвы») – Герд пожертвовала собой, чтоб отвести от своих близких угрозу кровавой расправы. Конь Скирнира в поэме превращается в символ несвободы и обреченности.

Меч Скирнира – также один из центральных мотивов поэмы. Ср.:

Ástin komin með alvæpni	Любовь пришла во всеоружии
Drengurinn dró fram sverð hert í hatri (bls. 35).	паренек вынул меч, закаленный в ненависти.

Меч появляется в поэме даже не столько в прямом предметном значении, сколько в качестве метафоры душевного состояния и характера героя:

Sverðið spegill sálarinnar (с. 80).	Меч зеркало души.

В древнеисландских источниках меч и конь были даны Скирниру Фрейром для опасной поездки в Йётунхейм (согласно «Поездке Скирнира»; в «Видении Гюльви» в «Эдде» Снорри Стурлусона упоминается только меч). В версии этого сюжета, изложенной у Снорри Стурлусона, подчеркивается, что этот бог заплатил за свой брак с Герд дорогой ценой: он променял на нее тот самый меч, которым ему предстоит сражаться при Рагнарёке, и в итоге остался безоружным: «Но настанет час, пойдут войною сыны Муспелля, и тогда вот бедою покажется Фрейру, что нету у него меча» [Стурлусон,

1970, с. 36]. Конь, на котором приехал Скирнир, в обеих «Эддах» не играет такой решающей роли для судеб мира (в противоположность версии, которую предлагает поэтесса XXI века).

В «Кровавокопытном» и конь, и меч претендуют на то, чтоб быть воспринятыми как символы. Прежде всего, они замещают самого Фрейра, который в поэме описан крайне скупо (в строгом смысле, его описание подменено описанием страха и страданий, виновником которых он является). Фрейр начинает восприниматься не как индивидуум, а как слабо персонифицированная стихийная сила, имеющая много проявлений. Введение авторских символов в повествование, имитирующее архаический миф, само по себе не совсем обычно.

Один из центральных мотивов поэмы – угроза гибели, выраженная в устойчивой формуле, которая восходит к упоминавшемуся ранее стихотворению 1994 и повторяется в тексте поэмы три раза с вариациями. В первый раз эта формула появляется в связи с тем, что Скирнир обещает убить саму Герд и ее семью в случае отказа:

Ég lofaði að koma	Я обещала прийти
Dauðan leit ég svip minn í sverði drengsins (с. 49).	Мертвым узрела я свой облик в мече парня.

Во второй раз она относится к коню, увозящему Герд прочь от родины – и такая связь Кровавокопытного со смертью дополняет ряд его пугающих героиню характеристик:

Dauðan leit ég svip minn í auga dýrsins (с. 78).	Мертвым узрела я свой облик в глазу животного.

В третий раз эта формула появляется при описании жизни героини в доме Фрейра, которая обернулась для нее непрерывными мучениями. Однако после того как Герд получает от тихой женщины яблоко (очевидно, золотое яблоко Идунн, дарующее юность), она обретает способность собраться с духом и дать мучителю отпор. Примечательно, что в этот момент Кровавокопытный также оказывается поблизости.

Í gættinni mætti ég Frey	В дверях я встретила Фрейра
Dauðan leit hann svip sinn í auga mínu	Мертвым узрел он облик свой в моих глазах
Síðan hefur hann haldið sig fjarri fer einförum	С тех пор он держится в отдалении ходит в одиночку
Horfir á hestinn bíta	Смотрит, как конь пасется
strýkur yfir snoppu vopnlausri hendi	гладит морду безоружной рукой
iðrast skiptanna við Skírni (с. 101–103).	раскаивается, что поменялся со Скирниром.

В этих строфах можно увидеть отсылку к приводившимся выше словам Снорри Стурлусона о поездке Скирнира и мече Фрейра. В таком случае конь Скирнира в поэме является уже не только символом индивидуальной обреченности героев, но и обреченности всего мира Рагнарёку. Очевидно, финал поэмы – появление у границ войска великанов – как раз и знаменует его начало [Birgisdóttir, 2011, с. 129].

«КРОВАВОКОПЫТНЫЙ» В КОНТЕКСТЕ РЕЦЕПЦИИ ДРЕВНЕИСЛАНДСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ У СОВРЕМЕННЫХ ИСЛАНДСКИХ АВТОРОВ

«Кровавокопытный» – не первое в современной исландской литературе переосмысление древнескандинавского мифологического сюжета в женской перспективе. Такое же переосмысление присутствует у Свавы Якобсдоттир (1930–2004) – одной из «столпов» исландского модернизма – в романе «Сага о Гуннлёд» (Gunnlaðar saga, 1987), где сюжет о похищении Одином меда поэзии у великанши Гуннлёд переписывается с точки зрения самой этой героини. (В юности Герд Кристни, работая на поприще журналистики, брала интервью у Свавы Якобсдоттир и заметила по поводу ее и своего собственного творчества: «…часто, когда мне кажется, что ко мне пришла новая идея, я обнаруживаю ее у тебя» [Kristný, 2005, с. 55]). Однако у Свавы новаторская интерпретация мифа неотделима от его перенесения в современный мир: с историей Гуннлёд тесно сплетена судьба девушки, похитившей чашу в историческом музее в Копенгагене. У Герд Кристни в «Кровавокопытном» не содержится отсылок к современному миру (впрочем, как мы видели, и отсылки к эддическим мирам там не так уж многочисленны). Пространство этой поэмы претендует на вневременность и универсальность, так как ситуация, в которой

оказалась ее героиня, могла бы произойти с женщинами многих стран и эпох.

В исландской литературе 2010-х годов существует, по крайней мере, еще одно обращение к сюжету о Фрейре и Герд: прозаический рассказ Йоуханны Г. Хардардоттир «Лучи солнца» (Sólstafir, 2019), адресованный детям. Там этот сюжет осмыслен как история любви с оптимистичным финалом, связанная с календарным циклом: когда Герд отвечает Фрейру взаимностью, его тоска проходит, – а вместе с нею и темное время года. Будучи активным деятелем Языческой общины Исландии (Ásatrúarfélagið), Йоуханна Хардардоттир часто рассказывает этот сюжет и читает отрывки из своей книги на празднованиях зимнего солнцеворота. Другими словами, в ее тексте налицо стремление приблизить современных читателей / слушателей к бытованию и осмыслению сюжета о Герд именно в древнеисландском социуме, в то время как в «Кровавокопытном» присутствует стремление переосмыслить его с точки зрения современности. Автору данной статьи известно, что Йоуханна и Герд Кристни близко знакомы друг с другом и спорили между собой об интерпретации этого эддического сюжета.

Как показывают наблюдения за литературным процессом в Исландии, в рецепции древнеисландской литературы исландскими авторами прослеживается определенная эволюция. В 1980–1990-е годы преобладало ироническое восприятие ее сюжетов и персоналий, которое было от противного вызвано к исторической жизни официальным дискурсом. Почтительное отношение к древней словесности закреплено в официальном срезе исландской культуры, ее реалии входят в число исландских национальных топосов. Высокостатусность всяческих национальных топосов оказывается благодатной мишенью для постмодернистской иронии [Kristjánsdóttir, 2011, с. 255–256]. Примеров подобного отношения к древнеисландской литературе много в исландской поэзии тех десятилетий. Так, поэма Хатльгрима Хельгасона (Hallgrímur Helgason, род. 1959) «Vandamál» («Речи Трудного») является ироническим переосмыслением эддической песни «Речи Высокого («Hávamál»). В стихах Тоурарина Эльдъяуртна (Þórarinn Eldjárn, род. 1949) и песенных текстах Мегаса (Megas, род. 1945) знаменитые герои родовых саг совершают нелепые действия и могут при этом помещаться в современный мир.

В литературе 2000-х годов высокостатусность древнеисландской литературы уже оказалась ниспровергнута, но ее тексты продолжают оставаться полем литературных экспериментов. (Таковы детективы Торунн Эртлю-Вальдимарсдоттир по мотивам родовых саг, действие которых перенесено в современный Рейкьявик). К текстам 2010-х годов, как правило, применима характеристика, приложенная к «Кровавокопытному»: они создаются не из национальной, а из универсальной перспективы [Ægisson Hjalti Snær, 2010, с. 14]. Вопрос о месте подвергающихся рецепции древнеисландских текстов в национальной культуре не затрагивается, но из этих древних текстов извлекаются общечеловеческие и универсальные психологические смыслы; также нередки попытки авторов по-своему «дописать» или модифицировать универсум древних текстов. И если в предыдущие десятилетия в центр внимания авторов из всего древнеисландского литературного наследия чаще всего попадали саги, то в 2010-е годы возрастает интерес именно к мифологическому материалу. При этом авторы далеко не всегда строго придерживаются содержания древнеисландских первоисточников. Например, в текстах металл-группы „Skálmöld“ («Век мечей») в универсум эддических мифов встраиваются оригинальные авторские сюжеты с новыми героями. В трилогии Эмиля Хьёрвара Петерсена «История выживших» (Saga eftirlifenda, 2012–2014) скандинавские боги, оставшиеся в живых после Рагнарёка, помещены в современный постапокалиптический универсум, где продолжают вести борьбу со своими противниками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стратегия обращения с материалом скандинавской мифологии, которую избирает Герд Кристни, приводит к тому, что:

а) интерпретация уже существующего сюжета перерастает в создание нового сюжета: в поэме «Кровавокопытный» создается, строго говоря, новый сюжет со своим событийным рядом, продолжающим событийный ряд «Поездки Скирнира»;

б) связь этого вновь созданного сюжета с древнеисландской литературой (в данном случае – с эддической песнью) становится менее прочной. Ситуацию, в которую попадает героиня, можно назвать универсальной, а количество имен, топонимов и узнаваемых реалий в поэме сведено к минимуму, так что незнание читателем «Поездки Скирнира» вряд ли воспрепятствует восприятию этой поэмы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Birgisdóttir S. A. Gerðarmál – eða För gerðar // Tímarit Máls og menningar. 2011. Bd. 2(72). Bls. 127–133.
2. Helgason J. K. Hetjan og höfundurinn. Brot úr íslenskri menningarsögu. Reykjavík: Heimskringla. Háskólaforlag Máls og menningu, 1998.
3. Íslensk bókmenntasaga. Bd. V. Reykjavík: Mál og menning, 2006.
4. Маркелова О. А. Герд Кристни Гвюдйоунсдоттир: «Полюса» (2019) // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2021. Вып. 66. С. 73–88.
5. Jónsdóttir G. Hver hefur orðið? Frá karllægum texta Skírnismála að feminískri endurtúlkun í ljóðabók Gerðar Kristnýjar, Blóðhófni. Ritgerð til B.A.– prófs í almennri bókmenntafræði, Háskóli Íslands, 2014.
6. Kristný G. Guðir og girnd // Skírnir. 2011. n. 185, haust. Bls. 423–436.
7. Kristjánsdóttir D. Öldin öfgafulla. Bókmenntasaga tuttugustu aldarinnar. Reykjavík: Bjartur, 2011.
8. Поездка Скирнира / пер. В. Г. Тихомирова // Корни Иггдрасиля. М.: Терра, 1997.
9. Стурлусон С. Младшая Эдда. Ленинград: Наука, 1970.
10. Kristný G. Grasaferð að læknisráði. Viðtal við Svövu Jakobsdóttur // Kona með spegil. Svava Jakobsdóttir og verk hennar. Ritstj.: Ármann Jakobsson, 2005. Bls. 44–55.
11. Ægisson Hjalti Snær. Undan sverði Skírnis // Spássían. 2010. Bd. 1. Haust. Bls. 14.

REFERENCES

1. Birgisdóttir, S. A. (2011). Gerðarmál – eða För gerðar. Tímarit Máls og menningar, 2(72), 127–133.
2. Helgason, J. K. (1998). Hetjan og höfundurinn. Brot úr íslenskri menningarsögu. Reykjavík: Heimskringla. Háskólaforlag Máls og menningu.
3. Íslensk bókmenntasaga (2006). Bd. V. Reykjavík: Mál og menning.
4. Markelova, O. A. (2021). Gerd Kristni Gvjudjounsdottir: "Poljusa" (2019) = Gerður Kristný Guðjónsdóttir: „Poles" (2019). Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriia III: Filologiia, 66, 73–88. (In Russ.)
5. Jónsdóttir, G. (2014). Hver hefur orðið? Frá karllægum texta Skírnismála að feminískri endurtúlkun í ljóðabók Gerðar Kristnýjar, Blóðhófni. Ritgerð til B.A.– prófs í almennri bókmenntafræði, Háskóli Íslands.
6. Kristný, G. (2011). Guðir og girnd. Skírnir, 185, 423–436.
7. Kristjánsdóttir, D. (2011). Öldin öfgafulla. Bókmenntasaga tuttugustu aldarinnar. Reykjavík: Bjartur.
8. Poezdka Skirnira = Skirnir's journey (1997), translated by V. G.Tihomirov. In Korni Iggdrasilya. Moscow: Terra.
9. Sturluson, S. (1970). Mladshaja Jedda = Younger Edda. Leningrad: Nauka.
10. Kristný, G. (2005). Grasaferð að læknisráði. Viðtal við Svövu Jakobsdóttur. In Kona með spegil. Svava Jakobsdóttir og verk hennar (bls. 44–55). Ritstj.: Ármann Jakobsson.
11. Ægisson Hjalti Snær (2010). Undan sverði Skírnis. Spássían, 1, 14.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маркелова Ольга Александровна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Markelova Olga Aleksandrovna

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Scandinavian, Finnish and Dutch Languages,
Faculty of Translation and Inyerpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 06.05.2022
одобрена после рецензирования 08.06.2022
принята к публикации 10.09.2022

The article was submitted 06.05.2022
approved after reviewing 08.06.2022
accepted for publication 10.09.2022

Научная статья
УДК 130.2(61), 82.0
DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_137

Вдохновение как жанр. Трактат ибн Шухейда о поэтическом творчестве

М. В. Николаева[1,2]

[1]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[2]*Институт Востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия*
losmarinik@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме эволюции традиционного восприятия феномена поэтического вдохновения на материале «Послания о двойниках и злых духах» андалузского поэта рубежа X–XI вв. Ибн Щухейда в контексте основных тенденций развития самобытной арабской литературы средневекового Андалуса периода активного творческого становления, когда в арабском Магрибе утверждается самоцельное стремление к формулированию собственной традиции и своего взгляда на окружающий мир (*ад-дирая* – постижение, знание, понимание).

Ключевые слова: поэзия, вдохновение, арабская классическая литература, Андалус, самобытность, трактат, образная система, двойники, злые духи

Для цитирования: Николаева М. В. Вдохновение как жанр. Трактат ибн Шухейда о поэтическом творчестве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 12 (867). С. 137–142. DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_40

Original article

Inspiration as a Genre. Tractate on Poetry by Ibn Shuhayd

Maria V. Nikolaeva[1,2]

[1]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[2]*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*
losmarinik@mail.ru

Abstract. The paper studies the problem of the evolution of the traditional perception of the phenomenon of poetic inspiration on the material of the “Message about genies and evil spirits” by the Andalusian poet of the turn of 10th –11th centuries Ibn Shuhayd which reflected the main trends in the development of original Arabic literature of medieval Andalus during the period of active creative development when in the Arabic Maghreb affirms an end-to-end desire to formulate their own view of the world around (*ad-diraya* – recognition, knowledge, understanding).

Keywords: poetry, inspiration, Arabic classical literature, Andalus, originality, treatise, figurative system, genies, evil spirits

For citation: Nikolaeva, M. V. (2022). Inspiration as a Genre. Tractate on Poetry by Ibn Shuhayd. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(867), 137–142. 10.52070/2542-2197_2022_12_867_137

ВВЕДЕНИЕ

Традиционные представления о природе поэтического творчества у разных народов мира, так или иначе, связаны с вмешательством в жизнь обычного человека таинственных и загадочных сверхъестественных сил, которые придают ему уникальные способности, не присущие обычным людям. Несомненно, природа подобных представлений заслуживает специального внимания ученых – антропологов, культурологов и литературоведов.

В этом смысле можно по праву считать уникальным литературным памятником, отразившим в себе существенные компоненты средневековой поэтической традиции региона стран Арабского Запада в контексте представлений о сущности поэтического творчества, «Послание о двойниках и злых духах» (*Рисалат ат-таваби ва-з-заваби*) Абу Амира ибн Аби Мервана ибн Шухейда (992–1034). Этот незаурядный андалузский поэт, прозаик, литературный критик, представляет особый интерес для исследователей даже своей судьбой. В ней отразились драматические события истории страны аль-Андалус – арабо-мусульманской Испании XI–XII веков. Ведь Ибн Шухейд пережил и расцвет, и крах Коровского халифата Амиридов, который стал началом многочисленных войн так называемой «берберской смуты» (*фитны*) 1010–1030-х гг. Эти события оказали огромное влияние на исторические процессы во всем Средиземноморском регионе, с далекой древности являвшемся местом рождения, встречи и слияния различных этносов и культур, одной из которых стала уникальная цивилизация аль-Андалуса.

Последние десятилетия X века положили конец блистательной эпохе магрибинской державы – Кордовскому халифату Омейядов. С 976 по 1010 годы. продолжается агония династии Амиридов, после которой наступают десятилетия «смуты», сменившиеся периодом непрерывно соперничавших друг с другом на поле боя и роскошеством дворцов удельных княжеств. *Мулук ат-таваиф* – «Цари общин» – так называли арабы еще правителей Ирана после разгрома Александром Македонским державы персидского царя Дария. С 1009 года в течение 22 лет в Кордове сменилось 14 халифов, пятеро из которых возвращались к власти вторично, а трое принадлежали не к свергнутой династии Омейядов, а к берберскому клану Хаммудидов.

В 1085 году победоносной высадкой в Испании пассионарной берберской династии Аль-Моравидов была на время остановлен натиск Реконкисты христианских королей Испании.

При этом известно, что время правления удельных правителей *мулук ат-таваиф* XI–XII веков стало одним из самых цветущих и ярких периодов в истории магрибинской культуры, получившей новый импульс развития в условиях возрождения традиционной доисламской полисной традиции. Это был не столько период политической раздробленности, сколько период нового расцвета великих городов Магриба.

Существует единодушное мнение ученых о том, что в арабо-мусульманском Андалусе вплоть до XII–XIII вв. сохранялась особая атмосфера веротерпимости и этноконфессиональной открытости. Там происходили процессы удивительного **синтеза** восточных и западных культурных традиций в быту и общественной жизни, в сфере положения женщины и сочетания своеобразных полисных традиций с клановым родоплеменным патриотизмом местных владений. Процветало земледелие и садоводство, ремесла и строительство городов, науки и искусства. Этим объясняются и значительные культурные достижения страны аль-Андалус, прославившие ее как в западном, так и в исламском мире Средиземноморья данной эпохи. Достижения деятелей средневековой андалузской культуры: философов и поэтов, юристов и архитекторов, астрономов и историков (из которых даже сложилось отдельное сословие «*ахль ат-таарих*» т. е. «люди истории») и сегодня представляют богатейшее уникальное духовное наследие человечества.

Лишь в результате волны нашествий с Африканского континента пуританских династий Альмохадов и Альморавидов в XII–XIII веков произошел трагический слом уникальной полисной культуры Андалуса, что во многом способствовало постепенному упадку этого процветающего поликультурного ареала мировой цивилизации.

История средневековой литературы аль-Андалуса также имеет ряд особенностей, которые отличали ее от восточноарабского инварианта. Так, в раннесредневековом арабском Магрибе, к которому принадлежал и андалузская традиция, не было поэтов доисламской и раннемусульманской формации *аль-джахилий, аль-исламий,* (отдельные случаи ограничивались узкой средой представителей сирийских племен, пришедших в составе мусульманских завоевателей). В VIII веке не получили также большого распространения поэты типа *аль-муваллад*, выходцы из среды завоеванных народов халифата, прославившие восточноарабскую словесность в странах Машрика. В Магрибе в это время уже была собственная литературная традиция, хотя появившиеся к IX в. магрибинские поэты-обновители *аль-мухдас* не были так популярны, как их современники в Сирии или Ираке.

Западные улемы были одновременно и светскими литераторами, адибами, универсальными личностями, поскольку именно светские знания имели на Западе гораздо большее значение, чем на арабском Востоке. Если восточноарабская культура стремилась создавать культурные, интеллектуальные ценности, во всем подобные и равнозначные древним образцам на основе принципа «передачи традиции» (*ар-ривая*), то в Магрибе уже к X веку утверждается самоцельное стремление к формулированию собственной традиции и своего взгляда на окружающий мир (*ад-дирая* – постижение, знание, понимание).

В числе первых поэтов, адибов, улемов, составивших славу страны аль-Андалус: овеянный легендами поэт-обновитель (*аль-мухдас*) Аль-Газаль (773–864), кордовец Абу аль-Касим Аббас ибн Фарнас (ум. 887–888 г.) – изобретатель способа изготовления стекла из минералов и механических часов, первый адиб в Магрибе, который разобрался в теории стиха и объяснил акустическую природу музыки.

Кордовец Ибн Абд ар-Раббихи (858–940) в своем «Уникальном ожерельи» (*аль-акд аль-фарид)* сделал первую попытку дать общий обзор классической арабской поэзии, вошедшую в общеарабский классический фонд, так что современники называли это сочинение «восточным товаром в магрибинской упаковке».

Такие образом к X веку на Западе уже складывается собственная поэзия восточноарабского типа. Одними из первых среди ее представителей были, к примеру, бербер из Зинаты Бакра ибн Хаммада (816–909) и путешествовавший в Багдад странствующий панегирист Муатасым (ум. 833/842). Знаменитого уроженца Севильи поэта Ибн Хани аль-Андалуси (931–973) называли «аль-Мутанабби Запада». Мастера праздничных описаний дворцов, садов, животных, красот природы Али ат-Туниси (ум. 976) сравнивали с аль-Бухтури, а *нисба* поэта Ибн Дарраджа аль-Касталли (ум. 1030) уже прямо указывает на его кастильское происхождение.

Среди поэтов данного периода больше всего отвечал восточноарабским вкусам Ибн Хани, певец двух крупнейших центров андалузской культуры – столичной ученой Кордовы и праздничной Севильи. «Когда в Кордове умрет музыкант – его инструменты везут подавать в Севилью. Когда в Севилье умрет ученый – его книги везут продавать в Кордову» – говорили магрибинцы.

Диван предшественника великих андалузских поэтов XI века Абу Амра ар-Рамади не обнаружен, хотя его также сравнивали с аль-Мутанабби по склонности к поэтическим размышлениям и рефлексивной лиричности стиха.

Первые авторы-эпигоны восточноарабской культурной традиции в IX–X веков на арабском Западе стали предшественниками собственно самобытных магрибинских литераторов первых десятилетий XI века – периода «обновления», возникновения новых черт, в процессе становления оригинальной андалузской литературы в рамках общеарабской классики.

В числе пионеров-основателей самобытной магрибинской литературной традиции – Ибн Рашик аль-Кайруани (999–1064), составивший свод по средневековой арабской поэтике. *Аль-Омда фи махасин аш-ши'р ва адабихи ва-н-накд* («Основы красот поэзии и литературы и их отбора»); Ибн Шараф аль-Кайруани (1000–1067) из северноафриканского Кайруана, автор «Ожерелья голубки» (*Таук аль-хамама*), литератор-философ из Кордовы Ибн Хазм (994–1063), а также кордовец Ибн Шухейд (992–1035), создатель уникального поэтического трактата «Послание о двойниках и злых духах» (*Рисалат ат-таваби ва-з-заваби*).

Именно в этом сочинении впервые отчетливо проявляется традиция собственно самобытной магрибинской литературы и культуры, с ее особым вниманием к прозаическим жанрам и собственным авторам, критическим подходом и стремлением к новизне в процессе активного освоения всех классических и новейших образцов восточноарабской поэзии. В этом удивительном и столь характерном для магрибинской культуры произведении Ибн Шухейд дает своем собственное истолкование поэтического творчества, которое не встречалось до него на Арабском Востоке.

Следует отметить, что другим уникальным для истории андалузской и всей арабской средневековой литературы произведением стало «Ожерелье голубки» (*Таук аль-хамама*) андалузца Ибн Хазма, в котором автор представил свой анализ хрупкого процесса возникновения любовных отношений и различных проявлений любви. Все эти темы были к тому времени досконально разработаны восточноарабской поэзией, начиная с эпохи джахилийи. Однако новым здесь является именно прозаизация восточноарабской традиции любовной лирики. И здесь мы встречаем то же, что и у Ибн Шухейда, стремление к анализу поэтического творчества, попытки самоутверждения как поэта и желание найти эквивалент классических арабских стихов тому, что происходит в реальной жизни современников.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАМЯТНИКА

Уникальность и литературная значимость трактата Ибн Шухейда «Послание о двойниках и злых

духах» (1028) заключается в том, что он представляет читателю оригинальные тексты произведений как самого Ибн Шухейда, так и других известных арабских поэтов и прозаиков, начиная от первых доисламских поэтов *джахилийи* Имр уль-Кайса, Тарафы, признанных мастеров классического периода Абу Таммама, аль-Мутанабби, и вплоть до его современников X – начала XI веков.

Таким образом, за фантастической формой вымышленного путешествия в страну джиннов скрывается поэтический трактат в беллетризованной эпистолярной форме, где по существу, автор стремится дать свой собственный анализ традиционных взглядов на поэтическое творчество. С этой точки зрения его трактат может быть понят как развернутая метафора, творческая реализация приема, определенного В. Шкловским как «остранение».

Уже в самом начале сочинения, обращаясь к своему другу-адресату Абу Бакру и предполагаемому читателю автор признается, что может создавать хорошие стихи только в определенном состоянии духа, как бы предваряя и актуализируя древнеарабское представление о шайтанах, таинственных джиннах-духах поэтов, которые вещают их устами.

Далее следует рассказ о «чуде из чудес», автор повествует о встрече со своим собственным двойником по имени Зухейр ибн Нумейр и путешествии с ним в ту страну, где обитают духи поэтов. При этом он включает в этот сюжет также и джиннов-прозаиков, джиннов-критиков и даже джиннов-животных!

Но следует понимать, что если в этом «Послании ...» судят и оценивают стихи двойники и джинны известных поэтов и филологов, то на самом деле их оценки отражают представления самого автора, который в зависимости от своих предпочтений может выставить своих героев-двойников в самых различных образах – от героических до гротескно-сатирических.

Все эти вымышленные встречи структурируют художественную форму и отражают сознательное смещение акцентов, нетрадиционность отбора и аранжировок различных элементов восточно-арабской культуры, вплоть до определенной десакрализации и детрадиционализации восточной традиции.

ЛЕГЕНДА О ДЖИННАХ-ДВОЙНИКАХ ПОЭТОВ

Ибн Шухейда не случайно обращается к легенде о таинственных джиннах, двойниках арабских поэтов, которая существовала еще во времена доисламского периода-*джахилийи*. Ведь именно с ней во многом связаны традиционные представления арабов о сущности поэзии. (Вспомним у Фауста Гете: «Жду от *духов* слов и сил».)

Однако можно понять, что Ибн Шухейд уже не мог пользоваться термином «*шайтан*» в том безобидном нейтральном смысле, в котором он бытовал в среде джахилийских арабов, у которых и были распространены представления о «шайтанах поэтов» – *шаятын аш-шуара*. После того, как пророк Мухаммад, стремясь отмежеваться от бывших в его время вполне обыденными представлений о поэтическом «вдохновении» как наитии джиннов, объявил поэтов приспешниками сатаны и предрекал им место в Аду. Поэтому в трактате Ибн Шухейд использует иные названия этих же сил: «двойники», «спутники поэтов» (*таваби*, *асхаб аш-шуара*), и у каждого из них свое появляется свое конкретное физическое воплощение, зримый фантастический образ.

Если вначале можно подумать, что рассказ о путешествии в страну джиннов является своеобразной актуализацией древней легенды, то все последующее повествование постепенно ломает рамки традиции, когда реальный план повествования (обращение к другу, рассказ о детстве, воспоминания о годах учения) постепенно сменяется фантастическим, нереальным. Так фаустианский момент появления джинна-двойника Ибн Шухейда можно считать одним из наиболее ранних появлений мотива явления к автору нечистой силы в литературе ученой Европы (хотя и принадлежащий восточной традиции).

Анализ этого памятника показывает, как фантастический момент наполняется исторически-конкретным содержанием, а видимая на первый взгляд спонтанность, произвольность, структурных мотивов скрывает вполне определенные закономерности, однако при этом исчезает момент непостижимости, таинства, волшебства...

Становится очевидно, что здесь в значительной мере присутствует момент отбора, так как сам подбор персонажей обусловлен тем, что именно эти имена пользовались наибольшим вниманием андалузских ученых-филологов.

Мы видим, что автор, по существу, отрицает мистический, потусторонний характер поэтических сил. Так даже та неведомая таинственная земля, где должны проживать двойники поэтов, оказывается отнюдь не коранической преисподней:

> ...и я увидел землю, не похожую на нашу, с ветвистыми деревьями и душистыми цветами, и вздохнул воздух, не похожий на наш...[1] [Ибн Шухейд, с. 5].

[1] Ибн Шухейд. Рисалат ат-таваби ва-з-заваби. (Послание о двойниках и злых духах). Бейрут, б. г. [1973?].

Населяющие ее джинны-двойники оказываются вполне обыденными реальными существами: тщеславными, робкими или заносчивыми. При этом они знают обо всем, что происходит в мире людей. Потусторонний мир оказывается довольно правдивым отражением реального, а традиционные представления о необычности поэтического творческого процесса принимают фантастическую форму, переходящую в сферу некоего веселого абсурда: джинн поэта-воина аль-Мутанабби преследует врага, а двойник гуляки Абу Нуваса выходит мертвецки пьяным. Так, сама традиция начинает восприниматься читателем как фантастика, творческий вымысел. Тем самым это произведение дает нам возможность увидеть, как андалузские авторы перестают довольствоваться традиционными подходами и трактовками процесса художественного творчества арабскими филологами-современниками.

Автор словно бы лишает таинственные силы их сакрального характера, придавая духам и демонам человеческие черты. Тем самым он переключает наше внимание на способности, таланты самого человека, и прежде всего, представляет в самом выгодном свете собственное творчество и поэтическое мастерство. Ибн Шухейд в этом произведении стремится, прежде всего, противопоставить свое собственное творчество произведениям классической литературной традиции, скрывая свои литературные оценки за внешней увлекательной фабулой.

Поэтому такую важную роль играют на страницах «Послания…» многочисленные эпизоды поэтических поединков, а традиционный для арабской средневековой поэтической системы мотив состязания становится важнейшим художественным средством для раскрытия эстетических предпочтений автора. (Так, например, приходит в отчаяние двойник аль-Бухтури. Ведь он становится побежденным в поэтическом споре с Ибн Шухейдом и в сердцах восклицает: *«Чтоб ты пропал со своим спутником!»*)

Остро высмеивает автор на страницах своего трактата представителей традиционной схоластической учености с их традиционными критериями.

Расхождения во взглядах с творческими оппонентами приводят героев этого трактата Ибн Шухейда к взаимному непониманию, и полная невозможность найти общий язык приводит к полной трансформации их человеческой речи в блеяние овец, гогот гусей, мычание коров, ослиное ржание и т. д. Здесь непонимание гиперболизировано до предела, вплоть до полной трансформации самой художественной формы.

Так заявленное в самом названии трактата путешествие в не-мирскую обитель, потустороннюю сферу джинов и злых духов снижается до формы веселого хождения по этой почти буколической «преисподней», где внематериальное понятие «поэтического вдохновения» как бы персонифицировано в образе духа-двойника, подчиняемого мирским законам социальной иерархии. (Например, джинн Зухейр, двойник Ибн Шухейда, должен спрашивать разрешения у своего шейха.)

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСЛАНИЯ

В то же время нельзя не заметить в этом андалузском памятнике прямых аналогий с таким распространенным жанром средневековой словесности, как «видения» в их мусульманском варианте *сират исра ва-аль-ми'радж* — чудесное путешествие-вознесение пророка Мухадммада.

Если можно считать, что с жанровой точки зрения произведение Ибн Шухейда содержит многие признаки подобной литературы «видений», имеющей в своих вариантах такие разные и серьезные образцы, как «Мекканские откровения» (аль-Футухат аль Маккийя) Ибн Араби или «Божественная комедия» Данте [Суворова, 2006, с. 51], то нельзя не заметить, что андалузский автор скрыто перефразирует известный сакральный сюжет путешествия мусульманского пророка через семь небесных сфер на неведомом вьючном животном Бураке в сопровождении ангела Джебраила. Ведь вместо пророков от Адама до Ибрагима его герой встречается в неведомой земле с духами-двойниками известных арабских поэтов, лучшим среди которых становится он сам, а вместо постижения божественных истин высших сфер, автор показывает своему читателю, чем отличаются друг от друга эпигонская и истинная поэзия.

Мы видим в этом произведении также одну их первых в классической арабской традиции попыток создания сложной системы образов – персонажей, в которой реальные живые люди, сам автор и его друг-адресат сосуществуют с образами метафизических духов, что заметно уже в самом его названии. Однако эта обращенность к потустороннему миру некоей «обратной реальности» обусловливает и то, что все они остаются лишь ограниченными авторской задачей масками, ярко и достоверно играющими предписанные им роли.

Многочисленные вкрапления поэтических и прозаических отрывков и пародий также играют в этом произведении необычную для традиций арабской средневековой литературы роль. «Послание о двойниках и злых духах» Ибн Шухейда является первым в андалузской литературе

прозаическим произведением, где стихи не являются орнаментальными вставками для пояснения или доказательства тех или иных мыслей автора. Они имеют самостоятельное значение и играют главную роль в самой структуре этого «Послания…», именно они, по существу, и являются основной целью и основной причиной его написания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мотив поэтического вдохновения в «Послании о двойниках и злых духах» андалузского поэта рубежа X–XI веков отразил основные тенденции развития самобытной арабской литературы средневекового Андалуса периода ее активного творческого становления. Десакрализованные потусторонние образы таинственных духов и джиннов-двойников арабских поэтов воплотили в себе все представления автора о сущности поэзии, о роли и месте поэта в реальном мире.

На примере трактата Ибн Шухейда раскрываются характерные черты магрибинской культуры как удивительного феномена формирования культурного синтеза, трансплантации, когда одна – восточно-арабская традиция переносится в другую цивилизационную среду и бытует в ней, оставаясь сама собой и при этом становясь чем-то совершенно новым. Если восточноарабская культура стремилась создавать культурные, интеллектуальные ценности, во всем подобные древним образцам, то в Магрибе уже к X веку утверждается самоцельное стремление к формулированию собственной традиции и взгляда на окружающий мир (*ад-дирая* – постижение, знание, понимание).

Именно такой характерный тип западно-арабского ученого литератора, адиба, универсальной личности, для которого свободное светское знание и творческое вдохновение имеет гораздо большее значение, чем для схоластических улемов Востока, представляет нам в своем трактате о сущности поэзии Ибн Шухейд.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Суворова А. А. Lanterna magica (Волшебный фонарь). М.: Новости, 2006.

REFERENCES

Suvorova, A. A. (2006). Lanterna magica. Volshebnyj fonar' = Magic Lantern. Moscow: Novosti. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николаева Мария Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры восточных языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета,
старший научный сотрудник Отдела литератур Институт Востоковедения Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolaeva Maria Vladimirovna

PhD (Philology), Associate Professor at the Oriental Languages Department,
Moscow State Linguistic University,
Senior Researcher at the Literature Department,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 06.05.2022
одобрена после рецензирования 29.05.2022
принята к публикации 09.06.2022

The article was submitted 06.05.2022
approved after reviewing 29.05.2022
accepted for publication 09.06.2022

Научная статья
УДК 82.31
DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_143

Русская литературная классика XIX века в романе М. Павича «Пейзаж, нарисованный чаем»

Милица Николич
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
m.nikolich@linguanet.ru

Аннотация. Цель статьи – определение места и функций русской темы в художественном мире романа М. Павича «Пейзаж, нарисованный чаем». Исследование осуществляется методом пристального чтения, а также методом сравнительного и интертекстуального анализа. По его результатам следует заключение, что «Пейзаж, нарисованный чаем» является художественным выражением панславистских взглядов М. Павича, конструируемым посредством интертекстуальных отсылок к русской литературной классике XIX века и относящимся к ней мотивам.

Ключевые слова: Милорад Павич, русская тема, интертекстуальность, диалог, культура

Для цитирования: Николич М. Русская литературная классика XIX века в романе М. Павича «Пейзаж, нарисованный чаем» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 12 (867). С. 143–148. DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_143

Original article

Russian Literature Classics of the 19th Century in the Novel „Landscape Painted with Tea“ by M. Pavich

Militsa Nikolich
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
m.nikolich@linguanet.ru

Abstract. The purpose of the paper is to define the place and the Russian theme in the fictional world of the novel „Landscape Painted with Tea“. The study is carried out by using the methods of close reading, intertextual and comparative analyses. A conclusion was made that the novel „Landscape Painted with Tea“ is a literary representation of M. Pavich's panslavistic viewpoint which was represented with the intertextual references to Russian literature classics of the 19th century compounded of Russian historical cultural motives.

Keywords: Milorad Pavich, Russian theme, intertextuality, dialogue, culture

For citation: Nikolich, M. Russian Literature Classics of the 19th Century in the Novel „Landscape Painted with Tea“ by M. Pavich. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(867), 143–148. 10.52070/2542-2197_2022_12_867_143

ВВЕДЕНИЕ

Исследуя диалог восточноевропейских культур в эпоху барокко, М. Павич (1929–2009) особое внимание уделял русской культуре как важнейшему звену этого процесса. Сербский классик – сторонник концепции «барочного славизма» [Морозов, 1973], представляющей собой идею о единстве славянских народов, их особых взаимоотношениях в области политики, культуры и литературы в XVII–XVIII веков [Павић, 1970, с. 329]. В одном из интервью М. Павич так формулирует свое видение проблемы: «Я родился и всю жизнь прожил на Балканах, а потому говорю вещи, важные, прежде всего, для русских, сербов, греков»[1]. Особое внимание писатель уделял сербско-русским культурным и литературным взаимодействиям и взаимовлияниям.

С одной стороны, в отечественном литературоведении возрастает интерес к русско-зарубежным литературным связям и взаимодействиям. С другой стороны, рецепция Павичем русской литературы и русской культуры по-прежнему представляет собой недостаточно исследованный аспект его творчества. Данные факторы обусловливают актуальность настоящей работы.

Цель статьи заключается в определении места и функции русской темы в художественном мире романа «Пейзаж, нарисованный чаем» (1988). Достижение указанной цели предполагает анализ интертекстуальных отсылок к русской литературной классике и неотъемлемым от нее мотивам, а также исследование приемов и средств художественной объективации русской темы в романе. Исследование осуществляется с опорой на метод пристального чтения, а также методы сравнительного и интертекстуального анализа.

АВТОРСКИЙ МИФ ОБ ОДИНОЧКАХ И ОБЩИННИКАХ

Роман «Пейзаж, нарисованный чаем» состоит из двух дополняющих друг друга частей: «Маленький ночной роман» и «Роман для любителей кроссвордов». Авторский миф Павича об одиночках и общинниках из первой части романа представляет собой вечную притчу, находящуюся вне времени и пространства. Разделение Афонских монахов на эти две группы в соответствии с особенностями их мировоззрения и образа жизни экстраполируется на все человечество и сопрягается с проблемой поиска идентичности [Делић, 1991, с. 152].

Актуализация мифа в контексте судьбы протагониста, непризнанного архитектора Атанасия Свилара, «ощущавшего сорок пятый год своей жизни, как запах чужого пота», связана с его размышлениями об истоках личных, профессиональных и семейных неудач [Павић, 2002, с.12]. Герой приходит к выводу, что его глубинная природа одиночки несовместима со сферой архитектуры и строительства, традиционно принадлежащей общинникам. Назревает необходимость поменять суть своей природы. Последствия такого перехода – новые идентичность, национальность и язык. Таким образом серб Атанасий становится русским Афанасием Федоровичем Разиным. Новая национальность мотивируется тем, что его биологическим отцом был не майор Коста Свилар, а русский математик Федор Алексеевич Разин. При этом меняется не только национальность героя, но также окружающий его мир: из преимущественно сербско-греческого пространства «Маленького ночного романа» во второй части книги читатель переносится в мир, насыщенный отсылками к русским традициям и культуре. Однако поскольку Афанасий не смог полностью отказаться от своей первоначальной идентичности, русская тема пересекается с сербской.

Русская тема в «Пейзаже, нарисованным чаем» раскрывается с помощью интертекстуальных отсылок к творчеству и биографии классиков русской литературы «золотого» века, а также к русской и советской истории и традициям: православной культуре, особенностям общественного развития, характерной природе, культуре чаепития, народному творчеству и многому другому. Вышеперечисленные литературные и историко-культурные факторы находятся в особых диалектических отношениях, создающих целостный образ России в художественном мире Павича.

ИНТЕРТЕКСТ Н. В. ГОГОЛЯ

Ключевым моментом перехода Атанасия Свилара в Афанасия Федоровича Разина является чтение поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» в конце первой части романа: «на полке <…> лежала книга. Он открыл ее и узнал «Мертвые души» Гоголя, которую читал в 1944 году мальчишкой, в ту пору, когда русские подошли к Белграду» [Павић, 2002, с. 105]. Момент повторного чтения поэмы соединяет прошлое, когда герой читал текст первый раз во время освобождения Белграда советской армией, и настоящее. В то же время данный эпизод предвосхищает будущее превращение Атанасия. Герой внезапно понимает, что вернувшиеся с войны «отцы» смогли

[1] Шарый А. Хазарский выпуск Экслибриса «Милорад Павич. Лексикон XXI века» // Программы радио Свобода «Поверх барьеров». 1999. URL: https://goo.gl/nEqwcI

так быстро восстановить страну в силу того, что все они являлись общинниками, а сам он не способен строить потому, что принадлежит к одиночкам.

Сюжетный уровень поэмы Гоголя во многом предопределил эстетическое бытие уже преображенного героя Павича – Афанасия. Его торговая деятельность напоминает о покупке Чичиковым мертвых душ, но Павич совершает инверсию. Современный Чичиков сербского писателя покупает не мертвые души, а «белые пчелки» – души нерожденных детей. И герой Павича, и герой Гоголя не достигают успеха в своем деле, однако по разным причинам: Чичикова разоблачают жители города, а намерения Афанасия останавливает сам дьявол, забирая у него душу. У сербского писателя покупка «белых пчелок» получает «апокалиптический масштаб» [Харпањ, 2009, с. 202]. Последствия покупки нерожденных потомков отражаются на всем человечестве. Историк литературы Й. Делич усматривает в этом поступке героя желание создать своего рода тоталитарную антиутопическую систему [Делић, 1991, с. 290–291]. В неоднозначном ответе на вопрос причины покупки «белых пчел» выявляется также постмодернистский релятивизм.

Говоря о гоголевском интертексте, стоит отметить и иные образы. Так, например, Павич несколько раз использует русское слово «шинель». Он не уделяет ему особенного внимания, однако в современном сербском языке это слово не употребляется.

В одной из бесед о покупке «белых пчел» – нерожденных потомков – Афанасий оправдывает свои действия тем, что он одинок «как нос на лице» и, что в будущем ему нужна будет поддержка и опора [Павић, 2002, с. 93]. Тем самым очевидна отсылка к гротескной повести «Нос».

Подобно Гоголю, заканчивающему «Мертвые души» обращением к образу русской тройки, Павич предлагает читателю представить себе схожую картину, пародируя добродетели Афанасия [Ремеле, 2001]: «Кони в русской тройке, пока упряжка стоит на месте, не кажутся красивыми: они покусывают друг друга, жуют удила, не стоят на месте, мешают друг другу. Но в движении тройка – нет картины краше: кони тянут сильно, голова к голове, и кажется, под их копытами сама трава обращается в скорость. Так и добродетели Афанасия Свилара мешали друг другу, когда он пребывал в покое, терзали его, но, стоило ему настроиться на дело, все его доблести как бы объединялись» [Павић, 2002, с. 249].

ИНТЕРТЕКСТ Л. Н. ТОЛСТОГО

Личность Л. Н. Толстого изображена в тексте «Пейзажа, нарисованного чаем» косвенно. Павич переносит устойчивые представления о русском классике на образ его правнука, который хитрым способом успевает выкупить портрет своего деда у бабушки Афанасия. Граф Толстой, так же как и его предок, «благороден», носит бороду и по нему видно, что он ведет сельский образ жизни, так как предпочитает «переночевать в конюшне» [Павић, 2002, с. 103].

Интертекст Толстого в основном строится на отсылках к сюжету «Анны Карениной». Павич обращается к традиционному образу матери, оставляющей семью ради любовника, однако использует его «остраненно». Во-первых, сама кроссвордная структура романа дает читателям новое восприятие традиционных тем. Во-вторых, судьба и страдания героини Павича маскируются под оболочкой пародии. О своем чувстве вины и грехе Витача поет в песне на незнакомом ей самой итальянском языке: «После грехопадения с Разиным, после того, как я покинула родной край, после смерти дочерей, в которой я повинна больше всех, ибо бросила их, а матерь детей не бросает, мне уже непостижима небесная половина моего голоса <…> от единственной в моей жизни любви остались одни усы, которые годятся разве чтобы зубы почистить» [Павић, 2002, с. 219]. Узнав о смерти своих дочерей, она не показывает обычные признаки страдания кроме потери голоса. Внутренний мир своей героини Павич изображает с помощью неестественного происхождения ее голоса и песни, представляющей исповедь Витачи.

Мотив ревности и чувство вины, которые были причиной разрушения отношений между Анной и Вронским, присутствуют в рассказе о любви Витачи и Афанасия. Павич совершает инверсию и ревнивым становится сам герой, прежде незнакомый с этим чувством. Его ревнивость вызвана дьяволом с целью остановить покупки героя: однажды утром Афанасий гротескным образом просыпается в теле Виды, сестры Витачи, всю жизнь ревновавшей своего мужа.

Необходимо отметить и присутствие мотива поезда в романе сербского писателя. Герои Павича покидают свои семьи на поезде, при этом их чувства пародируются: «Оба они так перепугались этого своего поступка, что им было не до еды <…> кинулись прямо на вокзал. Потом они со смехом вспоминали, как Витача, когда они летели на вокзал, мечтала о ягненке, выкормленном морской травой, а Афанасий – о рыбе, три ночи пролежавшей в земле» [Павић, 2002, с. 129]. По задумке Павича внимательному читателю очевидно надлежит иметь в виду влияние «Анны Карениной» на сюжетную линию взаимоотношений между Афанасием и Витачей.

ИНТЕРТЕКСТ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Влияние Ф. М. Достоевского отразилось, прежде всего, на принципе построения диалогов у Павича. Согласимся с Н. С. Бочкаревой: по аналогии с разговорами Раскольникова с Порфирием Петровичем и Ивана Карамазова с чертом, Павич строит диалоги своих персонажей: «старшего Разина с партийным вербовщиком, младшего Разина с матерью, тремя сестрами и Азередо (дьяволом), а особенно майора Похвалича, убившего собственных дочерей, с полковником Крачуном» [Бочкарева, 2001, с. 53–54]. Все они наполнены вневременными и внесюжетными темами жизни, смерти и судьбы человека в целом.

В качестве примера приведем встречу майора Похвалича, первого мужа Витачи, с полковником Крачуном. Большую часть их диалога составляют рефлексивные слова полковника Крачуна о времени, о роли женщины в продолжении рода и трагедии смерти бездетных женщин. Соответственно, сам ход разговора не помогает майору заставить полковника признаться, что он убийца. К парадоксальной разгадке майор придет, опираясь на факты, не связанные с содержанием диалога.

Влияние Достоевского обнаруживается и во сне Афанасия, который чувством безмерного счастья, прямой связью с Богом, первоначальным образом человека и соответствующим пейзажем напоминает сон Ставрогина о «золотом» веке: «Вижу я какой-то берег, птицы над водой вьются в сумерках и пропадают из виду… Я сижу на берегу и молюсь» [Павић, 2002, с. 198–199]. В то время как у Достоевского Ставрогин говорит о человечестве, у Павича сон полностью определяется индивидуальностью Афанасия и его привязанностью к матери.

Как известно, Павич стремился поднимать в своих произведениях религиозные, политические и общечеловеческие вопросы. Так, в «Пейзаже, нарисованном чаем» возникает тема напряженных отношений между Востоком и Западом, аллегорически изображенных с помощью трех сестер, представляющиеся собой три официальные религии на Балканах. На глобальном идейном и концептуальном уровне сербский писатель также определенно находит образец в творчестве Достоевского, писавшего о России и Западе, поднимавшего вопрос о теодицее и религии, о положении человека в мире.

ИНТЕРТЕКСТ А. С. ПУШКИНА

История о родословной Витачи по женской линии изображена в главе под названием «Грязь», именуемой критиками «пушкинской повестью» [Попович, 2014, с. 68]. Глава знакомит читателя с Амалией Ризнич, в которую в свое время был влюблен А. С. Пушкин: «О том, какова была собою Амалия <…> можно судить по рисунку русского поэта Александра Пушкина, ибо и он посещал ее ложу в одесском театре, воспетую потом в “Евгении Онегине”» [Павић, 2002, с. 43].

История Амалии, которую богатый муж бросил на произвол судьбы, потому что она изменила ему «с кудрявым молодым человеком, носившим перстень на большом пальце и по имени Александр Пушкин» [Павић, 2002, с. 237], является антиципацией того, что произойдет между Витачей и Афанасием. При этом стоит отметить, что любовник героини Павича – слуга дьявола и внешностью напоминает русского поэта.

Линия родословной Амалии продолжается до Витачи и ее сестры Виды. При первой встрече Афанасия и Витачи Афанасий отмечает, что ее профиль напоминает «нарисованный рукой Пушкина профиль Амалии Ризнич на полях рукописи «Евгения Онегина». “Вылитая Амалия Ризнич” …» [Павић, 2002, с. 31]. Также в характере Витачи можно обнаружить сходство с героиней «Евгения Онегина» Татьяной. Во-первых, стиль исповеди Витачи о своей любви к новом любовнику, в роли которого оказывается сам читатель, напоминает письмо Татьяны Онегину. Следуя примеру героини Пушкина, Витача с полной открытостью поет о своей боли из-за смерти своих дочерей, исповедуясь в своей любви. Тем не менее своих предшественниц по любви и страданиям Витача видит в героинях мировой литературы: Ифигении, Дездемоне и Татьяне Лариной [Павић, 2002, с. 229].

Церемония гадания также сближает Витачу и Татьяну. В случае героини Павича оно может иметь пагубные последствия: от того, увидит ли Витача женщину или мужчину в воде, зависит, выживет ли она. В процессе гадания присутствует игровой прием загадки, часто используемый Павичем, а также стремление автора вовлечь реципиента в процесс создания текста. Витача увидит в блюде ни кого иного, как читателя, что делает его либо ее спасителем, либо убийцей.

Итак, сербский писатель обращается к творчеству и фактам из биографии Пушкина как к знакам русской культуры, зачастую изображая их пародийно. При этом Павич обращается к классику исключительно по имени и отчеству, подчеркивая, что речь идет о великом поэте, занимающем влиятельное место в истории русской мировой литературы.

РУССКИЕ МОТИВЫ

Анализ интертекста классической русской литературы подводит нас к необходимости исследования русского историко-культурного контекста.

Новая идентичность Афанасия отражается на окружающем его мире, который становится более насыщенным русскими темами, образами и мотивами. Например, югославскую коммунистическую партию из первой части романа во второй его части сменяет КПСС. Необходимо отметить, что такие изменения не означают полного исключения пласта сербской культуры, скорее происходит процесс наращивания. Так, Афанасий продолжает интересоваться личностью югославского лидера Броза Тита.

В пародийном рассказе об отце Афанасия – «Потешной истории о Федоре Алексеевиче Разине» – хронотоп полностью становится русским. Изображается пространство Москвы и Сибири, появляется тема сталинизма и судьбы русских интеллектуалов, возникают такие художественные детали, как снег, матрешка, чай, водка.

Русский историко-культурный контекст указывает на особенность русской культуры и природы, на жестокость зимы, на терпеливый характер народа. По мнению Е. Шатько, Павич изображает портрет русского человека, пользуясь определенными стереотипами, зачастую взаимно противоположными [Шатько, 2014, с. 529]. С одной стороны, русский человек силен как казаки может выпивать, даже не прерывая пение. С другой стороны, это интеллектуал, преданный своему языку, культуре и родине даже в эмиграции или в изгнании.

Композиционный принцип, с помощью которого изображены русские интертексты, напоминают принцип матрешки [там же, с. 530]. На текстуальном уровне Павич непосредственно указывает на определенный русский интертекст и предполагает активного читателя, который будет следить за отражением этого мотива на аллюзивном уровне. При этом некоторые интертексты несут сюжетообразующий характер, как, например, отсылки к творчеству Гоголя и Толстого, их обнаружение и понимание много значит для понимания текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Пейзаж, нарисованный чаем» является репрезентативным романом в плане присутствия русской темы в творчестве М. Павича. Он насыщен не только отсылками к литературной классике XIX века, но и к неотъемлемым от нее мотивам, что позволяет автору создать эффект целостности художественного мира. В ходе художественной объективации русской темы Павич, среди прочего, использует приемы пародии и гротеска, что, однако, ни в коей мере не уменьшает мировой значение русской культуры. Более того, русская литературная классика представляет собой для Павича мировоззренческий образец, на основе которого он придает своей прозе метафизическое и философское значение. Наконец, русская тема в «Пейзаже, нарисованным чаем» является художественным выражением панславистских взглядов М. Павича.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Морозов А. А. Новые аспекты изучения славянского барокко // Русская литература. 1973. № 3. С. 7–23.
2. Павић М. Историја српске књижевности барокног доба (XVII и XVIII век). Београд: НОЛИТ, 1970.
3. Делић Ј. Хазарска призма. Просвета: Београд, 1991.
4. Павич М. Пейзаж, нарисованный чаем / перев. Н. Вагапова и Р. Грецкая. СПб.: Азбука, 2002.
5. Харпањ М. Сликање чајем као интертекст романа // Летопис матице српске / прев. М. Вукадиновић. 2009. №189. С. 196–203.
6. Ремеле А. Сравнительный анализ сюжетной и образной структуры в «Пейзаже, нарисованном чаем» Милорада Павича и произведениях Н. В. Гоголя // Научные записки из желтого дома. 2001.URL: http://www.zheltydom.narod.ru/literature/txt/pejzazh_remele.htm
7. Бочкарева Н. С. Русская реминисценция в романе М. Павича «Пейзаж, нарисованный чаем» // Изменяющийся языковой мир: тез. докл. междунар. науч. конф. Пермь, 2001. С. 53–54.
8. Попович Т. А. С. Пушкин – Сокровенный герой прозы М. Павича // Болдинские чтения – 2014. Нижний Новгород: ООО «БегемотНН», 2014. С. 62–71.
9. Шатько Е. В. «Русские мотивы в прозе Милорада Павича» // Россия и русский человек в восприятии славянских народов / ред. А. В. Липатов, Ю. А. Созина. М.: Центр книги Рудомино, 2014. С. 525–531.

REFERENCES

1. Morozov, A. A. (1973). Novye aspekty izuchenija slavjanskogo barokko = New aspects of the study of Slavic Baroque. Russkaja literatura, 3, 7–23. (In Russ.)

2. Pavich, M. (1970). Istoriya srpske knizhevnosti baroknog doba (XVII и XVIII vek) = The History of Serbian Literature in the Baroque era (17th and 18th centuries). Belgrade: NOLIT.
3. Delich, J. (1991). Hazarska prizma = A Khazar's prism. Belgrade: Prosveta.
4. Pavich, M. (2002). Peyzazh, narisovaniy chayem = Landscape Painted with Tea. St. Petersburg: Azbuka. (In Russ.)
5. Harpany, M. (2009). Painting with Tea as the Intertextuality of the Novel. Letopis matice srpske, 189, 196–203.
6. Remele, A. (2001). Comparative Analysis of the Plot and the Imaginative Structure in the "Landscape Painted with Tea" by Milorad Pavich and in the Works of N. V. Gogol.
7. Bochkarova, N. S. (2001). Kulyturologicheskie reminiscencii s romane M. Pavicha "Peyzazh, narisovaniy chayem" = The Cultural Reminiscences in the novel "Landscape Painted with Tea by M. Pavich". Changing the Linguistic World (pp. 53–54): The theses of an international scientific conference. Perm: University of Perm. (In Russ.)
8. Popovich, T. (2014). A. S. Pushkin – Sokrovenniy geroy prozi M. Pavicha = A. S. Pushkin – A Hidden Hero of M. Pavich's Prose. In Boldinskie chteniya – 2014 (pp. 62–71): The digest of articles of an international scientific conference. (In Russ.)
9. Shat'ko, E. V. (2014). Russkie motivi v proze Milorada Pavicha = Russian Motives in the Prose of Milorad Pavich. In A. V. Lipatov, Y. A. Sozina (eds), Rossija i russkij chelovek v vosprijatii slavjanskih narodov (pp. 525–531). Moscow: Centr knigi Rudomino. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николич Милица

младший научный сотрудник научной лаборатории сравнительного литературоведения
и художественной антропологии, аспирант кафедры отечественной и зарубежной литературы
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolich Militsa

Junior Researcher at the Research Laboratory for Comparative Literature and Artistic Anthropology,
Postgraduate Student at the Department of Russian and World Literature,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 06.05.2022
одобрена после рецензирования 29.05.2022
принята к публикации 10.09.2022

The article was submitted 06.05.2022
approved after reviewing 29.05.2022
accepted for publication 10.09.2022

Научная статья
УДК 008 +316.4.06
DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_149

Селебрити как флагманы внедрения социокультурных трендов в обществе

М. В. Аверина
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
m-averina@list.ru

Аннотация. Феномен селебрити активно изучается в рамках направления celebrity studies. Наиболее продуктивными по степени влияния, согласно убеждению автора, являются achieved celebrity (по классификации Криса Ройека), приобретшие звездность благодаря своему таланту и творчеству. Сила коммуникационного воздействия, оказываемая знаменитостями при выстраивании взаимодействия с целевой аудиторией, способствует трансляции и поддержке внедрения социокультурных трендов, выполняющих функцию движущих сил социокультурной динамики. Achieved celebrity наиболее продуктивны в роли ранних последователей или раннего большинства согласно кривой инноваций, с помощью которых социокультурный тренд стремится к выходу на пик популярности.

Ключевые слова: селебрити, социокультурный тренд, celebrity culture, трендсеттеры, культурные индустрии, digital-селебрити, флагманский амбассадор

Для цитирования: Аверина М. В. Селебрити как флагманы внедрения социокультурных трендов в обществе / Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 12 (867). С. 149–156. DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_149

Original article

Celebrities as Flagships of the Introduction of Socio-Cultural Trends in Society

Marina V. Averina
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
m-averina@list.ru

Abstracts. The phenomenon of celebrity is being actively studied within the framework of celebrity studies. The most efficient in terms of the influence, in the author's opinion, are achieved celebrities (according to Chris Rojek's classification), who have gained stardom thanks to their talent and creativity. The power of communication impact exerted by celebrities in building interaction with the target audience contributes to the transmission and support of the introduction of socio-cultural trends that serve as the driving forces of socio-cultural dynamics. Achieved celebrities are most efficient in the role of early followers or early majority according to the innovation curve, when a socio-cultural trend tends to reach the peak of popularity with their help.

Keywords: socio-cultural trends, celebrities, celebrity culture, trendsetters, cultural industries, digital- celebrities, flagship ambassador

For citation: Averina, M. V. (2022). Celebrities as flagships of the introduction of socio-cultural trends in society. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(867), 149–156. 10.52070/2542-2197_2022_12_867_149

ВВЕДЕНИЕ. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРЕНДЫ: ПОНЯТИЕ, МЕХАНИЗМЫ ГЕНЕРИРОВАНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Обращение к понятию «социокультурный тренд» и к анализу стоящего за ним процесса обусловлено развернувшимися глобализационными изменениями, подразумевающими взаимопроникновение и последующее устойчивое взаимодействие, отчетливое взаимовлияние всех сфер функционирования социума, появление другой реальности, существующей по иным правилам, которые потребовали разработки новых методологий, совершенствования действующих исследовательских подходов, привлечение и использование другого понятийного аппарата. Однако прежде чем выйти на определение указанного понятия, уточним содержание термина «тренд» как одного из востребованных конструктов для обозначения динамических изменений в современном социуме.

В своем эволюционном понимании слово «тренд» (от староанглийского ***trendan*** – «катиться, поворачиваться, вращаться») претерпело несколько этапов: условно – «морской», «социальный» и «общий». В конце XVI века «тренд» подразумевает изгиб морского побережья, поворот реки, береговой полосы в определенном направлении; в дальнейшем значение изгиба и поворота стало использоваться при характеристике социальных процессов, например, темпов экономического роста, и в конце XIX века слово «тренд» понимается как общая, превалирующая тенденция[1] Online Etymology Dictionary[2].

В начале XX века вышеозначенный конструкт начал использоваться в экономике, математике и статистике для обозначения направления преимущественного движения показателей на графике, рассматриваемого в рамках технического анализа в виде значений индексов[3].

Во второй половине XX века употребление понятия «тренд» распространилось на сферу культуры, моды, обозначая наличие краткосрочной и периодически повторяющейся тенденции. В настоящее время активно вышеуказанное понятие употребляется в бизнес-среде, подразумевая отслеживание смены потребительских ожиданий и запросов или поведенческих моделей целевых аудиторий [Карасева, 2021].

В современных реалиях понятие «тренд» постоянно присутствует в информационном пространстве, выстраивая ассоциативный ряд с понятиями «тенденция», «прогноз», «вектор», «направление».

Приведем некоторые определения интересующего нас понятия. Джон Нейсбит, американский философ, социолог и футуролог рассматривает понятие «тренд» в качестве основного направления изменений социума, изучая которые можно понять смысл и причины отдельных событий, что в совокупности помогает выстраивать облик и суть нового общества [Нейсбит, 2003, с. 20–21].

M. Erlhoff, T. Marshall определяют тренд как направление, стиль или предпочтение в поведении потребителей, формирующееся в результате продолжительного движения рынка в одном направлении в течение определенного отрезка времени. Тренды отражают социокультурные изменения, происходящие в обществе, являясь системой сформированных сообщений о системе ценностей и взглядов того или иного периода [Erlhoff, Marshall, 2008].

Мартин Реймонд, сооснователь консалтинг-компании The Future Laboratory по прогнозу трендов и главный редактор журнала Viewpoint (специализированное издание о *трендах* в дизайне и рекламной индустрии), рассматривает тренд как направление (или вектор) движения определенных сил (агентов изменений), в качестве которых могут выступать процессы, социальные движения, продукты, «социальные» бренды как новый вид розничных моделей, группы потребителей и т. п., что продуцирует создание многих методологий и методов, используемых для прогнозирования вариантов будущего [Реймонд, 2020, с. 10].

Российский автор М. А. Скивко под трендом понимает некую тенденцию, оказывающую влияние «на стиль жизни общества, на способы социального взаимодействия, научно-технологический прогресс, политическую и экономическую жизнь общества. Также тренд может означать свойство, порядок изменений и состояние паттерна» [Скивко, 2021, с. 12].

Обращение к словарю-справочнику по социологии дает понимание тренда как относительно устойчивой ведущей тенденции постепенного изменения социального развития общества в целом, какого-либо конкретного явления или доминирующего направления в общественном мнении (при изучении динамики электорального поведения социальных слоев, изучении изменения демографических факторов и т. п.).[4]

[1] "The way something bends" (coastline, mountain range, etc.), 1777, earlier "round bend of a stream" (1620s), from trend (v.); sense of "general course or direction" is from 1884. Sense of "a prevailing new tendency in popular fashion or culture" is from c. 1950.

[2] URL: https://www.etymonline.com/word/trend#:~:text=trend%20(v.)&text=trend%20(n.),Remove%20ads%20%3E

[3] URL: https://economic-definition.com/Technical_Analysis/Trend_Trend__eto.html

[4] Лубский А. В. Социология. Словарь-справочник. 2006. URL: https://voluntary.ru/slovari/sociologija-slovar-spravochnik-2006-g.html

В представленных определениях (отражающих оперирование понятием преимущественно в сфере социогуманитарного знания) легко прослеживается:

1) сущностный признак тренда как направления изменений социального развития;
2) включение культурной компоненты как демонстрация значимости ее влияния на динамику изменений во всех сферах социума.

Действительно, по мере наращивания глобализационных тенденций, благодаря которым воздействие норм и ценностей национальных и этнических культур прослеживается и в политике, и в экономике и т. п., понятие «социокультурный тренд», способное отразить культурные факторы в развитии глобального социума, становится всё более востребованным для обозначения и анализа динамической составляющей социальных процессов (их возникновения, функционирования, затухания). Термин «социокультурный тренд» используется как с целью теоретического прогнозирования дальнейшего эволюционного движения социума, так и с целью отслеживания стихийных объективных изменений или сознательно реализуемых конкретных социокультурных практик

П. А. Сорокин, изучая социокультурные механизмы общественного развития, рассматривал возможность понимания эволюции социума только через осмысление системы ценностей, норм, образцов, значений, которые появляются во всех достижениях человеческой цивилизации; их анализ позволяет отслеживать причины и механизмы социокультурных изменений [Сорокин, 2006].

Выявляя представленность определений обсуждаемого понятия в современном научном социогуманитарном поле, следует отметить, что в большинстве случаев оно употребляется без уточнения содержания либо авторы ограничиваются кратким обозначением его сущности.

Так, И. Ю. Меренкова в своем диссертационном исследовании отмечает, что социокультурные тенденции (тренды) отражают направления изменений, происходящих в обществе, и плотно вплетены в специфический исторический и временной контекст [Меренкова, 1998].

Ряд авторов – Е. Л. Яковлева, А. С. Крапивенский, А. В. Шиловцев и др. – рассматривают понятие «социкультурного тренда» как «устойчивую тенденцию изменения динамического ряда показателей культурного уровня социума…» [Современный человек в социальном, духовном и информационном пространстве, 2013, с. 94–95].

При попытке сформулировать авторское определение обсуждаемого понятия естественна опора на общепринятое понимание тренда и ориентация на содержание социокультурных механизмов глобального и локального развития социума.

Социокультурный тренд можно определить как направленность культурного изменения в любой сфере жизнедеятельности социума, вызванного объективной необходимостью формирования новой системы норм социума. Оно сопровождается появлением и разработкой новых поведенческих паттернов, которые распространяются в массовом порядке или же, напротив, получают закрепление в отдельных слоях социума.

Учитывая то, что изменения в культуре могут быть прогрессивными и регрессивными, постепенными, эволюционными и революционными, принимая во внимание то, что возможны состояния кризиса и стагнации, или застоя, понятие «социокультурный тренд» в целом ориентируется на позитив. Однако в зависимости от специфики методологии, в рамках которой исследуется процесс не только порождения, но и влияния трендов на социум, негативные состояния могут спродуцировать прогрессивный эффект (в практической плоскости, например, это влияние пандемии на расширение онлайн-взаимодействия, которое повлекло количественное увеличение аудитории, овладевшее навыками использования интернет-коммуникаций – в пандемию блогеры заработали на 63,6 % больше)[1]. Анализируя действие социокультурных трендов в разных сферах функционирования социума, следует отслеживать распространение и влияние негативных кризисных тенденций (клиповое мышление, эйджизм, «бункерная ментальность», технизация культуры – японский спектакль «Три сестры. Андроид версия», где вместе с актерами задействованы андроид Geminoid F и робот-слуга Robovie R3» [Иванова, 2022].

Зарождение трендовой тенденции является значимым исследовательским фокусом внимания. Триггеры, пусковые механизмы, движущие пружины алгоритмов, сигналы и т. п. – все это термины, использующиеся для обозначения начала функционирования социокультурных трендов и развертывания культурных изменений в социуме. В качестве конкретных сигналов в рамках изменения культуры повседневности могут выступать проекты (социальный брендинг: бренды Everytable, KINN, Food Market, Freitag и Not Just A Label), продукты или сервисы (Airbnb, Uber, Rent the Runway, Etsy и экономика свободного заработка), исследование поведения человека (влияние хипстеров на сферу питания, моду, индустрию гостеприимства, путешествия и дизайн помещений – местные продукты, фуд-корты, особый джин,

[1] IAB Russia. 2011. URL: https://iabrus.ru/news/2011

лампочки Эдисона, эклектичные интерьеры) [Реймонд, 2020, с. 12].

Социокультурным трендом по праву можно считать и актуализацию неоэволюционной парадигмы как осознания необходимости ограничения воздействия человека на природный и социальный мир, понимания границ допустимых изменений в природе и их обратного влияния на социокультурное бытие. Итогом этих физических и ментальных процессов становится создание «экологической антропологии» (Sahlins M., Steward J., Harris M.) как важного направления неоэволюционистских культурантропологических исследований [Sahlins, 1964]. В контексте указанной парадигмы Л. Уайт акцентировал внимание на изучении реального избирательного поведения индивида и процессов принятия решений, вызывающих социально значимые последствия, свойственные отдельным социокультурным группам и организационным единицам, на их обусловленности факторами окружения и культурными нормами, ценностями, стандартами [White, 1949].

Не менее важной составляющей понимания механизмов развития (культурные заимствования, культурная диффузия, независимые открытия, культурная трансмиссия и т. п.) социокультурного тренда является определение факторов скорости и направления его распространения. Обычно для обозначения данных факторов используются термины «драйверы» и «барьеры» – по сути взаимосвязанные категории, обусловливающие усиление или погашение возникающих последствий (например, изменение климата выступает одновременно драйвером и барьером: драйвером для поиска новых решений и технологий в средствах накапливания и распределения возобновляемых источников и барьером для использования и наращивания привычных технологий в производстве продуктов питания) [Карасева, 2021].

Понимание алгоритма действия социокультурного тренда будет неполным без упоминания кривой диффузии инноваций как модели его распространения в конкретной социальной группе или в социуме как целом. Траектория распространения тренда выстраивается благодаря группам воспринимающих людей: инноваторы (2,5 %), ранние последователи (трендсеттеры) (13,5 %), раннее большинство (34 %), позднее большинство (34 %), отстающие (16 %). Представленные данные дают возможность обозначить траекторию жизни тренда: с инноваторами связаны исследования и запуск тренда, ранние последователи обеспечивают внедрение и продвижение, набор популярности тренда, его вирусное распространение. С присоединением раннего большинства тренд превращается в мейнстрим, позднее большинство обеспечивает выход тренда на пик популярности, движение к зрелости и насыщению, формированию плато и, собственно, интерес отстающих ведет к завершению жизненной активности тренда [Реймонд, 2020, с. 25].

CELEBRITY CULTURE В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, НОВЫХ МЕДИА И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Достаточно серьезное академическое направление исследований феномена селебрити (от *англ.* celebrity – «знаменитость, звезда»), его содержания и социокультурных эффектов, оказываемых на динамику функционирования социума, – celebrity studies осуществляется длительный период времени.

Ролевые разновидности знаменитостей представлены во всех сферах общества: политики и общественные деятели, телевизионные ведущие, художники, актеры, музыканты, спортсмены, дизайнеры одежды, т. е. в классическом понимании, люди, приобретшие известность благодаря своим подвигам, талантам, рекордам, творчеству.

Крис Ройек данную группу называет achieved celebrity – достигаемая известность, селебрити, достигшие своего статуса посредством наличия «суперспособностей» в виде харизмы, таланта, дара [Логунова, Лебедев, 2021].

В русскоязычной транскрипции термин «селебрити» закрепился относительно недавно в 2000-е годы с развитием интернет-пространства и соответствующих технологий, что привнесло новую коннотацию в обсуждаемое понятие, отражающее мнение Дэниела Бурстина (Daniel J. Boorstin), американского историка и культуролога, придумавшего этот термин еще в 1961 г. – «a celebrity is a person who is known for his well-knownness» [Boorstin, 1961] – селебрити знамениты только за счет известности в медийном пространстве.

Цифровые технологии, новые медиа и социальные сети способствовали появлению понятия digital-селебрити, для обозначения которого упоминаемый Крис Ройек употребил термин атрибутивная (наделенная) известность (attributed celebrity), формирующаяся с помощью медиа и возможно не имеющая под собой основы из реальных, значимых достижений [Rojek, 2001].

Медиаиндустрия сформировала широкий спектр инструментов, позволяющий привлекать интерес массовой аудитории к селебрити: откровенные

интервью о превратностях частной жизни, встречи с фанатами и ответы на вопросы, светская хроника, экскурсии по домам знаменитостей, реалити-шоу с участием звезд, распространение слухов и сплетен об известных людях.

Цифровые технологии позволили селебрити сделать свою повседневную жизнь, личные отношения, путешествия, приемы пищи и многие подробности быта достоянием массовой аудитории путем создания аккаунтов в соцсетях и превращения их в коммуникативную площадку, а лайки, количество подписчиков, включение в группы близких друзей, смену статусов в профиле, перекрестные эфиры, акции, конкурсы, ответы и реакции на сторис, количество комментариев – инструментарием подтверждения и повышения своего статуса селебрити [Мерзлякова, 2021].

Обращаясь к методологии Celebrity culture и в ее контексте к феномену digital-селебрити, можно с полной уверенностью говорить о наличии развития социокультурного тренда, основная задача которого не столько формирование общественного мнения (хотя эта функция активно эксплуатируется), сколько трансляции набора паттернов поведения для персональной репрезентации (профессиональные фотосессии, интервью, личные встречи, автограф-сессии, темы обсуждений с вопросами-ответами, рассказ о пути становления в сфере профессиональной и повседневной жизни). Всё перечисленное выше можно рассматривать в качестве универсальной технологии производства как личностных ценностей, так и части культурных индустрий, шоу-бизнеса и других сфер жизнедеятельности социума.

СЕЛЕБРИТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ГЕНЕРИРОВАНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРЕНДОВ

Ориентируясь на траекторию распространения социокультурного тренда согласно кривой диффузии инноваций, селебрити могут выступать в нескольких позициях, но, на наш взгляд, наиболее продуктивна их позиция в качестве ранних последователей, причем именно achieved celebrity, приобретших свою звездность благодаря своему таланту и творчеству, в соответствии с классификацией Криса Ройека (см. выше).

Именно они, на наш взгляд, становятся наиболее значимыми инфлюэнсерами, поскольку использование ими своих личных качеств: любознательности, эмпатии, знаний, опыта опирается на их репутацию музыканта, актера, певца, художника, спортсмена и способно связывать людей и идеи, что, по утверждению Мартина Реймонда, привлекает инноваторов, и успокаивающе и убеждающе действует на раннее большинство [Реймонд, 2020, с. 20], тем самым помогая тренду выходить на пик популярности.

Попытаемся в качестве условного трендвотчера представить для обсуждения обыгрывание ситуации с «предложением руки и сердца» репера A$AP Rocky (Раким Майерс) певице Рианне в его новом видео. Сакральные фразы, заключенные в вопросе «Marry Me?» и ответе ему: «I do» не произнесены, а продемонстрированы гриллзами. И в этом заключается некая интрига. Что это? 1) очередное желание эпатировать публику для продвижения своего творчества (?), что, несомненно, актуально, учитывая востребованность технологий эпатажа сферой шоу-бизнеса; 2) перенос акцента с аудиальной репрезентации сакрального момента на визуальную также несомненно актуален, учитывая визуальную природу современной культуры; 3) обсуждаемая ситуация может быть и тем самым сигналом (движущей пружиной алгоритма и т. п.) для распространения идеи, острой в индустрии event-менеджмента, где поиски оригинальности заявления о «скреплении сердец» не выходят с «повестки дня»; 4) а может быть это диверсификация рынка ювелирной отрасли и стоматологии; 5) распространение социокультурного тренда в рекламной индустрии, связанного с задействованием телесности как усталости от онлайн взаимодействия и формирования тенденции усиления тактильности в реальной жизни.

Учитывая, что 2,9 млрд аккаунтов по всему миру следят за Рианной, а число упоминаний о ней в Twitter, Instagram и Facebook достигло 734 тысяч (*mcmag, 2020*), не возникает сомнений в ее «инфлюэнсности» в статусе раннего последователя или раннего большинства.

Интерес в раскрутке гриллзов (*англ.* grills – в переводе «решетки») актуален, как уже упоминалось, для ювелирной отрасли и стоматологии. Использование современной интерпретации гриллзов датируется 80-ми годами XX века благодаря жителю Атланты Эдди Плейну, изделия которого начали носить многие рэперы. Два с лишним десятилетия означенная тенденция развивалась, увеличивалось как количество ювелиров, выпускающих гриллзы, так и число рэперов, популяризовавших этот аксессуар. В 2005 году трек под названием «Grillz», ставший одой этому украшению, был выпущен Nelly совместно с Ali, Полом Уоллом и Big Gipp (*mcmag, 2020*).

Олимпийский чемпион по плаванию 2012 года Райан Лохте, продемонстрировавший бриллиантовые гриллзы, напоминающие своей расцветкой американский флаг, на этих соревнованиях также

способствовал привлечению внимания публики к обозначенной тенденции новой спортивной аудитории.

В 2015 году DJ Khaled при участии Криса Брауна и Fetty Wap также посвятил модному изделию свой клип «Golden Slugs», на протяжении которого его золотые гриллзы были постоянно в фокусе внимания, что, по его высказыванию, послужило объектом интереса многих девушек (*mcmag, 2020*).

Однако излюбленный аксессуар хип-хоп исполнителей не получил такого тотального распространения как, к примеру, тату-культура, хотя аналогично раскрутке гриллзов, тату самого разного смыслового содержания вначале активно демонстрировались в том числе и в среде реперов и далее распространились практически во всех сферах функционирования социума, собственно, как и гриллзы в качестве золотых коронок были одним из статусных элементов среди цыганских баронов времен СССР, да и вообще были распространенным материалом в стоматологии в прошлом. Вполне возможно marriage предложение репера A$AP Rocky певице Рианне с помощью буквенных гриллзов – это подогрев интереса, демонстрация другого использования аксессуара. Гриллзы – главное украшение современности[1].

Упоминаемый нами ранее Мартин Реймонд по поводу необходимости отслеживания «слабых сигналов» как нового в культуре обращает внимание на важность поиска «чего-то странного, очень красивого или отвратительного». Например, «в дизайнерском блоге Dezeen читаете о паре кроссовок Nike HyperAdapt 1.0, которые сами надеваются на ноги хозяина – и шнурки завязывать не нужно» [Реймонд, 2020, с. 40], соответственно, откладывается информация о разработке новых технологий и продуктов для потребителей с ограниченными возможностями.

Несколько странным, на первый взгляд, может показаться, что новым лицом Louis Vuitton недавно стала Наоми Осака, которой предложили быть флагманским амбассадором самого дорогого фэшн-бренда (стоит $47 млрд). Таких контрактов не получали даже маркетинговые «монстры» Федерер, Шарапова и Серена Уильямс. Тем более если учесть, что Осака, участвовавшая в движении Black Lives Matter, остановила протестом на один день турнир US Open и заставила теннис говорить о жертвах полиции и расизма. Выбор Наоми Осаки флагманским амбассадором также, на наш взгляд, следует рассматривать в качестве сигнала необходимости демократизации брендов – носителей ДНК старой буржуазной роскоши. Новыми ценностями перестали являться очень дорогие вещи, впечатляющие публику своей эксклюзивностью, или труднодоступные клубы избранных; сила современных брендов в налаживании горизонтальной прямой коммуникации, в формировании общности взглядов со своей целевой аудиторией и возможностью для высказываний через построение коммьюнити, сторителлинге, инклюзии, создании идентичности: «Рианна рассказала о новом альбоме, линии Fenty Skincare и желании стать матерью»[2]; «Louis Vuitton снимал в рекламе Пеле и Марадону, а теперь подписал Наоми Осаку и показал: спорт – это новый люкс»[3].

Возникающие тенденции необходимо отслеживать и реализовывать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблематика, заявленная в названии статьи, является многоуровневой, подразумевающей отдельный скрупулезный анализ 1) отслеживания (*англ.* trend watching) слабых сигналов, которые свидетельствуют о возможном зарождении социокультурных трендов как показателей изменения культурных норм, образцов, стандартов, позволяющих ориентироваться в условиях нелинейности социального развития и при своевременном обнаружении обеспечивающих возможности организации комфортной жизнедеятельности; 2) роли селебрити, по мнению автора, achieved celebrity (классификация Криса Ройека), поскольку их репутация сформирована реальным творчеством, позволяющим им (благодаря приобретению звездного статуса) создавать ореол общественного доверия путем организации через социальные сети прямого взаимодействия с аудиторией, генерировать и продвигать социокультурные тренды. Не случайно появилась традиция измерения celebrity endorsement – оценка влияния бренда знаменитости и перехода его личных качеств и характеристик на продвигаемый им продукт.

[1] URL: https://mcmag.ru/grilzy-istoriya/

[2] URL: https://mcmag.ru/rianna-intervyu-vogue-uk-2020/#:~:text=

[3] URL: https://www.sports.ru/tribuna/blogs/glaz_naroda/2880623.html?utm_source=wh&utm_medium=share&utm_campaign=m.sports.ru

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карасева Л. Словарь трендвотчера: что такое тренд и как он распространяется. 2021. URL: https://trends.rbc.ru/trends/futurology/60798b539a79475149b2bb36
2. Нейсбит Д. Мегатренды / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, Ермак, 2003.
3. Erlhoff M., Marshall T. Design Dictionary. Perspectives on design terminology / M. Erlhoff, T. Marshall. Berlin – Basel: Birkhluser Boston, 2008.
4. Реймонд М. Исследование трендов. Практическое руководство / пер. с англ. Н. Константиновой; [науч. ред. О. Шаева]. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020.
5. Скивко М. О. Анализ рынка глобальных трендов: учебное пособие. Самара: Издательство Самарского университета, 2021.
6. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.
7. Меренкова И. Ю. Разработка социально-психологической типологии российского потребителя: дис. ... канд. психол. наук. М., 1998. URL: http://www.dslib.net/soc-psixologia/razrabotka-socialno-psihologicheskoj-tipologii-rossijskih-potrebitelej.html
8. Современный человек в социальном, духовном и информационном пространстве / Дарган А. А. и др. : коллективная монография. М.: Перо, 2013.
9. Иванова С. Проблема технизации культуры XXI века // Historicus. 2022. URL: https://historicus.media/problema_tehnizatsii_kulturi_XXI_veka/
10. Sahlins M. D. Culture and enviroment // Horizons of Anthropology, ed. by Sol Tax. Chicago: Aldine Publishing Company, 1964. P 132–148.
11. White L. A. The science of culture : A study of man a. civilization. New York : Farrar, Straus a. Cudahy, Cop., 1949.
12. Логунова О. С., Лебедев П. А. Digital-селебрити: трансформация теоретических подходов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. №5. С. 12–31. URL: https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1992/1583
13. Boorstin D. J. The image: A guide to pseudo-events in America. Vintage Books. A Division of Random House. Inc. New York, 1961.
14. Rojek C. Celebrity. London: Reaktion Books, 2001
15. Мерзлякова В. Н. Celebrity culture в системе современных культурных индустрий: особенности производства публичности в структуре новых медиа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 47–63. URL: https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/2008/158

REFERENCES

1. Karaseva, L. (2021). Slovar' trendvotchera: chto takoe trend i kak on rasprostranyaetsya = Trendwatcher's Dictionary: what is a trend and how it spreads. https://trends.rbc.ru/trends/futurology/60798b539a79475149b2bb36 (In Russ.).
2. Nejsbit, D. (2003). Megatrendy = Megatrends, transl. from English M. B. Levin. Moscow: AST, Ermak. (In Russ.)
3. Erlhoff, M., Marshal, T. (2008). Design dictionary. Perspectives on design terminology. Berlin – Basel: Birkhluser Boston.
4. Rejmond, Martin. (2020). Issledovanie trendov. Prakticheskoe rukovodstvo = Trend research. Practical guide, transl. from English by N. Konstantinova ; [ed. by O. Shaev]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. (In Russ.)
5. Skivko, M. O. (2021). Analiz rynka global'nyh trendov = Market analysis of global trends: a textbook. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo universiteta. (In Russ.)
6. Sorokin, P. A. (2006). Social'naya i kul'turnaya dinamika = Social and cultural dynamics. Moscow: Astrel. (In Russ.)
7. Merenkova, I. Yu. (1998). Razrabotka social'no-psihologicheskoj tipologii rossijskogo potrebitelya: PhD in Psychology. Moscow. http://www.dslib.net/soc-psixologia/razrabotka-socialno-psihologicheskoj-tipologii-rossijskih-potrebitelej.html (In Russ.)
8. Dargan, A. A. et al. (2013). Sovremennyj chelovek v social'nom, duhovnom i informacionnom prostranstve = Modern man in the social, spiritual and information space: [collective monograph]. Moscow: Pero. (In Russ.)
9. Ivanova, S. (2022) Problema tekhnizacii kul'tury XXI veka = The problem of the technization of culture of the 21st century // Historicus. URL: https://historicus.media/problema_tehnizatsii_kulturi_XXI_veka/https://historicus.media/problema_tehnizatsii_kulturi_XXI_veka/ (In Russ.)

10. Sahlins, M. D. (1964). Culture and enviroment. In Tax, S. (ed.), Horizons of Anthropology (pp. 132–148). Chicago: Aldine Publishing Company.
11. White, L. A. (1949). The science of culture : A study of man a. civilization. New York : Farrar, Straus a. Cudahy, Cop.
12. Logunova, O. S., Lebedev, P. A. (2021). Digital-selebriti: transformaciya teoreticheskih podhodov = Digital celebrities: transformation of theoretical approaches. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny, 5, 12–31. https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1992/1583 (In Russ.).
13. Boorstin, D. J. (1961). The image: A guide to pseudo-events in America. New York: Vintage Books. A Division of Random House, Inc.
14. Rojek, C. (2001). Celebrity. London: Reaktion Books.
15. Merzlyakova, V. N. (2021). Celebrity culture v sisteme sovremennyh kul'turnyh industrij: osobennosti proizvodstva publichnosti v strukture novyh media = Celebrity culture in the system of modern cultural industries: features of the production of publicity in the structure of new media. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny, 5, 47–63. https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/2008/1585 (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аверина Марина Владимировна
доктор культурологии, доцент,
профессор кафедры коммуникационных технологий
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Averina Marina Vladimirovna
Doctor of Culturology (Dr. habil.), Associate Professor,
Professor of the Department of Communication Technologies,
Institute of International Relations and Social and Political Sciences,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 06.05.2022
одобрена после рецензирования 29.05.2022
принята к публикации 10.09.2022

The article was submitted 06.05.2022
approved after reviewing 29.05.2022
accepted for publication 10.09.2022

Научная статья
УДК 008
DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_157

Тема Петербурга в творчестве Иосифа Бродского: культурный контекст. Статья вторая. Возвращение города

В. А. Тёмкин[1], **И. А. Подольская**[2]

[1]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
vitem222@mail.ru

[2]*Московский государственный институт международных отношений (Университет), Москва, Россия*
irinapodolskaya@yandex.ru

Аннотация. В статье продолжается анализ темы Петербурга в творчестве И. Бродского, начатый авторами в предыдущей публикации. Образ Петербурга, составляющий основу поэтического универсума И. Бродского, порождает в сознании поэта общекультурные аналогии. Становление Петербурга приходится на эпоху классицизма, когда зарождается русская поэзия. Классическая ориентация на античность предопределила стержень русской поэзии, прежде всего, в Петербурге. Так, через образ родного города, происходит ментальное возвращение туда самого поэта.

Ключевые слова: творчество Иосифа Бродского, образ Петербурга, классицизм, пространство мировой цивилизации, зарождение русской поэзии

Для цитирования: Тёмкин В. А., Подольская И. А. Тема Петербурга в творчестве Иосифа Бродского: культурный контекст. Статья вторая. Возвращение города // Вестник Московского лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 12 (867). С. 157–163. DOI 10.52070/2542-2197_2022_12_867_157

Original article

The Theme of St. Petersburg in the Works of Joseph Brodsky: Cultural Context. Article Two. Return of the City

Victor A. Tyomkin[1], **Irina A. Podolskaya**[2]

[1]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
vitem222@mail.ru

[2]*Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia*
irinapodolskaya@yandex.ru

Abstract. The article continues the analysis of the theme of St. Petersburg in the works of I. Brodsky, started by the authors in the previous publication. The image of St. Petersburg, which forms the basis of the poetic universe of I. Brodsky, brings the poet to general cultural analogies. The formation of St. Petersburg falls on the epoch of classicism, when Russian poetry was born there. The classical orientation to antiquity laid the core of Russian poetry, first of all, in St. Petersburg. So, through the image of his hometown, there is a mental return of the poet himself there.

Keywords: creative works of Joseph Brodsky, the image of St. Petersburg, classicism, the space of world civilization, the origin of Russian poetry

For citation: Temkin, V. A., Podolskaya, I. A. (2022). The theme of St. Petersburg in the works of Joseph Brodsky: Cultural context. Article Two. Return of the city // Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(867), 157–163. 10.52070/2542-2197_2022_12_867_157

ВВЕДЕНИЕ. ИТАЛЬЯНСКИЕ АССОЦИАЦИИ

Образ «своего» пространства немало занимал Бродского. Опознавание происходило везде, но в Италии — особенно, и более всего в Венеции: там поэт видел южных «братьев» северных петербургских сфинксов, знакомых с детства и памятных навсегда, там оживала застывшая в питерских фризах Амфитрита:

> ...протяни
> руку — и кончик пальцев коснется торса,
> покрытого мелкими пузырьками
> и пахнущего, как в детстве, йодом
> [Бродский, 1995, с. 97].

Венецианские аналогии вещественны. Из вещества, материи, материала у Бродского созданы пространство и время, причем пространство напрямую отождествляется с вещью, а время понимается как «мысль о вещи» [Бродский, 1995, с. 189]. В «Венецианских строфах (I)» вещественно все: и окна, всплывающие в канале (заметим: не отражения окон), подобные золотой чешуе, и то, что находится в комнатах и в свою очередь отражается в воде, однако при этом также именуется поэтом не отражением, а «вещью» [Бродский, 1994, т. III, с. 52]; в «Сан-Пьетро» тот же взгляд извне, от обшарпанных фасадов, не мыслящих «себя в профиль», затем на непроницаемое стекло, за которым тем не менее, как знает лирический герой, «скрывается кушетка и пианино» [Бродский, 1995, с. 97].

Как уже упоминалось, Бродскому необходим звук. И Венеция звучит, отдаваясь в ушной раковине:

> ...Ушную
> раковину затопляет дребезг колоколов.
> То бредут к водопою глотать речную
> рябь стада куполов [Бродский, 1994, т. III, с. 54–55].

Или в другом месте: «...город сродни попытке // воздуха удержать ноту от тишины», и дворцы сравниваются со сдвинутыми пюпитрами, плеск воды с аплодисментами, а набережная — «как иней, // осевший на до-ре-ми» [Бродский, 1994, т. III, с. 52].

Венеция есть город, но она близка к понятию дома – тот же случай, что и с Нью-Йорком: в «Сан-Пьетро» человек выходит на улицу «в пиджаке на голое тело и в туфлях на босу ногу» [Бродский, 1992, т. II, с. 428]. Но метафизика изгнания такова, что сказанное относится лишь к *своему* «городу-огороду», Нью-Йорку, а не к *родному* Питеру.

В Милане Бродский написал стихотворение «В Италии». Большая часть текста посвящена отражению, теперь уже метафизическому (не в воде, а в восприятии, служащем призмой преломления Петербурга через образы культуры другой страны):

> И я когда-то жил в городе, где на домах росли
> статуи <...> Теперь там садится солнце, кариатид
> слепя [Бродский, 1995, с. 105].

Объект существует лишь в воспоминании, в действительной жизни поэта его больше нет, но его отражением становится реальность, данная ему в непосредственном визуальном переживании. В этом смысле показательно стихотворение «Декабрь во Флоренции»: помимо мотива отражения, в нем возникает итоговая для Бродского тема невозврата в город, где он родился, но его приметы фиксируются как некоторая самодостаточная данность, существующая и без человека, покинувшего город [Бродский, 1992, т. II, с. 385]. Объяснение находим в другом месте:

> Помни, что прошлому не уложиться
> без остатка в памяти, что ему
> необходимо будущее [Бродский, 1995, с. 98].

Время и пространство, однако, могут быть верифицированы лишь одним началом – свободой:

> ...и даже
> сорвись все звезды с небосвода,
> исчезни местность,
> все ж не оставлена *свобода,*
> *чья дочь — словесность*
> (*И. Бродский, Пьяцца Маттеи*).

Свобода, прошедшая через географический, визуальный контакт с миром, через мичиганскую пустыню и плоскость голландских берегов — в Италии, колыбели культуры, месте, где «произошло всё», а потом «поползло через Альпы», где каждый камень и звук говорят о родном городе, – парадоксально осмысляется через отрицание *места*. Но «исчезни местность» – это не только покинутый город на Неве, хотя формально «исчез» не город, не вечный город Рим, а человек, произносящий это повеление. Рим нельзя покинуть, если принадлежишь к христианской цивилизации. Через образ Рима и, несомненно, подразумеваемой идеи Петербурга как отражения Рима, Бродский вплотную подходит к теме важности Петербурга для русской словесности: «Нет другого места в России, где бы воображение отрывалось с такой легкостью от действительности: русская литература возникла с появлением Петербурга» [Бродский, 2001, т. V, с. 58].

ПЕРЕИЗБЫТОК ПРОСТРАНСТВА

> На что где-нибудь ушел бы век, здесь вписывалось в десятилетие. Время приобретало мифические свойства, потому что то был миф творенья.
>
> *И. Бродский*

Обратившись полностью лицом к Петербургу, без посредства других городов, но с ощущением свободы, данной не столько пространствами излюбленных мест, сколько объективацией предмета, Бродский погрузился в осмысление проблемы. «В контексте тогдашней русской жизни возникновение Санкт-Петербурга было равносильно открытию Нового Света: мыслящие люди того времени получили возможность взглянуть на самих себя и на народ как бы со стороны...» [Бродский, 2001, т. V, с. 60–61].

Итак, погружение: в начале ступени, знакомые каждому – место города на карте России и замысел Петра. Важно и значимо ощущение атмосферы создания города. Бродский не опирается на общеизвестный мотив тумана в Петербурге, но противопоставляет Петербург остальному «клаустрофобическому» русскому миру по температурной шкале: «собственно-русский», «матерно-теплый» мир «дрожал мелкой дрожью на пронизывающе холодном балтийском ветру» [Бродский, 2001, т. V, с. 55]. В данном контексте теплота связана с традиционностью и невозможностью воспринимать чужое, а холод, напротив, ассоциируется с революцией, осуществленной Петром I в русской жизни. Особенность данного текста заключается в понятийном отождествлении сознания Петра и собственных представлений. Говоря о том, что Петр не страдал комплексом неполноценности и потому хотел не подражать Европе, а *сделать* Россию Европой, Бродский тут же перешел к близким ему пространственным категориям: «...Он [Петр] рассматривал любую страну, на чью почву ему случалось ступать <...> всего лишь как продолжение пространства» [Бродский, 2001, т. V, с. 56]. Мы помним, что пространство у Бродского имеет природу вещи. Далее читаем: «Пространство разворачивалось предельно плоское, горизонтальное, и у него были все основания относиться к этому пространству, как к карте, где прямые линии наиболее выгодные» [Бродский, 2001, т. V, с. 57]. Это вещь протяженная, но вполне подлежащая освоению. Наконец, это такая вещь, которая побуждает к чувственному восприятию: «В общем, он был влюблен в пространство и особенно – в морское», — резюмировал поэт [Бродский, 2001, т. V, с. 56].

Через образ моря и ощущение незащищенности перед стихией Бродский подвел читателя к одной из граней процесса «отчуждения» города в русском национальном сознании и, как следствие, в словесности [Бродский, 2001, т. V, с. 58]. Но поэту важен не только механизм отчуждения, ибо этим не может исчерпываться тот сдвиг в сознании, что оторвал воображение «с такой легкостью от действительности». В поисках наиболее близкой аналогии модели места-города Бродский максимально скрупулезен. Поэтому и город не столько иностранец, сколько моряк, и «Петр Первый в некотором роде добился своего: город стал гаванью, и не только физической. Метафизической тоже» [Бродский, 2001, т. V, с. 58].

Пространство берега и водное пространство – вот доминанты осмысленного Бродским градостроительного поля Петербурга. И если в начале как бы вместе с Петром (или даже вместо Петра) он «сотворяет» город на избранном месте, то архитектурные решения послепетровской эпохи воспринимаются им отстраненно. Прослеживается влияние пространства на возникающую в устье Невы проекцию европейской цивилизации. Одно из проявлений этой тенденции, причем рассматриваемой в сравнении с водой, хлынувшей после открытия шлюзов, Бродский усматривает в архитектуре, точнее в ансамблевом строительстве, при котором не востребуется отдельность здания. Зато ансамбль появляется сразу и как пейзаж [Бродский, 2001, т. V, с. 59].

Пространство-вещь, имеющееся в избытке и даже переизбытке, который обусловлен, в частности, обилием воды, превращает все, что заимствуется на Западе, в безошибочно российское творение [Бродский, 2001, т. V, с. 59]. Достигается это за счет возможности для города отражаться в воде и таким образом существовать как минимум в удвоенном состоянии.

На этом, в сущности, погружение в город Петербург и заканчивается. А начинается с легкостью воображения, отрывающегося от действительности, погружение в отражение города и места.

ОТРАЖЕНИЕ ГОРОДА В ЛИТЕРАТУРЕ

> Неудивительно, что порой этот город производит впечатление крайнего эгоиста, занятого исключительно собственной внешностью. Безусловно, в таких местах больше обращаешь внимание на фасады, чем на наружность себе подобных.
>
> *И. Бродский*

И это уже не плоскость зеркала воды, но зеркало словесности: «Изображение внешнего и духовного

интерьера города, его влияние на людей и их внутренний мир стало основной темой русской литературы почти со дня основания Петербурга» [Бродский, 2001, т. V, с. 60].

Бродский неоднократно подчеркивал, что русская литература родилась на берегах Невы и водный город Петербург к началу XIX века стал «столицей русской словесности» [Бродский, 2001, т. V, с. 60]. Перебирая персонажей «Медного всадника» и гоголевской «Шинели», «что была содрана с бедных чиновничьих плеч нигде иначе, как в Петербурге...» [там же], и далее, вплоть до создания средствами литературы «стереоскопической картины внутреннего реального Санкт-Петербурга» [там же], – поэт подводит нас к парадоксальному для любого другого города следствию отображения: «Как это нередко случается с человеком перед зеркалом, город начал впадать в зависимость от своего объемного отражения в литературе» [Бродский, 2001, т. V, с. 61]. Заметим, что мотив воды уходит как отработанный, но мотив отражения остается, причем поэт настаивает на почти нарциссическом вглядывании города в литературу. В этом зеркале, заметим, он в XIX в. видел преимущественно уродливые социальные явления, происходящие на не обязательно описанном, но подразумеваемом фоне совершенной архитектуры.

Убогость, отставные офицеры, бедные вдовы, униженные писари, ограбленные государственные чиновники, увиденные на фоне «безупречно классических, утопических портиков», «совершенной до абсурда архитектуры», преследовали воображение писателей и «наводняли первые главы русской прозы» [Бродский, 2001, т. V, с. 61]. Но так часто возникали эти персонажи на бумаге, и «так много было людей, населявших бумагу ими, и так безупречно владели эти люди своим материалом, и таков был этот материал – слова, – что очень скоро в городе стало твориться нечто странное» [там же]: отражаемый и отражение слились друг с другом.

Классическую же проблему взаимоотношений искусства с действительностью в случае Петербурга и петербургской словесности Бродский решает радикально: с его точки зрения, к середине XIX века русская литература прекращает растождествляться с реальным пейзажем, в котором происходят описанные реальные или придуманные события, и то, что ныне, после возникновения концепции «петербургского текста», принято именовать «петербургским мифом», перестает отличаться от «доподлинно существовавшего» [Бродский, 2001, т. V, с. 61–62]. Слово и безупречное владение им, с одной стороны, и город – «самый умышленный город» (многократно повторенная Бродским цитата из Достоевского [Достоевский, 1973, т. V, с. 101]) – с другой, представляют собой неделимое явление, и недаром понятие «города текста» родилось впервые именно по отношению к петербургской словесности.

Петербург двойствен. Это место на «пронизывающем балтийском ветру» с близкими и огромными водными пространствами, не соответствующий российской модели «дома» [Разувалова, 2004]. И это небывалый в России фон, город-декорация, высший эстетический ряд. По Бродскому, архитектурные ансамбли Санкт-Петербурга воспринимались в истории русской эстетики «как предельно возможное воплощение такого порядка» [Бродский, 2001, т. V, с. 64].

По крайней мере, то, что касается «формы», что можно было бы назвать внешним рядом, через эстетическое восприятие преломлялось в своеобразные творческие фантомы. «Человек, проживший в этом городе достаточно долго, склонен связывать добродетель с пропорциональностью. Это старая греческая идея, но будучи перенесена под северные небеса, она обретает несколько воинствующий характер и заставляет художника, мягко говоря, чрезвычайно заботиться о форме. Такое влияние особенно очевидно в отношении русской или, по месту рождения, петербургской поэзии» [Бродский, 2001, т. V, с. 64].

ПЕТЕРБУРГ КАК ЗЕРКАЛО МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

> Создаваемое сегодня по-русски или по-английски, например, гарантирует существование этих языков в течение следующего тысячелетия. Поэт, повторяю, есть средство существования языка. Или, как сказал великий Оден, – он тот, кем язык жив».
>
> *И. Бродский*

> И не является ли тогда язык хранилищем времени? И не поэтому ли время его боготворит? ... И не являются ли те, кем «жив» язык, теми, кем живо и время.
>
> *И. Бродский.*

Архитектурный стиль Петербурга, сколь бы ни был приближен к российским реалиям, был создан не в России и имеет античную первооснову. Не в России были созданы стихотворные произведения, признанные классическими. Однако для Бродского оба контекста, и визуального, и словесного искусства, не являются полем для заимствований и не порождают соответствующую систему. Напротив, для него это несомненное соответствие общемировому движению цивилизаций [Бродский, 2001, т. V, с. 305].

Движение цивилизаций в поэтических ощущениях Бродского связано с мотивом воздушного перемещения, в котором важна роль метафоры «облако-мрамор»:

> Дорога туда естественно лежала сквозь облака,
> напоминавшие цветом то гипс, то мрамор
> [Бродский 1995, с. 133].

> Что бы узнал древний римлянин? <…> Очертания,
> облака… [Бродский, 1994, т. III, с. 128].

> Январь. Нагроможденье облаков
> над зимним городом, как лишний мрамор
> [Бродский, 1995, с. 128].

> У мрамора больше сходства с облаком, нежели с почвой [Бродский, 2001, т. V, с. 312].

Это вполне естественно для Бродского, для которого «храм выглядит скорее спущенным с неба, чем воздвигнутым на земле» [Бродский, 2001, т. V, с. 312]. Заметим, что поэт неоднократно говорил об архитектурных ансамблях Петербурга в русском эстетическом представлении как о воплощении идеи порядка, что основано на принципе симметрии и чувстве ритма [Бродский, 2001, т. V, с. 312].

Цивилизационные циклы для Бродского конечны и дискретны, след цивилизации подобен отпечатку гигантского моллюска (образ моллюска вводит дополнительную тему взаимодействия исторического и доисторического). Умиранию противостоит время (как мы помним, время для поэта есть «мысль о вещи») и язык, эту мысль транслирующий. Пространственные составляющие конечны как любые вещи (см. об этом в «элегии в жанре отрывка» «Меньше единицы»). Но язык живет до тех пор, пока жив человек, а поскольку с человеком кончается история, то в таком смысле язык вечен. Изысканно-прекрасное пространство заставляет звучать язык, продолжая на века вперед не только симметрию и идею порядка, материально выраженную в архитектуре, но и существование языка, на котором можно говорить о совершенном искусстве, а при этом и человеческого вида. Последнее исторически конкретно: «Поскольку цивилизации конечны, в жизни каждой из них наступает момент, когда центр больше не держит. В такие времена не войско, а язык спасает их от распада. Так было с Римом, а до того с эллинистической Грецией» [Бродский, 2001, т. V, с. 120].

Восприятие опирается непосредственно на «старую греческую идею» о «связи добродетели с пропорциональностью». И поэтическая школа от Ломоносова и Державина до Пушкина и его плеяды существовала под тем же знаком, под которым была зачата – «под знаком классицизма» [Бродский, 1995, с. 180]. Этим объясняются и, в частности, самоотождествления любого ныне действующего стихотворца «с одним из четырех римских поэтов <…> Вергилий, Гораций, Овидий и четвертый <…> нет, скорее Проперций, а не Катулл…» [Бродский, 2001, т. V, с. 64]. В качестве возможной аналогии Бродский приводит «великую четверку» – Мандельштама, Пастернака, Цветаеву и Ахматову. И дело не в том, что здесь Бродскому видится симметрия темпераментов, и не в той легкости, с какой всё переносится во времени и пространстве из античности на берега Невы, и даже не в отчетливом ощущении повтора, движения цивилизаций по кругу, – а в неразрывности ткани языка.

Через римских элегиков конца I в. до н. э. Проперция и Овидия, через Александрийскую школу поэзии с ее традицией пропорциональности, гармонии, симметрии, которой поэзия пользуется по сей день, Бродский перекидывает мостик живой связи к особенностям и традиции русской поэзии с ее приверженностью к классическим формам и, в частности, к поэзии О. Э. Мандельштама.

Статья Бродского о Мандельштаме «Сын цивилизации», как и весь цикл работ поэта о поэте, требует отдельного исследования. Множество нитей связывает образ Мандельштама в творчестве Бродского с ролью Петербурга в мировом пространстве цивилизации, с общим культурологическим аспектом проблемы, с языком, тематикой так называемого «русского эллинизма» и просто с городом, который, по словам Бродского, стал для Мандельштама «эсхатологической нишей на остаток его недолгой жизни» [Бродский, 2001, т. V, с. 97]. Говоря, что Мандельштам был «поэтом цивилизации и для цивилизации», прослеживая «исторический пейзаж» тематики поэзии Мандельштама, которая «повторяет развитие нашей цивилизации: она течет к северу», а римские темы теснят греческие и библейские, приводя суждение Мандельштама об акмеизме, литературном течении, к которому он принадлежал и определял как «тоску по мировой культуре» [Бродский, 2001, т. V, с. 96], Бродский утверждал, что, вероятно, «лучшей эмблемой мандельштамовского отношения к этой, так сказать, мировой культуре мог бы стать классический портик санкт-петербургского Адмиралтейства», поскольку именно Петербург был «средоточием русского эллинизма» [Бродский, 2001, т. V, с. 96]. И мы снова слышим гимн пространству Петербурга, только теперь как бы увиденный Мандельштамом [Бродский, 2001, т. V, с. 97–98].

Идея «благородной структуры» – местная специфика: «Традиция эта возникла век назад,

и обращение к строгим размерам в первой книге Мандельштама "Камень" отчетливо напоминает Пушкина и его плеяду» [Бродский, 2001, т. V, с. 98]. Касаясь проблемы переводов стихов Мандельштама, Бродский вводит цивилизационную аналогию: «Перенос греческого портика на широту тундры – это перевод… Формальные стороны стиха Мандельштама не есть продукт какой-либо отошедшей поэтики, но, по сути, колонны упомянутого портика» [Бродский, 2001, т. V, с. 103].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выше уже приводилось суждение об акмеистичности поэзии Бродского [Лотман, 1993, т. 3, с. 294]. Следует выделить несколько моментов, касающихся нашей темы. Во-первых, понятие художественной формы, претерпевшее множество отражений в зеркалах цивилизации. У Бродского понятие формы и медленного рождения «слова как такового» тождественно мандельштамовскому. Но форма у Бродского приняла прямо-таки умножающуюся нагрузку: в одну сторону отражений это эхо цивилизаций, отраженных в облике Петербурга; в другую сторону – город, нарциссически всматривающийся в свое отражение в водах каналов и рек и снова воспроизводящийся в облике Рима и Амстердама, Венеции и Нью-Йорка. Но главное отражение город-форма находит в русской словесности – поэзии и прозе, в свою очередь вернувшихся в цивилизационное пространство европейской культуры при помощи слова, ритма и формы, диктуемых обликом города.

Во-вторых, в статье «Утро акмеизма» Мандельштам пишет о поэзии, творчестве: «Строить – значит бороться с пустотой» [Мандельштам, 1991, т. 2, с. 323]. Ю. М. Лотман добавляет, интерпретируя произведения Мандельштама: «Поэзия отождествляется с заполнением пустого пространства организованной материей» [Лотман, 1993, т. 3, с. 294].

Таким образом, личный опыт изгнанника-Бродского становится явлением культуры. Не имея желания физически вернуться в город, где прошли 32 года жизни, поэт моделирует его словесно и тем самым снимает проблему возвращения как таковую: в слове он Петербург и не покидал. Поэтическая реконструкция актуализирует смыслы, заложенные основателем Петербурга и умноженные его наследниками. Происходит слияние отражения и отражаемого, речевой акт и произведение языка становится зеркалом, в котором отражается и физическое, и метафизическое пространство города и городского текста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бродский И. Пересеченная местность. Путешествия с комментариями. Стихи / составитель и автор послесловия П. Вайль. М.: Независимая газета, 1995.
2. Бродский И. Сочинения: в 4 т. СПб.: Пушкинский фонд, Третья волна. 1992–1995.
3. Бродский И. Сочинения: в 7 т. СПб.: Издательство Пушкинского фонда, 2001. Т. V.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др.]. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1973. Т. 5.
5. Разувалова А. И. Образ дома в русской прозе 1920-х годов: дис. … канд. филол. наук. Омск, 2004. URL: https://www.dissercat.com/content/obraz-doma-v-russkoi-proze-1920-kh-godov (дата обращения: 25.01.2022).
6. Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992–1993. Т. 3. 1993.
7. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений: в 4 т. М.: ТЕРРА – TERRA, 1991. Т. 2.

REFERENCES

1. Brodsky, I. (1995). Peresechonnaja mestnost = Rough terrain. Travel with comments. Poems. The compiler and author of the afterword P. Weil. Moscow: Nezavisimaja gazeta. (In Russ.)
2. Brodsky, J. (1992–1995). Sochinenija = Works: in four vols. St. Petersburg: Pushkinskij dom, Tretya volna. (In Russ.)
3. Brodsky, J. (2001). Sochinenija = Works : in 7 vols. (vol. V). St. Petersburg: Izdatelstvo Pushkinskovo fonda. (In Russ.)
4. Dostoyevsky, F. M. (1973). Polnoje sobranie sochinenij = The complete works: in 30 vol. (Vol. 5). Leningrad: Nauka. (In Russ.)
5. Razuvalova, A. I. (2004). Obraz doma v russkoj proze 1920-kh godov = Image of home in the Russian prose of the 1920s: PhD in Philology. Omsk. https://www.dissercat.com/content/obraz-doma-v-russkoi-proze-1920-kh-godov (accessed 25.01.2022). (In Russ.)

6. Lotman, Yu. M. (1992–1993). Izbrannije statji = Selected articles: in three vols. (Vol. 3) Tallinn: Alexandra. (In Russ.)
7. Mandelshtam, O. E. (1991). Sobranie sochinenij = Works: in four vols. Moscow: TERRA. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тёмкин Виктор Александрович
кандидат исторических наук,
доцент кафедры мировой культуры
Московского государственного лингвистического университета

Подольская И. А.
кандидат филологических наук,
доцент кафедры французского языка
Московского государственного института международных отношений (Университет)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tyomkin Victor Aleksandrovich
PhD (History), Associate Professor at the Department of World Culture,
Moscow State Linguistic University

Podolskaya Irina Aleksandrovna
PhD (Philology), Associate Professor at the Department of the French Language,
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)

Статья поступила в редакцию 06.05.2022
одобрена после рецензирования 29.05.2022
принята к публикации 10.09.2022

The article was submitted 06.05.2022
approved after reviewing 29.05.2022
accepted for publication 10.09.2022

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 12 (867)

Ответственный редактор
Дементьева Александра Максимовна,
кандидат филологических наук

Редактор В. А. Геронимус
Верстка: А. В. Алымов, Ю. Л. Герасимова
Разработка макета: А. Алымов

Подписано в печать 20.12.2022
Усл. печ. л. 20,5. Формат 60x90/8
Заказ № 95/22

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

Network electronic scientific publication

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 12 (867)

Executive editor
Dementieva Aleksandra Maksimovna,
PhD (Philology)

Editor В. А. Геронимус
Layout: A. V. Alymov, Yu. L. Guerassimova
Layout design: A. Alymov

Signed for print: 20.12.2022
Conventional printed sheets: 20,5. Layout format 60x90/8
Order 95/22

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© FSBEI HE MSLU, 2022

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».